



## "Черный рыцарь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

Тереза Медейрос

Черный рыцарь

Пролог

*Англия, 1279 год*

Дверь слегка приоткрылась, и в комнату неслышно проскользнул юноша. Он замедлил шаги, ощутив знакомый аромат розмарина. О, этот запах вызывал у него странные, противоречивые чувства. Хотелось раствориться в нем без остатка и одновременно, отпрянув, бежать отсюда сломя голову. Он закрыл на мгновение глаза, подчинившись первому своему желанию. Аромат окутал его сладким облаком, как и накануне вечером, когда его мачеха танцевала с ним. Ее черные, цвета воронова крыла, локоны скользнули тогда по его щеке, ошеломив нежностью прикосновения. Замерев, он окончательно потерял способность повторять за нею сложные танцевальные па, которым она с таким очаровательным терпением обучала его. Он вздохнул и открыл глаза, глубину которых окаймляли темные ресницы.

Конечно, ему не следовало появляться здесь. Нотному письму он мог обучаться за столом отца, правилам этикета — в большом зале. Что привело его сюда, в будуар мачехи? Сейчас именно она заботилась о нем, в отсутствие отца. Он должен был вернуться из похода через две недели. «Так что же я здесь делаю?» — подумал юноша и тут же нашел ответ. Он пришел всего лишь поблагодарить мачеху за ее доброту и внимание к нему.

За открытым окном слышался лязг копий, сопровождаемый взрывами грубого смеха. Внутренний двор внизу, где забавлялись, обмениваясь ударами, оруженосцы, казалось, принадлежал иному, бесконечно далекому миру.

Пустота залитых солнцем покоев вызвала в нем одновременно досаду и облегчение. С осторожностью и грацией, удивительными для четырнадцатилетнего юноши, он огляделся.

За раздвинутыми занавесями дамасского шелка, такого же глубокого голубого цвета, что и ее глаза, он увидел смятую постель. Нырнув под резной навес алькова, он дрожащей рукой дотронулся до вмятины на подушке, где недавно покоилась ее голова. Он готов был стоять тут целую вечность, но вдруг где-то сзади раздался тихий звук. Он резко повернулся, ударившись головой о резную стойку, и обвел комнату расширенными виноватыми глазами. И тут же досадливо нахмурился.

Он совсем забыл, что здесь живет еще и ребенок. Его сводная сестра стояла в дубовой колыбельке, выпутавшись из свивальника. Она была еще кроха, но вполне уже могла обходиться без пеленания. Солнечный свет нежно касался ее золотистых локонов. Ее губы обиженно вздрагивали, а в круглых голубых глазках стояли слезы. Но она не плакала. Она, казалось, была настолько покорной и терпеливой, что могла сколько угодно ждать, чтобы кто-либо, оказавшись рядом, взял ее на руки. Юноше показалось, что колыбелька опасно наклонилась, и он поспешил выхватить из нее малышку.

Она оказалась неожиданно плотной и тяжелой. Невозможно было себе представить, что это милое, но неуклюжее существо — потомство его гибкой и грациозной мачехи. Юноша неловко держал девочку на одной руке, как будто побаиваясь ее. Что же с ней теперь делать? Зато она прекрасно знала, что ей делать с ним. Тихо лепеча, она положила свою головку ему на грудь. В ее кулачке мгновенно оказалась прядь его темных волос. Она решительно дернула прядь, как будто затем, чтобы напомнить ему о своем присутствии.

Совершенно неожиданно слезы защипали ему глаза. Он не помнил, чтобы когда-либо плакал. Он не плакал даже в день смерти своей матери. И потом он тоже не плакал. Ощущая комок в горле, он прижался лицом к нежно пахнущим локонам девочки. Она была такой чистой, а он... разве его чувства к ее матери можно назвать чистыми? Держа в своих руках это воплощение невинности, он ощущал себя чудовищем.

Дверь в комнату распахнулась. В покои стремительно вошла его мачеха. Глаза ее странно потемнели при виде золотистой головки девочки, прижавшейся к темной голове юноши.

Она, досадливо поморщившись, схватила малышку.

— Этот глупый ребенок, наверное, докучал тебе? Прости меня. Я не представляю, как она умудрилась выпутаться из пеленок.

Он удивленно смотрел, как она вновь плотно стягивает свивальником тельце ребенка. Девочка не плакала. Глазки ее смотрели не на мать. Они были обращены на него.

— Разве ей не пора уже бегать? — тихо спросил он.

— И добегаться до беды? Что мужчины понимают в воспитании детей? Пеленание сделает ее руки и ноги прямыми и сильными. — На щеке мачехи мелькнула лукавая ямочка. — И воспитает мягкость характера, которую ценит в жене каждый мужчина.

Она взяла его руку и тихонько погладила ладонь своими нежными кремовыми пальцами.

— Пойдем. Не думай о ребенке. Тебе еще многому предстоит научиться до возвращения отца. Я непременно должна научить тебя преклонять колени по всем правилам. — Она повела его на середину комнаты, подальше от колыбели. — Теперь представь, что я — твоя королева.

Ему не было необходимости представлять это, она и была его королевой. Юноша смущенно, но совершенно всерьез, с готовностью опустился перед нею на одно колено. Женщина царственным жестом протянула ему руку. На ее среднем пальце сверкало рубинами и изумрудами обручальное кольцо его отца. Голова юноши низко склонилась. Он не мог преодолеть себя и дотронуться до этой прекрасной руки. Его собственные руки непроизвольно сжались в кулаки. Еще немного, и он бросился бы бежать, но она коснулась его, нежно проведя пальцами по щеке.

— Мой рыцарь, — тихо, нараспев произнесла она. — Мой прелестный молодой рыцарь. Я еще многому научу тебя.

Он закрыл глаза, и женщина притянула его голову к своей груди. Одурачивающий аромат розмарина окутал его. Но, погружая лицо в эту благоухающую нежность, юноша вздрогнул, потому что на секунду представился ему упрек в круглых голубых глазках той, что лежала в колыбели.

Часть I

1

*Англия, 1298 год*

Ровена лежала в пахучей траве торфяника, пристроив подбородок в сгибе своей руки. Она так долго была неподвижна, что совсем рядом с ней спокойно сидел заяц, будто она была просто

частью леса. Неожиданно шапка съехала ей на глаза, и это легкое движение вспугнуло зайца, пустившегося наутек. Ровена тихо обругала его и, поднявшись на колени, встряхнула головой, возвращая шапку на место. Изжаленными крапивой пальцами она повытаскивала колючки, вцепившиеся в ее верхнюю тунику. Напрасно она торчала тут несколько часов, притворяясь чуть ли не деревом, надеясь приучить к своему присутствию зайца, теперь прытко скакавшего туда, где уже розовело закатное небо. Впрочем, одному богу известно, зачем ей это понадобилось.

Она погрозила кулаком убежавшему зверьку, досадуя на свою неудачу. Потом засмеялась — не все ли равно — и поплелась в направлении замка Ревелвуд, где ее ожидали восемь голодных братьев, обреченных теперь на еще больший голод. Охота не удалась, ловушки были пусты, а зайца голыми руками не возьмешь.

Ровена была единственной женщиной в семье. Семь родных братьев, один двоюродный, а также отец с его пристрастием исчезать часто и надолго. Ей потребовалось много времени и изобретательности, чтобы убедить семью в своем полном равнодушии к живописным гирляндам паутины, украшающим мрачные залы их разрушающегося замка Ревелвуд. Ровена очень рано поняла, что избежать постоянной нудной работы на восьмерых мужчин можно, лишь став отвратительной кухаркой, но умелой охотницей. Она немедленно взялась за решение этих двух задач, получив в результате своих усилий свободу бродить целыми днями по диким, заросшим травой торфяникам, предоставив братьям долбить каменистую землю огородов Ревелвуда.

Расставив для равновесия руки — в которых на этот раз не было добычи, — Ровена прыгала с камня на камень, перебираясь через сверкающий поток вблизи замка. Фредди Маленький уже, наверное, готовит вертел для дичи, которую она не принесет. Этот ее самый младший брат спасал семью, обреченную без кухарки на существование в лучшем случае на сырой капусте. Свое равнодушие к очагу Фредди Маленький обнаружил еще в младенческом возрасте, когда добрался первыми неуверенными шажками до пустого очага, где тут же и провалился в запыленный котел. Его гулкие крики отдавались эхом по всему замку, пока самый старший из братьев Ровены, Фредди Большой, не выудил его оттуда.

А с одинаковыми именами вышло так. Мертвецки пьяный по причине рождения своего самого младшего сына отец тут же назвал красненького, вопившего во всю глотку младенца Фредериком, так же, как он в свое время назвал Фредериком своего первенца.

В последующие годы отец с умилением хвастал, как он назвал ребенка Родериком в честь своего старшего сына, бывшего первым плодом его чресл и любимого им поэтому сверх всякой меры. В такие моменты Ровена обычно подталкивала его тихонько и шептала ему на ухо, что имя обоих братьев Фредерик. Он в ответ невозмутимо пожимал плечами, улыбался и вновь поднимал свой кубок.

Под каблуками Ровены хрустела сухая трава. Сумерки позднего лета сгущались вокруг нее в лиловую, цвета лаванды, дымку, мягко напоминавшую ей о долгих праздных часах, которые она провела в этот день, бегая по лужайкам, пересвистываясь с жаворонками и выслеживая на краю леса большеглазую олениху. Вернутся домой с пустыми руками значило признать перед всеми бесполезность ушедшего дня и удовлетвориться ужином из вареной репы, уже третьим на этой неделе.

С решимостью в лице она вынула нож, всегда висевший в ножнах у нее на поясе, и повернула к лесу. Внезапно окружающую тишину разорвал неуверенный, надтреснутый и унылый звук сигнальной трубы в руках явно неумелого трубача. Для Ровены же он прозвучал радостным

пением золотых фанфар.

Папа! Папа вновь был дома! Ровена бросилась к ветхому замку, который она называла своим домом. Вернулся очаровательный хвастун, которого она звала папа.

Прошло восемь месяцев с тех пор, как он, не сказав ни слова, пустился в очередной раз на поиски удачи. В прошлом он не раз возвращался с кожаным мешочком золотых монет, которые разбрасывал перед своими детьми. Их веселый звон предвещал счастливые времена. Ровена со смехом хватала монеты, зная, что золото это будет потом вновь собрано для следующей отцовской экспедиции. Она боялась возвращений отца ни с чем, кроме сильной головной боли и пинка, достававшегося дворняжке, вертевшейся обычно у очага. Он не смел поднимать руку на кого-либо из своих детей; даже Ровена была на два дюйма выше его.

Каким бы неудачным ни оказывался его очередной поход, он никогда не возвращался без подарка, хотя бы и пустячного, для своей единственной дочери. Плетеные кружева и бархатные банты прятались подале, чтобы потом оказаться забытыми, заменяясь одеждой из мягкой кожи и кривым кинжалом. Ровена следовала своему изменившемуся образу с прямоотой и твердостью, унаследованной не от отца.

Зато определенная доля невинной хитрости была свойственна им обоим, и Ровена с радостью сообразила, что возвращение отца отвлечет внимание от ее пустых рук, особенно если он приторочил тушу небольшого оленя к седлу своего престарелого мерина, что он делал всегда, когда бывал удачлив в ставках на пари или в игре в кости.

С холма, на который она взобралась, были видны выветренные и постаревшие от непогод стены замка Ревелвуд. Ровена приостановилась отдышаться. Она стояла, растирая бок, чтобы унять колющую боль, не дававшую ей вздохнуть. Родовой дом ее матери все еще держался на краю охотничьих угодий, хотя его потрепанные временем стены не сулили особой защиты даже от ветра, проникавшего сюда сквозь трещины в растворе между камнями. Ветер рассыпался сквозняками по лабиринтам коридоров, создавая ощущение не уюта. Однако в быстро гаснувшем свете летнего солнца древний замок все еще сиял горьким и волнующим отражением его былой славы.

Ровена понеслась вниз по холму, веселым криком выражая переполнявшую ее радость. Но радость как-то поутихла, когда она увидела покатуя спину отцовского мерина, привязанного к столбу, и пустой мешок, которым были прикрыты его вздымавшиеся бока. Уж больно невесело выглядел понурый скакун. Ровена провела рукой по загривку мерина, погрузившего голову в деревянное ведро. Он фыркнул, продолжая пить. Отбросив холодок недобрых предчувствий, Ровена пробежала по расщепленным доскам, служившим мостом через сырой ров.

Узкие сквозные щели, оставленные когда-то в каменной кладке для стрельбы обороняющихся лучников, не пропускали слабый свет сумерек в помещения замка. Ровена закрыла на секунду глаза, приспособившись к темноте в зале, похожем на пещеру. Огонь, казавшийся слишком маленьким в таком огромном очаге, несмотря на все свои усилия придать хоть немного веселья этому сводчатому помещению, производил больше теней, нежели света, Ровена увидела Фредди Маленького, помешивающего содержимое железного котла. Острый запах вареной репы не добавлял радостных ощущений.

Услышав топот ног по доскам снаружи, Ровена поспешно прошла ближе к огню. Столкнуться в узком дверном проходе с оравой братьев ей совсем не хотелось. Они ввалились в зал гурьбой, гремя мотыгами и граблями, — не иначе, копали огород.

— Где папа? — заорал Большой Фредди.

За ним следовало пятеро парней, которые вполне могли бы сойти за его близнецов, правда, не таких громоздких, даром, что ли, Фредди звали Большим. Он швырнул свою косу на каменный пол. Другие, обменявшись неуверенными взглядами, с такой же небрежностью свалили в кучу свой инструмент.

Двоюродный брат Ровены Ирвин спустился к ним по лестнице. Его пухлое лицо хранило необычно мрачное выражение; он вертел в пальцах ржавую сигнальную трубу.

— Ваш отец наверху, — объявил он. — Он велел собрать вас. Сказал, что у него мало времени.

Не успел он закончить, как в верхних помещениях замка раздался оглушительный грохот, затем последовал град весьма образных громогласных высказываний по поводу замка, его обитателей, погоды, бога и его матери. Все глядели вверх, как будто ожидая, что объяснение загадочных слов Ирвина сойдет на них сверху вместе с облаком пыли и всеми этими богохульствами и проклятиями, призываемыми на головы ближних и дальних.

Большой Фредди протер кулаком запыленные глаза.

— А что, папа не в духе, Ирвин?

— Хуже, — грустно сообщил Ирвин. — Я думаю, что он трезвый.

Братья многозначительно переглянулись, восприняв эту новость с глубочайшей серьезностью.

— Чушь! — насмешливо фыркнула Ровена. — Разве ты видел его когда-нибудь трезвым, Ирвин?

Кузен повернулся к ней. В его нежных, как у теленка, глазах светилось слепое обожание.

— Нет. Но я никогда не видел его и таким, как теперь.

Ровена дернула Ирвина за нос с презрительной нежностью.

— Если ты говоришь, что он трезвый, то, скорее всего, ты сам запускал в эль свою жадную лапу.

Ирвин смущенно хихикнул. Другие же громко рассмеялись, представив их пухлолицего кузена, хватающего кружку и пьющего, пьющего запретный напиток, захлебываясь и проливая на себя.

— Папа, наверное, просто голоден, — убежденно произнесла Ровена.

Взгляд, который бросил на нее Маленький Фредди, был настолько лишен малейшего намека на упрек, что она опустила голову от стыда, сожалея о беззаботно растроченном ею летнем дне. При упоминании о еде в желудках у всех поднялось недовольное урчание. Корки черного хлеба, которые они — после долгого поста — окунали в растопленное сало нынешним утром, стали приятным, но, увы, далеким воспоминанием. Ровена, вздохнув, обреченно пошла к стене, на которой висел старый лук со стрелами. Ее остановили слова Маленького Фредди:

— Яблоки, Ро! Мы можем потратить немного. Я запеку их на углях, как любит папа.

С благодарной улыбкой Ровена взяла мешок, который он протягивал ей. Маленький Фредди, казалось, унаследовал столько же разума, сколько было скупно поделено на всех ее остальных

старших братьев вместе. Натянув шапку поглубже на уши, Ровена нырнула в сгущающуюся ночную тьму.

Едва за нею закрылась дверь, как глава семейства, спотыкаясь, спустился по лестнице.

«Бог мой! — подумал Маленький Фредди. — Ирвин был прав. Папа никогда не спотыкается, если пьян».

Куда девались его важная походка, затуманенный, напыщенный взгляд? Теперь ноги его с каждым шагом, казалось, вязли в болотной засасывающей жиже, а глаза блестели, как будто наполненные слезами. Линдсей Фордайс, барон Ревелвуд, стоял у подножия лестницы и обозревал своих угрюмых сыновей, как будто видел их впервые.

— Христос всемилостивейший! Я и не знал, что вас такая тьма. — Он протер глаза, как будто надеясь, что часть их исчезнет.

— Нас девять, дядя Линдсей, считая Ровену, — сказал Ирвин, всегда готовый угодить.

Барон вновь оглядел зал.

— А где Ро? Я не вижу ее.

Маленький Фредди отошел от очага:

— Пошла за яблоками, папа.

— Это к лучшему.

Отец пересек зал, волоча правую ногу. Его ранее чуть заметное прихрамывание со временем превратилось в тягостный недуг. Он тяжело уселся в старинное кресло, заскрипевшее под его весом.

— Воды, Фредди, — прохрипел он.

Барон откинулся назад и закрыл глаза, упустив возможность лицезреть яростную борьбу между Большим Фредди и Маленьким Фредди, каждый из которых тянул к себе глиняную бутылку, расплескивая тепловатую воду на босые ноги. С неразборчивым ворчанием Большой Фредди выдернул бутылку из рук своего брата и налил воды в ржавый кубок. Зато он уступил Маленькому Фредди честь торжественно преподнести кубок отцу.

Руки его тряслись, когда он взял кубок. Он осушил его так, как будто ему предложили нечто значительно более приятное, чем грязноватая вода с плававшим в ней безвременно погибшим комаром.

— Ну, идите-ка поближе, сыновья. У меня радостные вести, — объявил он.

Раскинув широко руки, как будто желая привлечь их всех к своей груди, он неожиданно засиял улыбкой. Это выглядело так странно, что сыновья его сделали весьма неуверенный шаг вперед, а Ирвин и вовсе шагнул назад.

— Куда это ты, Ирвин? Я не хочу лишать тебя права на приключение только потому, что ты имел несчастье произойти от другого отца.

Ирвин смущенно покраснел и придвинулся поближе.

— Приключение, дядя Линдсей?

Парни обменялись озадаченными взглядами. Они были совершенно не способны представить возможность какого-либо иного существования, кроме их собственной жизни. В конце концов, разве не приключение выращивать репу на каменистых полях, предназначенных для чего угодно, только не для возделывания?

Отец наклонился вперед, таинственно подмигнув им.

— Видите ли, мальчики, в этой последней поездке я действительно поймал ускользавшую ранее фортуна, — начал он с неестественной веселостью. — Я поспешил домой, чтобы разделить достигнутое наконец благоденствие с моим драгоценным потомством, но мой мешок был так набит золотыми монетами, что старый мерин с трудом волочил ноги. — Последовал печальный вздох.

Маленький Фредди слушал, скрестив руки и сузив глаза, с выражением откровенного недоверия.

— Поэтому я остановился на ночь отдохнуть в замке моего друга.

«Друга, — подумал Ирвин, недоумевая, — что за странное понятие. Родня есть родня, а что, собственно, значит „друг?“ И немудрено, все, с кем Ирвин имел дело, были его родственниками».

— А у них в замке как раз в это время началась развеселая игра в хазард [1]. Правда, папа? — с усмешкой прервал отца Маленький Фредди.

Папа взъерошил светлые, как серебро, волосы своего сына.

— Родди, ты не перестаешь изумлять меня.

— Я Фредди. — Вынырнув из-под руки отца, Фредди вернулся к очагу, вновь занявшись своим котлом.

— Итак, — быстро продолжал папа, — чтобы слегка уменьшить обременительный груз несчастного животного, я пару раз кинул кости. Мы играли с моим старым знакомым, сыном графа, который пожаловал мне когда-то владения за службу в его войске. Будучи юношей, он очень любил меня, а теперь, возмужав, стал великим и благородным рыцарем.

От того, как папа произнес последние два слова. Маленький Фредди поежился, непрошенный холодок предательски пополз по его спине. Он выпрямился, перестав помешивать в котле.

— Сначала я поставил на то, что у меня было. Потом — на то, чего у меня не было. Может быть, я хлебнул эля вот настолько больше, чем нужно. — Папа вытянул большой и указательный пальцы, показывая излишек выпитого.

Маленький Фредди широко развел руки, поправляя явное отцовское преуменьшение. Ирвин прикрыл рот пухлой рукой, стараясь не рассмеяться. Маленький Фредди притворился, что потягивается, когда взгляд отца упал на него.

Папа пожал плечами.

— Там я потерял мое богатство. Когда мой старый друг обнаружил мое безденежье, он, боюсь,

вышел из себя. С его проклятой памятью победителя он вспомнил, как я хвалился восемью сильными парнями, которые заботятся о моем замке, пока я ишу свою удачу. Так что в итоге один из вас пойдет служить к графу на один год. Ну разве не редкое везенье? Такой шанс! — Он смотрел на них с сияющей улыбкой, и его яркие пороссячи глазки светились ожиданием бурных проявлений радости с их стороны.

Ответом ему была тишина.

— Ты поставил на кон одного из своих детей? — Маленький Фредди протолкался через стену плотно сдвинутых плеч, встав прямо перед своим отцом.

Улыбка сошла с лица Линдсея Фордайса. Он растерянно провел руками по редким волосам, прикрывая лысину, появление которой очень его огорчало.

— Не совсем так. Выбор был не за мной. — Он мрачно оглядел их, отбросив наконец притворную радость. — Он сказал, что либо сам приедет в Ревелвуд выбрать одного из моих парней для службы, либо привезет в Ревелвуд мою отрубленную голову.

— О, дядя! — выдохнул Ирвин, побледнев так, что стал почти зеленым.

— Счастье твое, что он не твой враг. Есть имя у этого добродетельного рыцаря? — Глаза Маленького Фредди стали как узкие щелки.

Фордайс вытер лоб рукавом. Ему вдруг стало невыносимо жарко, хотя слабое пламя в очаге почти не давало тепла. Вдруг грохот копыт разнесся эхом по двору замка, и все застыли на месте. Наступила тишина. Затем дверь распахнулась от мощного удара, который чуть не сорвал ее с петель.

Ровена вбежала в зал, яркая, радостная, подобная лучу солнечного света. Сладкий запах диких трав торфяника пропитал ее волосы, кожу, тунику ручной вязки, которая была на ней. После бега ее щеки были тронуты розовым румянцем; глаза горели избытком молодых жизненных сил.

Она подбежала прямо к отцу, торопясь многое сказать ему. Слова сыпались из нее быстрее, чем яблоки из ее перевернутого мешка.

— О, папа, я так счастлива, что ты опять дома! Где ты прятал такого роскошного жеребца? Похоже, в этот раз ты действительно нашел свою вечно ускользающую счастливую судьбу?

Опустившись на колени рядом с его креслом, она вынула из кармана помятый букетик вереска и положила его на колени отца. Не давая ему и секунды, чтобы ответить, Ровена продолжала быстро и возбужденно говорить:

— Я принесла твои любимые цветы, а Маленький Фредди обещал запечь яблоки на углях. Они будут горячие, сладкие и сочные, как раз как ты любишь. Это в сто раз вкуснее, чем какой-нибудь жесткий старый подгоревший заяц. О, папа, ты опять дома! Мы думали, что ты никогда не вернешься.

Она обхватила его руками, и от резкого движения шапка упала с ее головы, выпустив на волю целый каскад золотистых пшеничных локонов.

Руки Фордайса не поднялись, чтобы привлечь ее к себе. Он сидел, напряженно выпрямившись, и глядел куда-то в сторону. Ровена недоуменно взглянула на него, потом обвела взглядом зал,

почувствовав необычную тишину, нарушаемую лишь потрескиванием дров в очаге. Отец избегал ее взгляда. Ей даже показалось, что его нижняя губа дрожит. Ровена совсем растерялась.

Она проследила глазами направление его взгляда. Ее братья стояли, выстроившись с необычной для них строгостью. В середине ряда сиял нелепой улыбкой Ирвин.

В круг яркого света перед очагом вышел незнакомец, залитый теперь ярким светом огня. Ровена охнула. Ей вдруг показалось, что она смотрит вверх со дна глубокого колодца и там, наверху, стоит этот человек и не сводит с нее взгляда алчных черных глаз. Его взгляд пронзил ее первобытным страхом, приковывая к полу, как будто Ровена глядела в лицо самой смерти.

— Папа, — произнесла она, глядя холодную, дрожащую руку отца.

Он провел рукой по ее волосам, глядя куда-то в пространство за ее спиной.

вернуться

1

Хазард — вид азартной игры в кости. (Здесь и далее прим. пер.).

— Ровена, я думаю, что тебе лучше подождать снаружи, пока мы не закончим наши дела.

— Ты ничего не говорил о дочери, Фордайс. — Незнакомец переводил взгляд то на отца, то на его дочь.

Рука отца обняла плечи Ровены, как будто прикрывая ее щитом. Издевательский смех незнакомца эхом прокатился по залу. Только Ровена могла слышать ругательства, которые пробормотал папа, осознавший, в какую он попал ловушку.

— Тебя интересуют мои сыновья, — прошипел папа, и на его виске начала биться крошечная вена.

— Но ты-то беспокоись не о них. Это сразу видно.

Мужчина подошел, и Ровена поднялась, выпрямившись и упрямо задрал подбородок. О нет, она не хочет оставаться на коленях у ног странного незнакомца! Вся одежда этого странного человека была так же черна, как и его глаза. Ровена встретила его жгучий взгляд и подумала: «А не так ли черна и душа его?!»

Хотя, когда он подошел ближе, глаза его оказались вовсе не черными, а просто темными, с бархатно-карим оттенком. Их непроницаемая темная глубина не позволяла даже отдаленно постигнуть мысли незнакомца. Густые изогнутые брови придавали лицу выражение насмешливого удивления. Его черные волосы слегка вились. Массивность фигуры спасала его правильные черты от излишней красоты. Да и рост только подчеркивал общее впечатление мужественности. У Ровены мелькнула мысль, что, если бы не жестокое, даже безжалостное выражение лица, этот мужчина был бы по-настоящему красив.

Он протянул руку и приподнял прядь ее волос, как будто изумленный их яркостью. Нежный локон обвился вокруг его пальцев.

Ровена привычно скользнула рукой туда, где у нее всегда висели ножны, но прежде, чем она успела занести оружие для удара, запястье ее оказалось зажато и вывернуто с такой страшной силой, что нож выпал из руки и со звоном покатился по каменному полу. Она прикусила губу, чтобы не закричать от боли. Мужчина отпустил ее.

— В ней больше огня, чем во всех вас, вместе взятых. — Незнакомец шагнул обратно к очагу. — Я беру ее.

Зал взорвался яростными протестами. Папа глубже опустил в кресло, прикрыв глаза рукой.

— Вы не получите мою сестру! — взвился к потолку срывающийся голос Маленького Фредди.

Незнакомец усмехнулся:

— Не шуми зря. Она послужит у меня всего год. Ровена взглянула на отца. Губы его двигались, но он не произносил ни звука. Ее братья сыпали яростными угрозами, при этом смирно стоя на месте, словно приросли к полу. «Уж не лишились ли они все разума?» — подумалось Ровене. Но сверкающие глаза незнакомца не сулили ничего хорошего. Казалось, в них светилась радость от того, что все ведут себя именно как он и предполагал. Он как будто подмигивал Ровене, устанавливая между ними особую, непристойную близость, отчего вся сцена становилась еще более ужасной. Страх парализовал ее. Ничего не понятно, но какие уж тут вопросы, когда язык прилип к гортани.

Жалобный голос папа был так тих, что его едва можно было услышать:

— Мы же говорили о сыновьях, разве не так? Громогласный ответ заставил всех замолчать:

— Нет, Фордайс. Мы говорили о детях. Я получал право на одного из твоих детей на год.

Ровена была близка к обмороку. Нет, это все просто сон, страшный сон, посетивший ее под утро. Скоро рассветет, и все кончится. То-то смеху будет, когда она станет рассказывать свои кошмары.

— Ты не можешь отобрать у человека единственную дочь, — произнес папа умоляюще. — Прояви ко мне хоть каплю милосердия.

Рыцарь презрительно взглянул на него.

— Милосердие? Разве в этом дело, Фордайс? Я пришел, чтобы преподать тебе урок справедливости.

Папа собрал всю свою смелость и с силой ударил по подлокотнику кресла:

— Я не позволю этого.

Рука незнакомца опустилась на рукоять массивного меча, висевшего в ножнах на его поясе.

— Ты выбираешь поединок? — тихо спросил он.

Линдсей Фордайс колебался одно ничтожное мгновение.

— Ровена, ты должна сопровождать этого доброго человека.

Ровена в недоумении моргала глазами, ошеломленная столь быстрым отступлением отца.

Маленький Фредди бросился вперед, подняв над головой железный котелок в качестве оружия. Рыцарь повернулся к нему с обнаженным мечом. Ровена попыталась вмешаться, но тут папа оказался весьма резвым. Он жестоким апперкотом сбил мальчика с ног. Фредди свирепо глядел на своего отца. Кровь текла по разбитому лицу брата Ровены. Единственного вставшего на ее защиту.

— Не будь идиотом! — выкрикнул папа. — Он убьет тебя, а затем и меня.

Все еще держа наготове меч, незнакомец повернулся к остальным братьям.

— Если кто-нибудь еще желает оспаривать мое право, я был бы более чем счастлив защищать его.

Широкое лезвие сверкало в отсветах пламени. Большой Фредди долгим взглядом посмотрел в глаза рыцаря, сжав свои мозолистые руки в кулаки, но затем отвернулся, уткнувшись лбом в теплые камни очага.

Глаза незнакомца расширились в изумлении, когда Ирвин выступил вперед, все еще сжимая в руке сигнальную трубу. Папа сделал шаг в направлении Ирвина, который тут же плюхнулся своим широким задом на край очага, тщательно изучая трубу, как будто видел ее в первый раз. Рыцарь убрал меч в ножны.

— Пари есть пари. — Папа провел пальцами по истрепанной позолоте своего изношенного мундира. — Как вам известно, я — благородный человек.

Он вздохнул, как будто бремя благородства было слишком тяжелым грузом для него. Послышался короткий, неприятный смех. Это смеялся рыцарь.

Папа нежно взял лицо Ровены в свои влажные руки.

— Иди с ним, Ровена. — Он с трудом проглотил комок в горле. — Он не обидит тебя.

Незнакомец наблюдал за прощанием с загадочным молчанием, скрестив руки на груди.

Ровена вглядывалась в лицо отца, втайне надеясь услышать наконец взрыв смеха, объясняющего все происходящее как грубый розыгрыш. Но маленький огонек надежды, теплившийся в ней, задрожал и погас, задавленный унылым мраком, который она увидела в синих глазах своего отца.

— Я пойду с ним, папа, если ты говоришь, что я должна это сделать.

Незнакомец медленно подошел к ней, держа в руках веревку, привязанную к его поясу. Папа отступил назад, предусмотрительно сохраняя безопасную Дистанцию между собой и внушительной фигурой рыцаря, равную длине его меча.

Ровена убрала руки за спину.

— Меня не обязательно связывать.

Мужчина, не обращая внимания на протесты, вытянул ее руки из-за спины и стал связывать запястья вместе. Делал он это не слишком осторожно, но Ровена предпочла этого не замечать.

Ее тихий голос был полон скрытого гнева:

— Если папа говорит, что я должна идти с вами, то я пойду.

Рыцарь, даже не взглянув на нее, спокойно продолжал затягивать узел. Обернув свободный конец веревки вокруг своей руки, он потащил Ровену к двери, не говоря ни слова. Она замедлила шаги, чтобы подхватить свою шапку. Ощувив неожиданное сопротивление, мужчина резко дернул веревку. Ровена уперлась каблуками в каменные плиты пола. Их глаза встретились в молчаливой битве упорства. Без предупреждения он дернул за веревку еще раз, заставив Ровену споткнуться. Она выпрямилась. В глазах на мгновение сверкнули слезы. Но затем их голубые глубины прояснились, и она покорно последовала за незнакомцем, зажав шапку в связанных руках.

Парни плелись за ними подобно мрачной процессии восставших мертвецов. Сзади всех, покачиваясь, брел папа. Маленький Фредди, со свирепо сдвинутыми светлыми бровями, шел, зажатый старшими братьями.

Темнота сгустилась вокруг замка. Полная луна сияла сквозь редкие деревья, заливая немой ландшафт зловещим подобием дневного света. Большой Фредди тихо присвистнул от восхищения, когда перед ними предстал белый жеребец, как будто поднявшийся из тонкой пелены тумана, окутавшего землю. Это роскошное создание нервно гарцевало, заслышав звуки приближающихся шагов.

Взгляд Ровены привлекла золотая уздечка, украшавшая это совершенное существо. Драгоценные камни всевозможных оттенков были рассыпаны по всей ее длине. Зачем человеку такого богатства понадобилось проделать весь путь до Ревелвуда и увести единственную дочь у бедняка? Упрямые плечи рыцаря, казалось, исключали возможность каких-либо вопросов. Он оседлал коня и надел конец поводка, связывавшего Ровену, на переднюю луку седла. Видя переступающие копыта лошади, подкованные железом, Ровена невольно подумала, на каком расстоянии от этих копыт она может следовать, не опасаясь быть растоптанной.

Ирвин подошел к лошади с таким видом, как будто он привык заступать своим грузным телом путь боевого коня, оседланного дворянином в полном вооружении. Рыцарь со вздохом нетерпения и досады откинулся в седле.

— Почтенный сэръ! — Голос Ирвина сорвался на какой-то неприличный писк, поэтому он прочистил горло и попытался начать еще раз: — Почтенный сэръ, я хотел бы напомнить вам, что вы лишаете нас единственного луча света в нашей темной жизни. Вы вырываете единственный цветок, оставляя наш сад в мрачном запустении. Я говорю от имени всех нас.

Кузены Ирвина посмотрели друг на друга и почесали свои головы. Ровена в тот момент пожелала бы, чтобы рыцарь затоптал его, положив конец ее смущению.

— Ты способен на красноречивое выступление, парень, — ответил рыцарь, удивив их всех. — Может быть, ты обратишься с подобной мольбой к ее отцу, чтобы в будущем он делал более осмотрительные ставки.

Из-за спины Большого Фредди папа осмелился послать этому человеку взгляд, полный откровенной ненависти.

— Вы не проявите снисхождения? — спросил Ирвин.

— Не проявлю.

— Тогда я обращаюсь к вам во имя того бремени рыцарства, которое лежит на ваших плечах. Я

умоляю вас чтить мою нежную кузину. Окажите ей то же уважение, с которым вы относитесь к другим особам прекрасного пола.

У Ровены руки чесались надрать Ирвину уши, что она неоднократно проделывала всякий раз, когда ей удавалось в потасовке сбить его на землю. Драка длилась, пока он не начал визжать, прося пощады.

Незнакомец, впрочем, не предпринимал никаких попыток наказать дерзкого, ответив ему своим коротким, неприятным смешком.

— Не беспокойся. Я окажу ей такое же уважение, какое привык оказывать любой хорошенькой девушке. А теперь отойди в сторону, а то попадешь под копыта.

Ирвин отступил влево, и рыцарь пустил жеребца рысцой. Ровена побежала следом, чтобы не оказаться сбитой с ног. Она осмелилась лишь на мгновение оглянуться, бросив один последний жадный взгляд на свою семью. И еще успела услышать знакомый крик, свидетельствовавший о том, что Маленький Фредди в слепой ярости и отчаянии в очередной раз отыгрался на Ирвине.

Она больше не видела их. Все свое внимание Ровена сосредоточила на скалистом торфянике под ногами поскольку мир теперь сузился до полоски земли, на которой нужно было очень ловко переставлять ноги, чтобы не споткнуться и не попасть под копыта быстро скачущего коня.

2

Земля сливалась в одну неотчетливую массу, ускользя из-под ног Ровены с ужасающей быстротой. Спутанные травы торфяника остались позади, и они оказались в лесу. Густая сеть ветвей создавала обманчивую паутину тени и света. То и дело Ровена не замечала предательски торчащих сучков, перескакивая через какой-нибудь иллюзорный камень, оказывающийся на поверку лишь отблеском луны в гладких листьях. В голове осталась только одна мысль: успеть, успеть за этим развевающимся хвостом коня-монстра и за неприступной спиной его демонического всадника и не упасть, ни в коем случае не упасть. Ее уставшие и болевшие ноги стали сбиваться с ритма, и она с трудом удерживалась от того, чтобы, плюнув на все, не рухнуть на землю, чтобы волочиться на веревке за этим чудовищем, уже не дорожа жизнью. Правда, несмотря ни на что, она не бросала изрядно потрепанную шапку, нелепо торчащую в ее связанных руках.

— Послушайте, — задыхаясь, произнесла она.

Широкие плечи не дрогнули.

— Послушайте... сэр!

Ни звука в ответ.

Ровена могла использовать лишь один способ привлечь его внимание. Она села, забросив ноги на веревку, чтобы не перевернуться на живот. Она рассчитывала на мягкий слой сосновых игл, когда приземлилась. Но не думала, что рыцарь будет продолжать тащить ее еще несколько метров, пока она не плюхнется в мелкий ручей с унижительным всплеском.

Ее мучитель наконец остановился и развернул коня. Ровена не знала, кого ненавидит больше — этого самодовольного жеребца или сидевшего на нем черного рыцаря, который молча смотрел на нее, как на ненужную в хозяйстве вещь. Она откинулась в изнеможении на берег

ручья и закрыла глаза. Натяжение веревки ослабло, видимо, ее злобный хозяин сошел с коня. Ровена вздохнула с облегчением, наслаждаясь простой возможностью вытянуть свои связанные руки над головой, и медленно открыла глаза. Всадник опустил на колено у ручья, в нескольких метрах от нее, наполняя кожаную флягу водой. Его темные глаза не отрывались от нее.

Одежда Ровены намочала все больше. Это неприятное ощущение только сильнее раздуло пламя ее негодования.

— Вы утопили бы меня, как котенка, милорд, или в вас еще осталась капля сострадания?

— Почему ты не попросила остановиться?

— Можно подумать, вы бы это сделали. — Ровена с трудом перевела дыхание.

— Разумеется, сделал бы.

Ровена отвела глаза и отвернула лицо в сторону, чтобы скрыть свое очевидное недоверие. Зачем зря раздражать этого человека.

— Как этот бойкий петушок, ваш отец, умудрился взрастить такое трусливое потомство? — сказал он вдруг, поднимаясь и затыкая кожаную флягу за пояс.

— Мы вовсе не трусливые, — возразила она. — Вы не имеете права называть нас так.

Рыцарь перешагнул через ручей и присел на корточки перед нею.

— Твой отец сражался когда-то. Разве он разучился владеть мечом?

Глаза Ровены сверкнули.

— Папа пришлось отложить оружие не по своей вине. Он сильно хромотает после раны в свирепой битве с дьяволами Уэльса.

— Дьяволы, действительно, — хмыкнул Гарет. — А что же те шесть взрослых парней, твои братья? Они позволили мне уйти, забрав тебя, и даже не попытались освободить сестру. Ты не считаешь это трусостью?

— Вы могли бы убить каждого из них, разве не так?

Он пожал плечами:

— Возможно.

— Значит, это не трусость. Они поступили разумно.

Угрюмая маска на лице рыцаря растворилась в искреннем смехе, смягчившем черты его лица, ставшего на короткий миг по-юношески живым.

— Я боюсь, что разум — единственное качество, которого им не хватает еще больше, чем смелости. Кто был тот пухлый, с трубой? Я боялся, что он заколет меня ею.

— Это Ирвин.

Ровена пыталась найти слова, которые стерли бы самодовольную ухмылку с этих надменных губ, но, начав говорить, поняла, что выбрала не то, что нужно.

— Мы помолвлены с Ирвином. Раздался новый взрыв смеха. Ровена заторопилась, продолжая:  
— Он — мой двоюродный брат. Отец знал, что не сможет дать мне приданого, вот и решил помолвить нас пораньше, чтобы избавить меня от смущения потом.

— Я чувствую, что ему это не удалось.

Ровена вздохнула, не замечая всей нелепости обсуждения сердечных дел с этим суровым незнакомцем, сидя чуть ли не по пояс в воде.

— Ты любишь этого Ирвина?

— Я чувствую привязанность к нему. Он всегда был рядом со мной...

— Как верная гончая? — подсказал он. Коротко кивнув, она призналась:

— Я скорее полюбила бы жабу.

— Демонстрация его чувств, там, возле замка, показалась мне довольно искренней. Разве это не тронуло твоего сердца?

Она помотала головой:

— Вы не знаете Ирвина. Он, наверное, всю жизнь ожидал такого случая. Почти несбыточная мечта — выразить свои поэтические чувства перед королевской знатью.

Улыбка вновь появилась на губах сидевшего перед нею мужчины. Он коснулся пальцем ее щеки, рассматривая очертания ее лица, смягченные лунным светом. Ровена, неожиданно насторожившись, смотрела на него.

— Я сражался бы до смерти, чтобы не дать моей невесте попасть в руки такого человека, как я, — пробормотал он. Его палец двинулся дальше по ее лицу, пройдя по контуру губ.

Сердце Ровены учащенно забилося. Она попыталась улыбнуться, но беспокойство, вызванное его словами, не оставляло ее. Гарет пристально смотрел на нее. Последние следы недавнего веселья исчезли с его лица. Ровена подвинулась, с тревогой осознавая свою незащищенность. Мало того, что она лежит в ручье и ее намочшая одежда сковывает движения, у нее еще и руки связаны. Что намеревается делать этот загадочный незнакомец, наклонившийся над нею?

Он взял измятую шапку из ее рук. Надев ее Ровене на голову, тщательно подоткнул под нее каждую прядь мягких льняных волос.

— Если ты намерена отдыхать таким образом в потоках, как своенравная нимфа, надевай, пожалуйста, свою шапочку, чтобы не привлекать своими волосами возможных похитителей.

Он поднял ее на ноги и развязал ей руки. Вода продолжала стекать с нее, одежда липла к телу. Он молча оседлал коня.

Ровена с надеждой улыбнулась.

— Я думаю, что папа уже получил хороший урок, и прекрасно смогу найти дорогу домой отсюда.

— Ты сядешь со мной или мне снова связать тебя? — Рыцарь глядел на нее сверху, и взгляд его был суров.

Она подошла ближе. Весьма внушительный конь не казался столь уж огромным под спокойно сидевшим на нем всадником.

— Вы хотите, чтобы я ехала с вами? — спросила она очень тихо.

Рыцарь ничего не ответил, но Ровена внезапно оказалась на лошади, поднятая его мощной рукой и посаженная в седло перед ним. Ее мокрая одежда неудобно смялась, но поправить ее не было времени, поскольку он тут же пустил лошадь легким галопом. Теперь стало ясно, как много времени они потеряли с момента выезда из Ревелвуда из-за его странной прихоти тащить ее на веревке.

Лошадь летела по проторенному пути, покрытому упругим ковром сосновых игл, приглушающим грохот огромных копыт. Ровена наклонялась вперед, создавая безопасную дистанцию между своей спиной и широкой грудью ее похитителя, но тот прижал ее к себе, обхватив за талию мускулистой рукой.

— Сиди спокойно. Ты напугаешь лошадь, — скомандовал он.

Ровена уступила железной хватке, тем более что лошадь вдруг понеслась среди деревьев, как будто следуя плану, известному лишь ей одной. Грудь рыцаря теперь казалась Ровене единственной защитой от смертельного удара о стволы деревьев, с устрашающей частотой кидавшихся им наперерез.

Когда она поняла, что рука, крепко сжимавшая ее тело под грудью, не позволит ей съехать с лошади, она откинулась назад, усыпленная новым ощущением безопасности, исходящим от его мощной широкой груди. С необычайной легкостью она погрузилась в сон.

Ровена вовремя проснулась. Иначе ей ни за что бы не удержаться на ногах, когда рыцарь бесцеремонно опустил ее на землю. Она зевнула и протерла глаза. Сквозь деревья множеством сияющих ореолов просвечивали факелы. Звуки лютни, чьи струны перебирали явно нетвердые пальцы, и громкие голоса сливались в общий пьяный хор. Смех далеко разносился в ночи. Ровена вопросительно взглянула на неприступного, неприветливого рыцаря.

— Следуй позади меня, как хороший оруженосец, — скомандовал он. — Спрячь свои волосы. Может быть, они уже достаточно пьяны, чтобы принять тебя в темноте за парнишку.

— Это ваш дом?

— Нет. Но он сойдет, чтобы провести здесь ночь.

Он пустил лошадь шагом. Ровена с неловкой развязностью шествовала за ним, не имея ни малейшего понятия, как должен вести себя оруженосец такого господина.

Не поворачиваясь к ней, рыцарь говорил:

— Сейчас ты будешь предоставлена самой себе. Если замышляешь побег, то лучше передумай. Если убежишь, я вернусь в твой дом и никого не оставлю в живых. А когда найду тебя, что произойдет обязательно, ты пожалеешь о том, что не оказалась среди убитых.

Ровена с трудом заставляла себя идти дальше, охватил ее при этих словах. Она представила

себе Маленького Фредди, безжизненного, с зияющей раной от меча там, где должно быть его сердце. Ее глаза вспыхнули гневом, и ей пришлось отвернуться, когда этот человек повернулся в седле и уставил на нее свои темные глаза. Она торопливо кивнула, боясь, как бы он не осуществил свое намерение немедленно, увидев ярость в ее взгляде.

Веселье выплеснулось со двора замка в окружающий лес вместе со светом факелов. Влюбленные пары спускались, спотыкаясь, по подъемному мосту, опущенному через шестиметровый ров. Один из мужчин задержался, остановившись прямо перед могучим конем, на котором гордо восседал черный рыцарь, хозяин Ровены.

— Добро пожаловать! Праздник только начинается, — объявил он заплетающимся языком. Его глаза закатились, и он упал прямо в грязь, с руками, все еще широко раскинутыми в приветствии.

Женщина, шедшая рядом с ним, бросилась обратно в замок, остальные же пары рассыпались в ночи, как хихикающие призраки.

Рыцарь объехал распростертую фигуру, даже не поведя бровью. Ровена молча последовала за ним.

Рыцарь спешил, отдав поводья своего коня рябому парню, возникшему незаметно из тени. Не успели они сделать и трех шагов, как женщина, только что сопровождавшая упавшего пьяницу, появилась вновь, вися на руке другого спотыкающегося мужчины. Ровена увернулась от пары, прошедшей почти вплотную к ней. Резкий смех женщины разорвал воздух. Ровена, широко раскрыв глаза, смотрела, как огромные толстые руки мужчины ухватили женщину за бедра, ее ноги обхватили мужчину, мыча и всю работу своим задом, он прижал ее к стене.

Ровена совсем позабыла о своем хозяине, пока не почувствовала, как он крепко схватил ее за руку, оттаскивая прочь от непристойного зрелища. Уходя, она продолжала смотреть через плечо на женщину со смешанным выражением боли и экстаза на багровом лице.

Вдруг прямо перед ней из темноты появился какой-то мужчина, и заглядевшаяся в сторону Ровена с такой силой ударилась о его кольчугу, что у нее зазвенело в ушах.

— Кто это здесь? Гарет, бог мой, неужели это ты? — раздался громкий голос.

— Нет, — ответила она, не раздумывая. — Меня зовут Ро...

Рыцарь закрыл ей рот рукой.

— Да, Блэйн. Это Гарет. Я думаю, ты начисто вышиб мозги у моего оруженосца. Неловкий парень, этот Ро. Придется его проучить. — Рыцарь отвел руку от ее рта и дал ей мягкую затрещину.

За этим последовал дружеский шлепок по спине от стоящего перед ними приятеля Гарета. Теперь Ровена знала, как зовут ее злобного похитителя. Между тем его знакомец пьяными глазами вглядывался в лицо Ровены, и его тонкие губы изогнулись в хитрой улыбке. Ровена молчала, потихоньку приходя в себя. Право, она не могла припомнить, чтобы ее когда-либо колотили с таким удовольствием.

— Кто же это оказался настолько глуп, чтобы отдать свое дитя в твои руки? — заявил хмельной друг Гарета по имени Блэйн, обращаясь вроде бы к хозяину, но при этом он не сводил вкрадчивого взгляда с лица Ровены.

— Стоит ли мне напоминать, сколько раз эти руки выбивали тебя из седла на турнирах? — заметил Гарет.

Блэйн проигнорировал его и обошел вокруг Ровены.

— Он что-то невелик, правда?

— Ты тоже был когда-то не таким уж рослым, Блэйн. — Гарет обнял своей мускулистой рукой Блэйна за плечи и повел его, спотыкающегося, прочь от Ровены, к подъемному мосту. — А не забыл ты, как я выбросил тебя из окна одной рукой, когда мы были еще мальчишками?

— Такое забудешь! Я приземлился тогда в ежевичном кусте и провел остаток ночи, отмачивая в бочке мои нежные части. — Блэйн загородил рукою глаза от факела и обнял одной рукой Гарета за шею. — И все-таки я рад приветствовать тебя в Ардендоне. Какой же я дурак! Мне следовало бы скормить тебя рыбам-людоедам в моем рву.

Гарет закатил глаза.

— После того, как от тебя сбежали верблюды, я был уверен, что ты оставишь свое нелепое увлечение экзотическими животными.

— Когда принц Уэльский стал бахвалиться своим ручным львом, не мог же я не переплюнуть его. — Блэйн печально покачал головой. — Я теряю двух или трех гостей в каждый праздничный день. Один всплеск — и их уж нет. Ничего не остается, кроме костей, которые вылавливают на следующий день. О боже!

Блэйн качнулся к краю моста, и Гарет поспешно дернул его назад. Ровена шла по мосту с крайней осторожностью, старательно придерживаясь самой середины и не поднимая глаз от страха увидеть отбеленные кости, плавающие в пузырящейся воде.

Она шла за мужчинами через двор замка и дальше — в сводчатый зал, следя за спиной Гарета, уводящего сэра Блэйна. Она прочла тысячу угрожающих предупреждений во взгляде, который он бросил ей через плечо, прежде чем оба приятеля исчезли в водовороте праздничной толпы.

Она остановилась. Брошенная своим похитителем, Ровена ощутила странную растерянность. Засунув руки поглубже в рукава, она шла, присвистывая, пытаясь изобразить равнодушие к незнакомым людям, вертевшимся вокруг нее в различных состояниях опьянения. Оглядев зал, она остолбенела. Открывшееся ей зрелище так приковало ее взор, что весь остальной зал вместе с людьми уплыл куда-то из поля зрения.

Ровена протолкалась сквозь толпу скачущих танцоров и остановилась как можно ближе к заветной цели.

Мужчина в красной бархатной мантии усмехнулся и подтолкнул ее.

— Поспеш, парень. Многое тут, конечно, обглодано до костей, но ты можешь еще найти немало лакомых кусочков.

Ровена начала смеяться и плакать одновременно. Мужчина бочком отошел от нее, посчитав ее сумасшедшей, либо напившейся вдрызг, либо тем и другим вместе. На столе, протянувшимся на шесть метров вдоль стены, лежали остатки пиршества в Ардендоне. В Ревелвуде столько еды не видали за целый год.

В животе у Ровены заурчало. Из центра стола на нее взидала остекленелыми глазами полусъеденная голова кабана. Бросив украдкой взгляд вокруг себя, Ровена резким движением выхватила из его пасти яблоко и сунула себе в рукав. Ее дрожащая рука окунулась в серебряную чашу и вынырнула оттуда с горстью чего-то такого же золотого, как солнце, плывущее над торфяником в весенний день. Она попробовала на вкус. О! Яблоки, выдержанные в сладком соке, просто таяли во рту. Она закрыла глаза от восторга.

Дав волю голоду, накопившемуся за всю ее жизнь, Ровена металась вдоль стола, запуская руку в каждую чашу и хватая все, что нравилось, с каждого блюда, задержавшись лишь для того, чтобы поглядеть, что осталось от целиком зажаренного быка, красовавшегося в конце стола. Рыжая гончая с вороватыми глазами стояла на столе, задними ногами в соусе. Ровена вырвала у нее ногу индейки, запив ее элем из кружки, найденной на столе.

С тяжким вздохом она хлопнулась на затхлый камыш, покрывавший пол вдоль стола, насытившаяся и сонная. Зал вертелся вокруг нее. Шелковые вуали танцующих женщин завивались вихрем пурпурных и желтых волн вокруг ярко-красных и синих костюмов мужчин. Ровена вытерла пот со лба, поражаясь этим людям, тратившим столько жара в очагах и факелах в эту теплую летнюю ночь.

— Посмотри, как он неотразим, — услышала она свистящий шепот над собой.

Ровена перевела взгляд с атласного платья женщины, стоявшей рядом со столом, на ее круглое лицо, искаженное злорадной улыбкой.

— Клянусь, Алиса задерет свои юбки до наступления утра, — пробормотала высокая костлявая женщина рядом с ней. — Сэр Гарет не испытывает затруднений в амурных делах.

Ровена раскрыла глаза пошире, следуя за их взглядами, устремленными на ее похитителя. Его черное, без украшений, одеяние выглядело неприступным и суровым на фоне водоворота красных и зеленых нарядов. Он стоял, поставив одну ногу на скамейку, наклонив свою темную голову к смеющейся женщине. Она что-то говорила ему, и рука ее скользила все выше по его бедру. Губы сэра Гарета кривились в насмешливой пародии на улыбку, которую он подарил Ровене возле ручья. Его рука легко гладила тонкую шею женщины, в то время как сам он взглядом обводил зал. Ровена откинулась поглубже в тень под столом, не желая, чтобы эти темные глаза отыскали ее.

— Очаровал самого короля, да так, что тот пожаловал ему рыцарство в возрасте всего семнадцати лет.

— Ну, знаешь! Если бы ты встала между валлийскими мечами и королем в битве, где потоком лилась английская кровь, я думаю, что тебя бы тоже сделали рыцарем. — Пухлая женщина взяла что-то со стола и оросила в рот, со вкусом причмокнув. — Нет, ты погляди, чего вытворяет. Готова прямо тут...

— Не беспокойся, Алиса выдержит сэра Гарета Де Креси. Она ведь пережила двух мужей, не так ли — ехидно заявила худая.

— Берусь спорить, что этого она не пережила бы. — Обе женщины захихикали.

— Посмотри, как ревниво наблюдает за ними Мортимер. Я думаю, что ему самому нравится Гарет. Давай проверим, достаточно ли он пьян, чтобы совершить глупость.

— Или достаточно глуп, чтобы быть убитым. — Худая женщина захихикала. Она, спотыкаясь,

отошла от стола, наступая на расшитый шлейф своей подруги, пока та не подобрала его и не повесила себе на руку.

Женщины подошли к менестрелю с бледным одутловатым лицом. Его длинные тонкие пальцы продолжали перебирать струны лютни, когда женщины, обступив его с двух сторон, наклонились и зашептали что-то, бросая искоса хитрые, коварные взгляды на Гарета и его даму. Мортимер тряс головой, но пухлая женщина только теснее прижималась к нему своей пышной грудью. Наконец он пожал плечами и кивнул. Женщины отступили в сторону, перешептываясь между собой, прикрывая рот ладонями. Ровена вытащила прядь волос из-под шапки и в задумчивости покусывала ее.

Веселая мелодия лютни внезапно оборвалась, к явному неудовольствию запротестовавших танцующих. Вдребезги пьяный мужчина, хорошо видный Ровене, все еще продолжал танцевать, царственно подбрасывая невидимых партнерш. Менестрель вытащил фляжку из-под жилета и припал к ней. Большая часть вина разлилась по его подбородку, минуя рот.

Один спотыкающийся рыцарь крикнул ему:

— Играй, Мортимер! Успеешь еще утолить свою дьявольскую жажду!

— Играй, и я пошлю своего оруженосца в твою спальню, чтобы утолить ее как можно лучше, — подхватил сэр Блэйн.

Под гиканье, улюлюканье и свист Мортимер изящно помахал сэру Блэйну пальцами, выражая с женственной изнеженностью свою благодарность. Блэйн перекрестил его, как будто прогоняя призрака. Толпа просто тряслась от смеха. Ровена на всякий случай улыбалась, ничего не понимая в происходящем. Сэр Гарет все еще склонялся над женщиной в одеянии яркого канареечного цвета, сидевшей на скамейке. Он не заметил прекращения музыки, как до этого не замечал ее звучания. Ровена видела, как его рука скользнула под тяжелый платок женщины. Его губы касались ее лебединой шеи. «Как может такая бледная, тонкая шея удерживать тяжелый парчовый платок, не говоря уже о голове?» — поразила Ровена. Она инстинктивно дотронулась до своей собственной шеи, как бы убеждаясь в ее привычной здоровой крепости. Неважно, что сильно кружится теперь ее голова, Ровена знала, что она крепко держится на ее плечах.

Пальцы Мортимера нежно касались струн лютни. Толпа притихла, когда он начал брать горьковато-сладкие аккорды с таким мастерством, которого они давно уже от него не ожидали.

— Видите ли, мои дорогие господа и дамы, я приготовил вам новую песню, — тихо произнес он.

При звуках берущей за самое сердце мелодии на глазах Ровены появились слезы. Тоскуя по дому, она вытирала их прядкой волос, которую задумчиво покусывала до этого. Толпа подвигалась ближе к Мортимеру. Кому не лестно послушать новую, специально приготовленную к случаю песню.

Гладкие волосы Мортимера упали ему на лицо. Люди наклонялись вперед, чтобы услышать его приглушенные слова.

— Этот напев я впервые услышал две недели назад в замке в Турэйне.

Сэр Гарет выпрямился и нахмурился. Холодок дурного предчувствия пробежал по спине Ровены, когда она увидела, как потемнело его лицо. Но он искал не ее; он в упор глядел на менестреля.

Голосом глубоким и приятным Мортимер начал петь:

*Илэйн наша прекрасная*

*Заколота напрасно.*

*Ее рукой нетвердой*

*Убийца выдан гордый...*

Опасливо переговариваясь и смущенно покашливая, слушающие отступили на шаг от певца.

*Илэйн нашей прекрасной*

*Ничто уж не опасно —*

*Ни даже рыцарь темный*

*Со страстию тлетворной...*

*Илэйн наша прекрасная...*

Ровене даже захотелось подпеть менестрелю, так захватила ее мелодия, но внезапно пение Мортимера оборвалось в начале следующего стиха. Лютня жалобно звякнула о камни, брошенная на пол, и сам менестрель оказался на полу. У его груди замерло острие меча Гарета. Толпа расступилась на безопасное расстояние, образовав круг, в центре которого остались эти двое. Ровена видела, как две женщины, подстрекавшие менестреля, поспешили к двери. Она поднялась на ноги, подобрала волосы под шапку.

Глаза Гарета сверкали подобно черным бриллиантам. Его широкая грудь бурно и прерывисто вздымалась.

— Если ты хочешь пропеть еще хотя бы день, канарейка, говори, кто написал эту песню, — прорычал он, прижимая горло певца сапогом.

Бледные руки Мортимера трепетали, обращаясь вверх в немой мольбе. Гарет ослабил давление сапога, но крепче прижал меч к тунике менестреля.

— Говори сейчас же, иначе замолкнешь навеки.

Мортимер слабо кашлянул.

— Я говорил вам. Я услышал ее в Турэйне. В одном замке.

— В каком замке? И от кого?

— Я не могу припомнить.

— Ты лжешь. — Сапог Гарета вновь придавил горло лежавшего.

Толпа расступилась, давая дорогу сэру Блэйну. Хозяин замка небрежно положил руку на плечо Гарета, тот резко обернулся, и на какой-то момент во всеобщей тишине Ровене подумалось, что он в ярости снесет сейчас голову своего друга.

— Успокойся, мой брат по оружию. Талантливого менестреля нелегко найти. А мне пришлось бы отыскивать другого, если бы ты пронзил его. Прости на этот раз его дерзость. Возможно, он искренне ошибся. Улыбка Блэйна была, может быть, чуть-чуть слишком веселой. Гарет в упор смотрел на своего друга. Лицо его застыло в напряженной маске. Потом он перевел взгляд на лежавшего менестреля. Мортимер с надеждой скорчил жалобную гримасу. Гарет с презрительным возгласом убрал меч в ножны, все еще держа свой сапог на горле Мортимера.

Он наклонился к незадачливому певцу, и шепот рыцаря разнесся по всему залу:

— Если эти слова когда-нибудь вырвутся вновь из твоей глотки, они станут твоими последними словами.

Толпа расступилась, когда Гарет пересекал зал широкими шагами. Ровена пошла было за ним, но, неуверенная, должна ли она сопровождать его, остановилась. Гарет подошел к женщине с невинными глазами, сидевшей на скамье. Не говоря ни слова, он взял руку женщины в свою. Она поднялась и последовала за ним вверх по лестнице, бросив на толпу внизу взгляд, одновременно застенчивый и триумфальный. Гарет остановился на площадке. Он оглядел зал и обнаружил Ровену, стоящую в середине, в полной готовности пойти за ним, если он позовет.

Гарет кивнул, но она не могла понять, был ли этот кивок знаком одобрения или предупреждения. Затем он исчез вместе со своей дамой в темноте наверху лестницы.

Хихикающий оруженосец с плотоядным взглядом появился из толпы и помог Мортимеру подняться на ноги, уведя его затем в спальные покои. Толпа разошлась, обходя стороной разбитую лютную. Без музыки пирушка заглохла. Те, кто мог держаться на ногах, уходили парами, спотыкаясь, вверх по лестнице или скрывались в ночной мгле. Те же, кто не мог уже стоять, закутывались в свои плащи и растягивались прямо на столах или на полу. Невысокий светловолосый парнишка единым махом очистил угол стола и, свернувшись на нем, вскоре захрапел. Ровена, глядя на него, думала с тоской о Маленьком Фредди, представляя себе, что он делает в это время. Она чувствовала боль в желудке. Вздохнув, она тоже свернулась в углу, подложив под голову кучку грязного камыша вместо подушки.

В ее утомленном мозгу вновь возникла сцена, виденная ею, когда она подходила к замку, и лицо той женщины в экстазе. Она улыбнулась от мысли, что тонкие черты Алисы могут исказиться таким же выражением, как у женщины, прижатой к стене. Еще труднее ей было представить в подобной ситуации фигуру Гарета. Все-таки ужасно непривлекательное зрелище. Ей-богу, даже свиньи в Ревелвуде — когда у них еще были свиньи — проявляли больше благородства при спаривании. Вновь подступившая к Ровене волна тоски по дому прогнала улыбку с ее лица. Когда рыжая собака опустилась рядом с нею, Ровена обняла ее и погрузилась в тревожный сон.

Гарет, поднимаясь по ступеням, держал за руку Алису. Он ничего не ощущал от прикосновения этой Руки, кроме ее холода и хрупкости. Он не мог отделаться от мелодии песни Мортимера, преследовавшей его своим жутким припевом. Он видел любопытство в карих глазах Алисы. Может быть, и она слышала слова песни. Гарет вырвал свою руку из паутины ее тонких пальцев, не объясняя причины. У нее не осталось времени для кокетливого упрека. Они были уже у самых дверей спальни.

Оруженосец с детским лицом и покрасневшая служанка выскользнули из комнаты, обмениваясь понимающими взглядами. С хихиканьем они понеслись вниз по лестнице. Гарет с силой захлопнул дверь и сорвал стеганое покрывало с кровати. От этого яростного жеста Алиса вздрогнула, и страх пробежал покалывающими иглами по позвоночнику. Чувство опасности

отразилось искрой предчувствия в ее потемневших глазах. Это еще более раздражило Гарета.

Она медленно шла к нему, и, когда он поймал ее руку, притянув Алису в свои объятия, губы ее жадно раскрылись, обжигая его пламенем страсти, охватившим женщину. Тело его отвечало на призыв желания, но разум занимала мысль, сколько женщин соблазняли его из чувства любопытства, остроты наслаждения от осознания опасности, исходящей от него, в надежде получить подтверждение жутким слухам, ходившим о нем.

Алиса, оторвавшись от его губ, вцепилась своими тонкими пальцами в кожаные нарукавники на его кольчуге и стала стаскивать их с такой яростью, будто срывала с него кожу.

Эти тонкие, с острыми ноготками, пальцы вызвали в нем память о его былых кошмарах, преследовавших его после того, как он похоронил Илэйн. Ему чудился тогда ее разлагающийся труп, пробирающийся в зал замка. Пальцы скелета как будто скребли по запертой двери спальни, пока он не пробуждался с криком, охваченный паническим ужасом, недостойным мужчины, ощущение которого еще долго не покидало его память.

Он крепче прижал к себе Алису, касаясь лицом ее нежной шеи, пытаясь прогнать эти воспоминания.

Его глаза помимо воли внезапно широко раскрылись. Он вдруг вспомнил — без какого-либо повода — теплоту более естественного и живого тела, которую он ощущал, когда ехал к замку с девушкой, спящей в его руках. Ее тело, такое беззащитное и теплое, доверчиво приютилось на его груди. Голова склонилась во сне, и ее нежное дыхание проникало сквозь звенья его кольчуги, как теплый весенний ветерок. Она была так молода, и он внезапно почувствовал себя очень старым. Он вновь увидел ее стоявшей в центре зала, в бесформенной шапке, скрывавшей золотую массу волос, выглядевшей более хладнокровной и владеющей собой, чем любой из тех, кто бродил, спотыкаясь, вокруг нее. Лишь глаза были лишены уверенности. Они впились в него, как будто от его воли зависели даже ее мысли. Это видение, посетившее его сейчас, обеспокоило Гарета. Убежит она или его предупреждения остановят ее? Встреча с ее отцом была подарком судьбы. Он слишком долго искал ее, чтобы потерять теперь.

Алиса со стоном прильнула к его губам. Ее дразнящие пальцы скользили по его бедру опытными движениями. Поддаваясь страсти, он стянул платок с ее головы. Ее волосы обрушились шелковым каскадом, окружив бледным облаком их лица.

Ровена проснулась оттого, что чья-то крепкая рука зажала ей рот. Она с некоторым усилием вернулась к действительности из туманной дремоты и потянулась за своим ножом, но обнаружила лишь пустоту. Кто-то уже лез рукой под ее верхнюю тунику.

— Если ты — оруженосец, то я тогда — юная девственница, — услышала она грубый шепот.

Огонь в очаге догорел до углей, и лицо напавшего на нее скрывалось в тени. Паника разогнала последние остатки сна, и Ровена изо всех сил ударила непрошеного гостя в лицо. Триумфальный крик, который он издал, просунув руку между ее ног, резко оборвался; когда ее кулак крепко ткнулся в его мягкий подбородок.

Мужчина схватил ее за руку.

— Черт побери, девочка! Ты, может быть, дерешься как парень, но я клянусь, ты будешь довольна мной еще прежде, чем окончится эта ночь.

Жаркое дыхание, полное паров эля, пахнуло ей в лицо. Влажные жадные губы накрыли ее рот.

Ровена направила колено ему в пах, но удар пришелся в пустоту, а над ними нависла чья-то тень. Теперь вес нападавшего уже не придавливал ее к полу. Она села, с трудом переводя дыхание. Шапка слетела, и освободившиеся золотистые волосы упали ей на лицо. Она отбросила их назад и увидела хозяина замка, сэра Блэйна, прижатого к стене, и Гарета, приставившего к его горлу свой кинжал.

Блэйн пожал плечами, насколько позволяло ему его неловкое положение.

— Чего ж ты ожидал, мой друг? Ты считал, я настолько пьян, что поверю, будто это — парень? Эти губы, безусловно, созданы небесами, чтобы служить рыцарю, но при чем же тут оруженосец.

Ровена коснулась своих губ. Они были горячими и распухли.

— Эту леди беспокоить нельзя. — Маленький кинжал в руке Гарета оставался неподвижен.

Глаза Блэйна сузились.

— Если ты не можешь предложить этой... леди ничего иного, кроме как оставить ее одну в моем зале, как ты смеешь упрекать меня за то, что я предложил ей мою защиту?

— Ты предложил ей больше, чем защиту. Если ты считаешь мою заботу о ней недостаточной, мой старый друг, может быть, ты хочешь вызвать меня на поединок?

Блэйн отвел глаза от прямого взгляда Гарета. На его щеке дернулся мускул.

Улыбка Гарета была мало похожа на улыбку.

— Я так и думал. — Он убрал кинжал в ножны. — А теперь, как добрый пьяный малый, доберись до своей постели. Боюсь, мне пришлось разочаровать Алису. Может быть, она согласится утешить твою уязвленную гордость.

Блэйн выдавил жалкую усмешку и потер свой подбородок.

— Я посоветовал бы тебе надеть доспехи, прежде чем взять эту крошку с собой наверх. Она выдает опасные удары.

— Я знаю. Видел.

Гарет поднял Ровену на ноги. У нее не было иного выбора, как только сопровождать его. Она взглянула назад, увидев, как Блэйн глядит им вслед. Лицо его выражало неопределенное чувство, впрочем, весьма напоминавшее зависть.

3

Путь по лестнице показался ей слишком коротким. Не успев прийти в себя после пережитого, Ровена оказалась в скромной спальне. Она стояла у стены, крутя в руках свою шапку. Тяжелая дверь захлопнулась за ними. Эта ночь, казалось, никогда не кончится. Ровена почти не вздрогнула, когда Гарет мягко провел пальцами по ее щеке.

— Он обидел тебя?

Она отрицательно помотала головой. В состоянии полного опустошения она решилась на прямой вопрос:

— Вы отняли меня у него для себя? И для этого привели сюда?

Он отвернулся с пренебрежительным смехом.

— Боже сохрани. Грязные маленькие пострелята из торфяных болот не в моем вкусе.

Обиженная Ровена чуть было не заявила, что она лишь вчера искупалась, правда, в одежде; но вовремя спохватилась. Если бы родная чистая грязь торфяников могла огордить ее от внимания благородных рыцарей, подобных сэру Гарету и его друзьям, она навсегда отказалась бы мыться.

Гарет повернулся к ней спиной и снял через голову свою тунику. Его широкие плечи были покрыты сетью бледных шрамов. «Какой из этих ударов меча предназначался для короля в той битве?» — подумала Ровена.

— Это неудивительно, — пробормотала она, не осознавая, что говорит вслух. — Ты сегодня уже, кажется, вызывал на поединок всех, кроме меня.

Гарет повернулся к ней с интересом в глазах. Его грудь была покрыта темными курчавыми волосами. Уголки губ приподнялись как будто в изумлении, если подобное чувство вообще мог испытывать столь сдержанный человек, как он. Ровена наконец поняла, что за чем-то высказала вслух свои мысли, хотя вовсе не собиралась этого делать. Она опустилась на плетеный ковер рядом с кроватью и начала нервно заплетать в косички свои волосы.

Она слышала, как застонала кровать под его могучим телом, когда Гарет улегся. Его темная голова вдруг приподнялась над краем кровати.

— И никто не принял моего вызова. Разве не так?

— Вы такой непобедимый?

Он опять откинулся на кровать всем своим весом, хмыкнув что-то такое, что она восприняла как утвердительный ответ. Убедившись, что, неумело заплетая волосы, лишь только больше запутывает их, она оставила свою затею, с сожалением вспоминая умелые руки Маленького Фредди, всегда делавшего это для нее. Ровена легла и покрепче подоткнула вокруг себя тунику, ощущая, что ей не хватает тепла гончей, спавшей рядом с нею в зале. Измученная событиями дня, она закрыла уставшие глаза. Но вскоре она как будто ощутила тень, упавшую на нее.

Это Гарет опять навис над нею, и у Ровены замерло дыхание. Она подумала, что сейчас его сильная рука закроет ей рот, мягкие губы требовательно сомкнутся вокруг ее губ. Вместо этого, на нее упало одеяло, а сверху шлепнулся его кинжал.

— Если кто-нибудь опять пристанет к тебе ночью, включая меня, распотроши его.

Ее немигающие голубые глаза встретили его темный взгляд. Кровать вновь заскрипела. Она ждала в тишине звука мерного дыхания, который сказал бы ей, что он уснул. Но так и не дождалась. Она свернулась на боку, с крошечным кинжалом, зажатым в руке.

Ровена проснулась в пустой, нагретой солнцем комнате. Она расправила затекшую спину и встала, потирая глаза. Одеяло на гусином пуху соскользнуло с нее, завернувшись вокруг ног. Примятая перина свидетельствовала о том, что на кровати недавно лежали. Ровена воровато огляделась и бросилась на перину со вздохом наслаждения. Кровати в Ревелвуде были давно

проданы, и постелью для всех служила груда плесневелой соломы в зале. Она перекадилась на живот, зарыв лицо в роскошную мягкость. Ее тело уютно устроилось в углублении, оставшемся от мужчины, спавшего там. Она с размаху перекинулась на спину и начала раскачиваться вверх и вниз, хохоча от восторга. Деревянная рама кровати резко и жалобно скрипела, но Ровена продолжала радостно раскачиваться.

Дверь неожиданно распахнулась. На пороге стоял Гарет с парой расшнурованных кожаных нарукавников, перекинутых через руку. Ровена замерла, хотя кровать продолжала трястись под ней еще целую минуту. Лицо Гарета оставалось непроницаемым, однако Ровена впервые в своей жизни подумала о том, как она выглядит. Подняв руку к волосам, обнаружила, что они наполовину сплетены, а наполовину просто спутаны.

Она слабо улыбнулась:

— Доброе утро, сэра. Я ожидала вас.

Он поднял бровь и усмехнулся. Ровена прикусила язык. Гарет захлопнул дверь. Ровена бочком слезла с кровати.

— Я ожидала... ну, то есть как ваш оруженосец, что в это утро вы научите меня, как наилучшим образом служить вам.

Ровена запнулась, сообразив наконец, что, как ни скажи, все выходит по меньшей мере двусмысленно. Лучше всего помолчать. Она хотела поднять с пола одеяло, но высокая фигура Гарета загромодила ей путь.

— Мой кинжал, пожалуйста. — Он протянул широкую ладонь.

— Я как раз хотела взять его.

— Это меня и беспокоит.

Он отступил назад лишь на несколько дюймов, так что ей пришлось протиснуться к одеялу, задев боком его бедро. Порывшись в складках одеяла и найдя кинжал, она шлепнула его рукоятку в протянутую ладонь и отступила назад. Гарет сунул украшенное драгоценными камнями оружие за сапог и наклонился, чтобы собрать свое небольшое имущество.

— В комнате в конце коридора есть кадка с водой. Она наполнена со вчерашнего дня. Ты можешь воспользоваться ею, если хочешь.

Ровена с самодовольным видом замотала головой:

— Нет, сэра. В этом нет необходимости. Я только в прошлом месяце мылась.

Гарет с удивлением поднял голову. Она старалась не выдать своего смущения перед его откровенно испытующим взглядом. На самом деле лишь вчера, в Ревелвуде, она погрузилась в прохладный водоворот родного потока и лежала затем в теплых лучах полуденного солнца, пока ее одежда не стала жесткой и не начала тереть ее кожу. Но этот тиран не должен знать об этом.

Он пробормотал что-то нечленораздельное и, зашнуровав быстрыми уверенными движениями кожаные нарукавники, протянул руки в ее сторону. Ровена отступила еще на шаг и так и стояла, неудобно прижавшись к деревянной раме кровати.

Гарет кашлянул, кивнув на кожаные шнуры, свисающие с его блестящих нарукавников.

— Может быть, завяжешь? — спросил он, всем видом своим олицетворяя страдающее терпение.

Ровена подошла поближе. Ведь настоящий оруженосец должен помогать ему облачаться? А она теперь — в роли оруженосца, разве не так? Высунув от напряжения язык, она попыталась связать скользкие ремешки в хитроумные узлы. Дважды в них застредали и ее собственные пальцы.

С третьей попытки, после того как связанными оказались ее мизинец и большая прядь волос, но только не шнуры, Гарет со стоном отнял у нее свою руку.

— Если я не хочу оторвать твои пальцы или оставить тебя лысой, мне придется поискать кого-либо другого в помощь себе.

Ровена с обидой убрала руки за спину.

Он надел плетеную кольчугу.

— Побудь здесь. Я поищу Блэйна и поблагодарю его за гостеприимство, прежде чем мы покинем этот дом.

Ровена вспомнила тяжелую руку, нагло лазающую между ее ног, и подумала о нескольких способах, которыми она хотела бы отблагодарить Блэйна за его гостеприимство, — все они не отличались разнообразием, в основном немалая роль отводилась тупому концу хорошей дубины. Она мечтательно вздохнула и стала заправлять свои спутанные волосы под шапку. Гарет оставил ее покорно сидящей на краю кровати.

Крошечная искорка боли в подложечной ямке разгорелась в целый пожар в желудке. После столь удачного насыщения прошлым вечером Ровена понимала теперь, что это — проявление голода. Ровена так долго жила с этой болью, что до этого вечера она представлялась ей нормальным состоянием.

Она посидела, с огорчением ощущая, что боль только усиливается, затем поднялась, чтобы пройтись по спальне. Выпила немного воды, выплеснула остатки в окно и уселась вновь. Увы, желудок требовал своего все настойчивей. Должно быть, напрасно она разбаловала его вчера.

Ровена открыла дверь и выглянула в коридор, посмотрела в одну сторону, в другую, прежде чем выбраться наружу. Был, очевидно, более ранний час, чем она думала. Тела людей все еще валялись на лестнице в самых живописных позах. Она осторожно пробралась вниз, в большой зал. Какой-то мужчина потянулся рукой к ее шиколотке, но она живо ускользнула от его ленивых пальцев, и он, пробормотав что-то придушенным голосом, вновь свернулся под своим плащом.

Перед ней маячил стол, не менее великолепный в трезвом свете утра, чем в ночном покачивающемся блеске факелов. Что ж, она почтит должным вниманием эту роскошь.

Ровена резко повернулась. Гарет бегом спускался по лестнице. Он касался стены, чтобы удержать равновесие. По выражению его лица она поняла, что он уже побывал в пустой спальне. Представив его смятение, когда он не обнаружил ее там, она не могла удержаться от злорадства. Удовлетворенное тщеславие сияло в блеске ее глаз. Можно было даже не скрывать этого. Все равно Гарет не мог ничего заметить, пробираясь через груды лежавших тел. Ровена,

странно потолстевшая за то недолгое время, что провела в одиночестве у стола, решила вдруг еще больше изменить свой вид в худшую сторону, потеряв щеки грязными ладонями. Лицо ее быстро приобрело соответствующий цвет.

Гарет открыл было рот, чтобы сказать что-то, но тут же и закрыл его. Его глаза оглядели ее с головы до ног, сузившись от подозрения, как будто он подумал, что феи посетили их ночью и оставили эту грязную толстую коротышку вместо похищенной им стройной девушки.

Ровена весело улыбнулась.

— Я устала ждать, милорд. Надеюсь, я не прогневила вас.

— Нет.

Он произнес это отрывисто сквозь сжатые зубы, что говорило о его неискренности. Ее улыбка стала еще шире. Она сожалела, что у нее не хватило времени заодно вымазать сажей свои перламутровые зубы.

— Я предпочел бы, чтобы в будущем вы подчинялись мне, — сказал он. — Если, конечно, не хотите попасть в руки еще какого-нибудь сэра Блэйна.

Ее укололи его слова. Ровена спрятала обиду за насмешливыми цветистыми фразами:

— Где же наш учтивый хозяин? Или у него не нашлось слов прощания к нашему отбытию?

Легкая усмешка еле заметно тронула губы Гарета.

— Боюсь, что сэр Блэйн ощущает себя не совсем здоровым в это утро. Он желает нам счастливого пути, присовокупив особенно добрые пожелания моему новому оруженосцу. Он даже поручил своему конюху предоставить вам лошадь для переезда в Карлеон.

Ровена приняла руку, которую Гарет предложил ей, чтобы провести ее через зал. Она представила, какую радость и ревность испытал бы Мортимер, если бы видел сэра Гарета, ведущего за руку своего оруженосца. Ей всегда казалось, что ее огрубевшие пальцы недостаточно тонки и изящны, но они утонули в широкой ладони Гарета. Ровена услышала чье-то Шумное дыхание и, взглянув вниз, увидела знакомую рыжую гончую, принюхивающуюся возле ее ног. Она потрепала ее по голове, как будто прощаясь с верным другом.

Слово «лошадь», было слишком лестным для той клячи, которой сэр Блэйн столь щедро одарил Ровену. Ложбина на вогнутой спине между холкой и крупом была настолько глубокой, что могла вместить трех Ровен. Если бы тишину раннего утра не нарушало ленивое переступание копыт этого одра при их приближении, Ровена сочла бы ее мертвой. Она услышала, как кто-то насмешливо фыркнул за ее спиной. Вряд ли это была лошадь, но, когда Ровена обернулась, лицо Гарета вновь было непроницаемо суровым.

— Разборчивость Блэйна в женщинах всегда превышала его познания в лошадях, — сказал он.

Более опытная женщина, безусловно, приняла бы эти слова как комплимент, но мимо ушей Ровены они пролетели пустым звуком. В руку ей неожиданно ткнулся теплый нос. Это рыжая гончая все еще сопровождала ее. К ней присоединился огромный сидящий дуралей мастиф, ростом почти по пояс Ровене.

Мастиф сунулся носом ей в рукав.

— Отстань, — прошипела Ровена.

Гарет нахмурился. Его жеребец танцевал в возбуждении от лая и подвывания вертящихся под ногами собак. Ровена шлепнула гончую. Мاستиф ухватился зубами за рукав и потянул на себя. Три маленькие собачонки с тьяканьем бросились к ним по мосту. Их украшенные драгоценными камнями ошейники сверкали на утреннем солнце. Они понеслись прямо к Ровене. Она решила, что настал самый подходящий момент наплевать на дьявольское чувство юмора сэра Блэйна и взобраться на спину клячи. Она уже поставила одну ногу в стремя, но мاستиф ухватил ее за штанину мощными челюстями. Ровена сжала зубы и изо всех сил подтянулась на руках, пытаясь сесть на лошадь, но борьба с мощным, хотя и престарелым зверем не увенчалась успехом. Хотя и полным поражением это тоже нельзя было назвать.

Ровена все-таки легла на живот поперек лошади, но на большее была явно не способна. Гарет поглаживал свою короткую бородку с видом полной безмятежности.

— Будьте любезны, — простонала она от напряжения. — Я была бы очень признательна вам, если бы вы помогли мне сесть на лошадь.

Повелительным ревом он разогнал собак. Рыжая гончая медленно удалялась, бросая на Ровену укоризненные взгляды. Гарет обхватил Ровену и поставил на землю. Задержавшись на мгновение, он принюхался. Затем, взяв ее за локоть, развернул к себе лицом.

— Не хочу быть грубым, но я должен настоять на том, чтобы ты выкупалась. Когда собаки начинают следовать за человеком, чуя его запах, это верный признак...

Внезапно он замолчал, и взгляд его изумленно остановился на ее разорванном рукаве, из которого свисала половина жареной курицы. Он осторожно вытащил ее оттуда и швырнул в середину увеличившегося круга собак, собравшихся во дворе. Они набросились на нее с удовлетворенным рычанием.

Гарет сердито смотрел на Ровену. Она стояла в немой покорности. А что тут скажешь? Он просунул руку под ее верхнюю тунику, выудив оттуда пригоршню хлебных корок, два куска свинины, комок изюма и чернослива, три целых луковицы и гниющее яблоко, вытащенное ею из пасти кабана. Наконец стала ясной причина ее внезапной толщины. Исправив положение, насколько это было возможно, Гарет повелительно вытянул руку. Ровена скинула верхнюю тунику и вручила ему. Лохмотья полетели к собакам, так же как и ее запасы.

Она не могла скрыть унылого выражения лица, видя, как ее аппетитные сокровища исчезают, пожираемые собаками. Как наслаждался бы Маленький Фредди изюмом, томившимся в корице и меде! Ровена дрожала, оставшись в тонкой рубашке. Этот рыцарь был не просто жестоким — он был чудовищем.

Гарет отвязал плетеную корзину, притороченную к седлу, и сбросил ее прямо у ног Ровены. Он приподнял ее подбородок одним пальцем. Глаза ее были сухими, но губы сжались в гримасу горечи.

— Ты думала, что я заморю тебя голодом?

Молчание было самым красноречивым ответом.

На кончике его пальца, прикоснувшегося к ее подбородку, остался тонкий слой пыли. Он отбросил крышку корзины, чтобы показать ей два караваея горячего хлеба, горшок светло-желтого масла и три раздутых связки свежей колбасы. Он услышал жадное урчание в ее

животе, прежде чем сама Ровена почувствовала это.

Она захлопнула крышку корзины ногой и уселась на нее. Она смотрела на него глазами, такими же голубыми и чистыми, как небо, которое становилось все ярче.

— Вы ведь не отдадите все это собакам, правда? Скажите, что не отдадите.

Гарет присел на корточки рядом с ней, убежденный теперь, что, если он все же решит бросить собакам эту корзину, чего и в мыслях не держал, ему придется бросить вместе с нею и Ровену.

Он заговорил медленно и терпеливо:

— Я взял все это для нашей утренней трапезы. Я думал, что будет куда более приятно провести ее вдали от дурных запахов вчерашнего веселья.

Она вскочила так же быстро, как и уселась, и тут же вручила корзину Гарету, с радостью ощутив ее солидный вес.

— Конечно. Отличная мысль. Прекратить ночной пост [2]. В Ревелвуде мы иногда не прекращаем ночного поста до самого вечера. А чем дольше ждешь первой еды, тем больше разгорается аппетит. — Ровена болтала непрерывно, потому что чувствовала: если ее аппетит разгорится еще больше, она окажется вполне способной проглотить Гарета вместе с его корзиной.

Он привязал корзину на прежнее место.

— Ты голодна?

Ковыряя землю носком ноги, она пожала плечами. Из-под опущенных ресниц она видела, как он открывает корзину и отрывает ломоть хлеба, свежего и горячего. Едва дыша, ждала, что он съест хлеб и бросит ей корку. От неожиданности она чуть не пропустила момент, когда он сунул ей весь ломоть.

Не говоря ни слова, Гарет оседлал жеребца. Сжимая полученное чудо в дрожащих пальцах, Ровена взобралась на свою клячу и последовала за своим хозяином через изогнутый дугой мост, в долину, где прохладный воздух струился над туманным озером.

Как и обещал Гарет, они остановились на пикник на солнечной лужайке. Он ел мало, с очевидным удовольствием расположившись полулежа в нескольких метрах от нее и наблюдая, как Ровена уплетает и домашнюю колбасу, и кремковый жирный сыр. На дальнем холме, ярко освещенный солнцем, во всей красе возвышался замок сэра Блэйна в Ардендоне. Ночью Ровена могла лишь догадываться о его сияющем великолепии. Солнце заливало черепичную крышу главной башни, оставляя в тени ее круглую стену. Ровена вздохнула, наслаждаясь видом этой красоты и деликатно слизывая жир от колбасы с кончиков пальцев с выражением мечтательного удовлетворения на лице.

Она взглянула на Гарета, взгляд которого был прикован к ее губам. Он поспешно, смутившись, вскочил и громогласно скомандовал седлать лошадей.

Луга кончились, и они въехали в густой лес, заросший папоротником, изрядно отросшим к концу лета. Вечно болевший от голода желудок Ровены наслаждался непривычным ощущением сытости и теплоты. Наевшаяся, убаюкиваемая неспешной рысцой своей лошади, Ровена безотчетно начала тихонько напевать. Невольно запавшие в память слова баллады

Мортимера незаметно слились с нежной мелодией, сорвавшейся с ее губ:

*Илэйн наша прекрасная*

*Заколота напрасно...*

Гарет кинулся к ней с такой быстротой, что ее лошадь не успела даже остановиться, когда он, схватив Ровену за ворот платья, рывком ссадил ее с лошади и потащил назад, пока она не ощутила грубую кору дерева о которое ударились спиной. Она вдруг вновь вспомнила того мужчину, который «пригвоздил» женщину к стене замка.

Ноздри Гарета раздувались от гнева.

— Не пой эту песню. Никогда. Ни сейчас, ни в будущем!

В глубине его глаз осталась лишь бесцветная тьма.

Даже когда он отпустил Ровену, она могла лишь кивнуть, онемев от странно нежного прикосновения перчатки к ее щеке.

Он прошествовал к своему жеребцу, услышав наконец вырвавшееся из нее слабое:

— Как пожелаете, милорд.

Колена тряслись. Гарет вскочил на коня и помчался вперед. Неужели он забыл о ней?! Она уже подумывала, может ли вернуться в Ардендон, чтобы узнать дорогу в Ревелвуд, когда Гарет возвратился. Жеребец гарцевал под ним, приближаясь к ней боком. Его атласная, отливающая шелком кожа, мерцающая на солнце, ярко контрастировала с облаченной в черное фигурой рыцаря. Гарет и жеребец казались единым созданием, настолько точны и быстры были их согласованные движения. Они остановились в ожидании. Лишь слегка волнующаяся грива, шевелившаяся от легкого ветерка, позволяла Ровене поверить, что перед нею — реальный всадник, а не создание ее изголодавшегося воображения, вынужденного питаться Ревелвуде лишь жалкими мечтами.

Она, не говоря ни слова, оседлала свою клячу и прятала руки в редкой гриве лошади, чтобы Гарет не заметил, как они дрожат.

После полудня солнце скрылось за сплошной грядой серых облаков. День незаметно угасал, переходя в сумерки, когда они покинули старую римскую дорогу и, въехав в лес, поскакали среди высоких и древних деревьев. Ровена замороженно смотрела вверх. Сквозь скрипучие ветви ветер нашептывал о близком дожде. Деревья были такими огромными, что она вряд ли смогла бы обнять какое-нибудь из них. Когда ей начали чудиться лица, проступающие в их кривой, грубой коре, она стала смотреть прямо вперед и погнала свою лошадь, чтобы быть поближе к Гарету.

Его широкие плечи перестали казаться ей угрожающими и успокаивали так же, как ритмичное позвякивание уздечки в его твердых руках. Вдалеке послышался вой волка, отчего по спине Ровены поползли мурашки. Гарет, обернувшись, взглянул на нее.

Он и сам мог сойти за волка, с его лохматой головой и блестящими в сумерках белыми зубами. Ирвин рассказывал об оборотне из ада, получеловеке-полу-волке, который заманивает невинных девушек в лес, чтобы насладиться их нежной плотью. Свист, которым подбадривала себя Ровена, звучал довольно уныло. Она придержала лошадь, увеличив расстояние между

собой и Гаретом.

Внезапно с оглушительным визгом с дерева сорвалась огромная серебристая летучая мышь, устремившаяся вниз, на Гарета. Ее удар выбил его из седла звук падения разнесся эхом по притихшему лесу кляча под нею обнаружила наконец признаки жизни, встав на дыбы и перебирая в воздухе передними ногами, отчего Ровена быстренько оказалась на влажной земле.

Волосы, рассыпавшиеся по лицу, не позволяли ей видеть что-либо. Она слышала только приглушенные проклятия Гарета.

Отбросив волосы, она увидела Гарета, лежавшего навзничь на спине. Верхом на его груди сидело какое-то странное существо в доспехах. Поток ругательств, исходивший от Гарета, заставил покраснеть щеки Ровены. Она вскочила, не зная, что делать.

— Сдавайся! — орало существо в шлеме, подскакивая на груди Гарета.

Ровена в полной растерянности переминалась с ноги на ногу, не решаясь действовать. Почему Гарет просто не отбросит нападающего? Это существо вовсе не выглядит сильным и даже просто большим. Может быть, с рыцарем случилось что-то при падении, хотя на ругательства у него хватает разума и сил.

Решив, что известное зло лучше, чем неразгаданное, Ровена схватила палку и треснула напавшее на них создание прямо по шлему.

Существо со стоном свалилось на землю. Гарет перекатился на бок. Оказывается, он умирал со смеху. Ровена отступила на шаг. Брови ее нахмурились. Что мог найти он веселого в том, что его спасла та, которая имела все основания хорошенько треснуть его самого?

Странное существо со стоном село на землю. Рона вновь подняла здоровенную ветку, готовая разделаться с ними обоими, если истерический смех Гарета не прекратится. Все еще слабый от смеха, он остановил ее местом.

Нападавший потянулся руками к своему шлему. Под тускло блестящего серебра показались прямые темные волосы, закрывавшие лицо. Один темный глаз, взиравший на Ровену из-под разбросанных по лицу прядей, показался чрезвычайно знакомым. Ровена переводила взгляд с Гарета на нападавшего, не понимая, кто сошел с ума — она или они. Гарет с трудом перевел дыхание.

вернуться

2

Английское слово «завтрак», буквально: «прекращение ночного поста», обозначалось тогда двумя словами, слившимися позднее в одно.

— Позвольте представить вам мою сестру Марли. Марли потирала свою голову, с яростью глядя на Ровену.

— Твоя новая шлюшка раздает хорошие удары.

— И вполне заслуженные, смею добавить. — Гарет сел на землю, подогнув свои длинные ноги.

Покусывая сорванную веточку, он обращался к Ровене, хотя смотрел все время на сестру. — Марли обожает устраивать мне засады, когда я возвращаюсь в Карлеон. — Она считает, что это помогает мне быть всегда настороже. Сколько времени ты пряталась на этом дереве, дорогая? Два дня? Три? Неделю?

Марли встала на ноги, бренча ржавыми наколенниками.

— Стану я тратить на тебя столько времени, братец! Твои женщины слишком избаловали тебя. Ты чересчур загордился.

Ровена слишком расстроилась словечком, сказанным Марли о ней, и не заметила, когда та подошла к ней вплотную. Сестра Гарета стояла, упершись руками в бока. Ровена украдкой разглядывала ее, пытаясь определить, было ли лицо Марли, надежно спрятанное за волосами, такое же страшное, как эти черные космы. Вместо того чтобы отбросить их, Марли, напротив, встряхнула головой, прикрывая лицо еще больше, что не позволяло Ровене определить ее возраст.

Когда Марли протянула руку, чтобы потрогать пшеничную прядь волос, Ровена с трудом подавила желание оттолкнуть эту руку. Золотой локон обвился вокруг ногтя Марли, украшенного полумесяцем грязи. Марли немного полюбовалась, затем провела локоном по кончику носа Ровены нежным ласкающим жестом. Ровена чуть не чихнула от щекочущего прикосновения.

— Хорошенькая, — произнесла Марли, насмешливо изогнув губы.

Гарет поднялся, встав позади Ровены.

— Руки прочь, маленькая сестренка. Она принадлежит мне. А не тебе. — Он не дотрагивался до Ровены. Ему не было необходимости в этом.

— Где ты приобрел такую?

— Я выиграл ее в кости.

Марли подняла одну бровь, едва видимую за густыми волосами.

— Забавно. Скажи мне, она всегда одевается как мальчишка или просто ты приобрел новые вкусы во время путешествия?

— Я не обязан отвечать на такой вопрос. Особенно тебе.

Марли оглядела их обоих.

— Она разговаривает или только дерется?

Ровена начала чувствовать себя подобно христианину между двух соперничающих львов.

— Разговариваю, — недовольно буркнула она.

Но ее ответ не заинтересовал Марли.

— У нее, может быть, даже есть имя?

Гордость, которую она давно забыла, заставила Ровену произнести сдавленным голосом:

— Ее имя — леди Ровена Фордайс.

Между Марли и Гаретом внезапно прошел как бы удар молнии, такой мощный и быстрый, что Ровене могло лишь почудиться это, если бы на ее шее, как от озноба, не шевельнулись волосы.

Марли снисходительно хмыкнула, одаривая ее честью прямого обращения:

— Вы не выглядите как леди. Слава богу, я их навидалась.

— То же самое она может сказать о тебе, — возразил Гарет.

Марли скорчила по-детски пренебрежительную гримаску. Она засунула в рот два пальца и пронзительно свистнула. Из-за деревьев выбежала пегая кобыла, такая же лохматая и неуклюжая, как и ее хозяйка. Марли устроилась на спине лошади, гремя своими доспехами.

Она кивнула на клячу Ровены:

— Ее ты тоже выиграл или тебе ее навязали силой проигравшие хозяева, чтобы хоть чем-то вознаградить себя?

Гарет взгромоздился на своего жеребца.

— Эта кляча — дар Блэйна. Результат его извращенного чувства юмора. Нам пришлось тащиться еле-еле, чтобы не заморить это бедное животное. — Пренебрежительный взгляд в сторону кобылы, казалось, включал в его замечание и Ровену.

— Жаль, что не заморили. — Марли пустила свою кобылу вперед.

Ровена ощутила родственную симпатию к своей лошади, обиженной, как и она. Она погладила морду животного, прежде чем вскочить в седло, и последовала за ними в сгущающуюся тьму.

Когда они добрались до Карлеона, начался ливень, как кулаками колотящий их сверху. Ровена слабо различала наклонный подъемный мост, темный двор замка, черные возвышающиеся каменные стены. Сильные руки обхватили ее за талию. Гарет ссадил ее с лошади и торопливо втолкнул в широко раскрытые двери.

Она стояла, вся вымокшая, затаив дыхание, на дне огромного колодца темноты. Она глядела вверх, но не могла увидеть крыши, которой заканчивалась бы эта чернота. Лишь когда ее дыхание восстановилось, Ровена смогла понять, что тьма лишь казалась такой глубокой из-за маленьких светящихся точек, расположенных вдоль каждой стены. Свечи. Свечи в зале, где нужны факелы, чтобы хоть что-либо увидеть. Холодок вновь коснулся ее тела.

Звон металла и крепкие проклятия сопровождали продвижение Марли по залу.

— Данла! — кричала она.

В зале появилось плавающее пятно света. Сначала Ровене показалось, что факел возник прямо из стены, но вглядевшись получше, она увидела старую женщину с согнутой спиной, вошедшую в зал из узкого коридора. Факел, который она несла, почти стелился по полу. Это могло закончиться катастрофой, поскольку в кружке света факела Ровена увидела, что камни пола были покрыты не камышом, а богатыми восточными коврами, края которых были сшиты в единое нескончаемое море роскоши.

Женщина, появившаяся из тьмы, улыбнулась беззубой улыбкой и пальцем поманила к себе

Ровену. Ровена наклонилась к ней. В ноздри ей ударил запах шалфея. Губы женщины приблизились к уху Ровены.

— Добро пожаловать! — услышала она громкий крик, совсем оглушивший ее.

Ровена дернулась назад, ударившись ногой о какой-то неподвижный предмет. Гарету пришлось согнуться вдвое, чтобы поцеловать высохшую, как бумага, щеку старушки. Она радостно улыбалась ему.

— Данла почти глухая, — объяснил рыцарь Ровене. — Она думает, что мы все глухие.

— Я думаю, что так оно и есть, после того как она кричала нам в уши с самого детства.

Голос Марли громыхал, усиливаемый эхом. Где-то там наверху, на недосыгаемой высоте, очевидно, все-таки была крыша. Ровене пришлось отступить назад, поскольку вертящаяся вокруг Данла чуть не подожгла ее штаны, размахивая факелом,

Гарет дернул за уголок платка Данлы, чтобы привлечь ее внимание. При этом он едва успел отскочить от опасного огня. Ровена не удержалась от смеха, но примолкла, когда Гарет указал Данле на нее, разъясняя ей что-то на языке немых.

Ровена склонила голову набок, наблюдая, как руки Гарета исполняют какой-то загадочный танец. Данла понимающе приседала и выпрямлялась, как будто делая книксены вместе с факелом, отчего по лицу Гарета пробежали удивительные тени. Откуда-то из темноты до Ровены доносились звуки тяжелого дыхания Марли. Завершив последний реверанс, Данла подтолкнула Гарета по направлению к дверям. Он бросил на Ровену непроницаемый взгляд и ушел, пройдя сквозь невидимый хаос зала, ни разу не задержавшись и ни на что не натолкнувшись.

Ровена все еще глядела ему вслед, когда почувствовала, что старушка тянет ее за штанину. Данла засеменила куда-то, таща за собой ногу Ровены, совершенно не обращая внимания на то, что сама Ровена все еще стояла на месте, словно вросшая в пол от удивления. — Чего она хочет? — прошептала Ровена. — Что он сказал ей?

Голос Марли ясно донесся до нее из темноты:

— Он велел ей хорошо накормить тебя и привести в его покои.

Ровена наконец почувствовала, что ее настойчиво тянут вон из зала. Изношенная домотканая материя представляла отчаянным треском, но Данла не оставляла своих усилий.

Серебристый смех Марли подчеркнул значение ее слов:

— Он велел ей также заставить тебя вымыться. Ровена скакнула вперед, чтобы не упасть. Она бросила взгляд через плечо, но увидела лишь сияющие белые зубы, обнаженные в жадной улыбке. Где-то глубоко в сознании вновь возник услышанный ею вой волка в лесу.

4

Даже блюдо холодной баранины, столь свежей, что бусинки жира на ней светились, подобно капелькам нектара, не могло поднять духа Ровены. Слово, которым Марли назвала ее при встрече, продолжало звучать в ее голове, как эхо, которое становилось все громче каждый раз, когда она вспоминала, что Гарет намеренно не поправил свою сестрицу и вообще не выказал

никакого неудовольствия. Эта первая сцена в лесу все время прокручивалась в мозгу Ровены и каждый раз с новым завершением.

«— Шлюха? — мог бы переспросить Гарет своим могучим басом. — Что за чепуха. Я думал, что она могла бы помочь нам сеять овес весной». Или, может быть, так: «Глупая Марли! Разве она похожа на мою шлюху? Я выиграл ее, чтобы она помогала Данле на кухне». Или, что было бы лучше всего: «Придержи язык, сестренка. Эта красивая девочка — леди. Как смеешь ты оскорблять ее таким словом?» Эти воображаемые ответы всегда приводили к изгнанию Марли и к чистосердечным извинениям со стороны Гарета. Предпочтительнее всего, чтобы он, преклонив колено, поцеловал ее ладонь.

Подобная, совсем уж нереальная, картина — ее грубый похититель на коленях перед нею — мгновенно вернула ее к реальности. Она все еще ковырялась ножом в баранине, когда в кухню вошла Данла, таща за собой круглую деревянную бочку, вдвое большую, чем она сама. Ровена мрачно смотрела, как наливается подогретая вода в это подобие лохани, чьи стенки наверняка топорщились занозами. Данла раздела ее и весело бросила одежду в огонь. Ровена молилась, чтобы Гарет не зашел случайно на кухню за своим ужином. Облачком черного дыма ее одежда улетела в трубу, как и вся ее прошлая жизнь в Ревелвуде.

Она погрузилась в горячую воду до самого подбородка. Волосы ее плавали на поверхности спутанным мотком.

Если Гарет действительно намеревается использовать ее для наслаждения весь этот год, почему он не прикасался к ней до сих пор? Он даже дал ей свой кинжал для защиты. Может быть, он думал, что она грязная? Теперь он хочет, чтобы она была чистой. И в его спальне. Когда Данла терла ее лицо тающим куском мыла, в памяти всплыло ощущение горячих, жадных губ сэра Блэйна. Обвиняющие слова Марли звучали и звучали в ее ушах. Ровена расплакалась от жалости к себе.

Ночь уже размыла все очертания вокруг, когда Данла помогла ей вылезти из бочки, сочувственно хлопоча вокруг. Она вытерла ее и накинула на нее через голову белую тунику, длинную и бесформенную, широкую в талии. Тонкое полотно касалось кожи подобно нежному пуху.

Прежде чем Ровена осознала, что происходит, она уже стояла босиком перед массивной дубовой дверью, обитой железом. Влажные волосы рассыпались по ее плечам. Когда Данла заковыляла прочь, Ровена дотронулась до двери, но вдруг отдернула руку. Она могла бы убежать теперь, но куда? Замок с его мрачными лабиринтами представлял такую же опасность, как и подступающий к нему лес.

Тихий голос, прозвучавший из темноты, испугал Ровену не меньше, чем если бы Марли прыгнула на нее в своих нелепых доспехах с балки под крышей.

— Что ты тут стоишь? Ты боишься?

Ровена вгляделась в тени вокруг. Марли сидела спиной к стене, неуклюже подобрав под себя ноги.

Неведомое ей ранее упрямство заставило Ровену ответить:

— Нет. Я не боюсь.

Марли сделала большой глоток из грязного бурдюка и вытерла рот тыльной стороной руки.

— Он заглатывает маленьких деревенских девочек, как ты, чтобы возбудить аппетит.

Ровена разгладила непривычную ткань своей новой одежды, чтобы скрыть дрожание рук. Марли заткнула бурдюк и отложила его в сторону.

— Он не трогал тебя еще, нет?

Ровена попыталась вспомнить:

— Он швырнул меня об дерево, потому что я пела песню, которая ему не нравится.

Марли поднялась и развязно подошла к ней. Не успела Ровена вздохнуть, как оказалась прижатой к двери. «В этой семье, видно, все привыкли драться», — подумала она бесстрастно.

— Какую песню? Скажи мне слова, — резко потребовала Марли.

Стараясь не дрожать, Ровена повторила слова, которые смогла припомнить. Губы Марли сжались мрачной улыбке.

Она придвинула свое лицо ближе к Ровене.

— Иди к нему. Постарайся скрыть свой страх. Он не убивал пока никого из своих женщин, в последнее время по крайней мере. — Она откинула голову в припадке дикого смеха, затем протянула руку мимо Ровены и толчком открыла дверь, протолкнув Ровену внутрь, спиной вперед. Дверь захлопнулась прямо перед ее лицом.

Она долго стояла, прижавшись лбом к косяку и боясь двинуться с места. Наконец, сделав глубокий вдох, Ровена повернулась. На первый взгляд комната казалась пустой. В камине потрескивал веселый огонь, прогоняя сырость дождя, бывшего в ставни. Свечи с язычками колеблющегося пламени, укрепленные на стенах в железных подсвечниках, проливали восковые слезы, образующие на стенах застывшие водопады. Кровать, стоявшая у стены, была лишена каких-либо украшений, производя тем не менее внушительное впечатление благодаря крупным размерам и красивому пологу, закрепленному на столбах красного дерева. Ровена на цыпочках подошла к кровати.

Гарет лежал на спине и, кажется, спал. Его длинные темные ресницы не вздрагивали, и тени покоились на щеках. Ровена осторожно подступила поближе, прикусив от волнения губу.

Он и во сне казался таким же большим и сильным. Рука, спокойно лежавшая на постели, могла бы раздавить ее так же легко, как комара. Губы были сомкнуты, как будто даже во сне он должен был охранять свои тайны. Темные волосы курчавились на мускулистой груди, собираясь в одну полоску, уходящую вниз, под тонкую простыню. Грудь его не хранила следов от ударов меча. Те, кому удавалось взять верх над сэром Гаретом Карлеонским, очевидно, предпочитали нападать на него сзади. Он шевельнулся, и Ровена непроизвольно сделала шаг назад, боясь, что простыня того гляди соскользнет с него и откроет куда больше, чем ей хотелось бы видеть.

Ее ноги были погружены в нечто по неземному мягкое. Она взглянула вниз и увидела кучу мехов, наваленную рядом с кроватью. Должно быть, Гарет сбросил их с себя, когда жар от огня добрался до кровати. Он пошевелился вновь, хрипло застонав, затем успокоился. Ровена посмотрела на кровать, затем опять на пол. Мышцы ее болели после долгих часов езды на лошади. Со вздохом облегчения она опустилась на колени, закутавшись до шеи в нежные меха.

Ровена уже давно спала, когда Гарет, проснувшись, поднялся с кровати и, сделав несколько шагов, погрузил свое мощное тело в резное кресло перед камином. Он опустил подбородок на руку и молча глядел на девочку, спящую у его ног. Волосы, сбившиеся и грязные во время их путешествия, теперь были подобны густой и зрелой пшенице. Отблеск огня придавал ее коже розовый оттенок. Маленький кулачок она совершенно по-детски держала у полуоткрытых губ.

Гарет беспокойно пошевелился в кресле. Волосы Линдсея Фордайса были когда-то такими же густыми, как у этой девушки, а глаза — такими же голубыми. Уже через несколько дней после того, как отец Гарета привел в дом свою новую жену, у них появился Фордайс. Он дал отцу клятву вассальной верности и носился по замку, как золотовласый хвост этой ворвавшейся к ним кометы со страстными глазами. Новая жена отца поистине пронеслась по их жизням, оставляя только опустошение на своем пути. Годы не пощадили Фордайса. Там в Ревелвуде его руки были беспомощными, как у паралитика. Беспутный образ жизни обременил его лицо изрядными мешками под глазами. Неудивительно, что этот человек избегал его все эти годы. Гарету нужен был в качестве вассала могущественный барон с хорошо укрепленным замком, а не напыщенный расточитель, не умеющий привести хозяйство в порядок. В нынешнем Фордайсе, этом толстом коротышке, Гарет не находил теперь и намека на прежнего подвижного, щегольски одетого, веселого рыцаря, который учил его кидать кости и беспрестанно хвастался после каждой поездки в свой замок на севере, что одарил жену очередным ребенком.

Взгляд Гарета, помимо воли, скользнул по пушистым мехам, угадывая под ними нежные очертания тела Ровены. Как бы поступила она, если бы, проснувшись, обнаружила его губы, прижавшиеся к ее рту? — размышлял он, слабая улыбка тронула его губы. Очень может быть что ему, как Блэйну, пришлось бы отведать удар кулака по челюсти. Это, конечно, не стало бы препятствием. Это не помешало бы и Блэйну, если бы Гарет не подоспел вовремя. Он мог бы усмирить ее одной рукой, оставив другую руку свободной для того, чтобы полностью насладиться причитающимся ему выигрышем пари с Линдсеем Фордайсом, бароном Ревелвуда.

Гарет остался сидеть в своем кресле у огня. Он ждал и надеялся, что добыл хорошую приманку для ловушки, предназначенной Фордайсу. Это должно пробудить в нем давно уснувшее чувство чести. Даже самый безразличный из отцов не оставит такую розу, как Ровена, в мстительных руках Гарета де Креси. Умерли последние языки пламени, оставив лишь сияющие угли, он все еще сидел у камина, наедая за своей спящей пленницей и размышляя, не была ли вся эта затея ужасной ошибкой.

5

Знакомые ласковые пальцы рассвета касались Ровены, призывая к пробуждению. Она еще глубже закуталась в меха. Смеющиеся зайцы скакали перед ее дремлющим взором. Она дернулась во сне, подумав, что пора привязать к поясу нож и бежать в торфяники на охоту. Скрипнула ставня. Ровена открыла глаза. Туманный свет пробирался в открытое окно, окружая темные волосы Гарета серебряным ореолом. Ровена села, прижимая меха к груди, забыв о своем скромном одеянии.

Гарет повернулся. Она с облегчением разглядела на нем свободные рейтузы, хотя грудь его была все еще обнажена,

— Ты можешь спать и дальше, если хочешь, — сказал он. — Ты заснула вчера куда позже, чем я.

— Вы крепко спали, когда я пришла в спальню. Я не хотела будить вас.

— Чрезвычайно любезно с вашей стороны. — Его ровный тон утверждал противоположное.

Ровена отвернулась, избегая его насмешливого взгляда. Стены были увешаны гобеленами. Цвета — от красного, как бургундское вино, до желто-коричневого — создавали иллюзию уюта в этом каменном помещении. Прямо над ее головой, в тонкой настенной росписи, яркие глаза змея преследовали обнаженную скромную Еву.

Громкий хруст заставил ее подскочить. Гарет стоял вплотную к ней, держа на ладони полусъеденное яблоко.

— Фрукты? — предложил он весело.

Никогда не отказывавшаяся от еды, Ровена взяла яблоко и откусила порядочный кусок. Переводя взгляд от Гарета к змею возле Евы с плодом, она вернула яблоко. Он улыбнулся, откусил еще и, протянув ей другую руку, сказал:

— Пошли.

Ровена побледнела. Неужели она избежала его внимания вчера вечером только затем, чтобы удостоиться его теперь? Она дотронулась до своих волос, желая убедиться, что они вновь спутались после сна. Впрочем, если судить по сверкающим глазам Гарета, она была не в таком уж беспорядке. Ровена протянула ему руку и затаила дыхание, когда он поднес ее к своим губам и задержался, разглядывая мозоли на ее ладони. Его брови нахмурились, и Ровена испугалась, что каким-то образом разгневала его. Она справедливо полагала, что он привык к нежной мягкости рук леди. Она попыталась отнять руку, ощущая необъяснимый стыд, но он мягко положил ее руку себе под локоть и повел ее к окну. Она шла рядом с ним, чувствуя волнующее тепло, исходившее от его тела.

Он облокотился на каменный подоконник. Огрызок яблока выпал из его пальцев, исчезнув в тумане, расстилавшемся внизу.

— Добро пожаловать в Карлеон. Дед моего деда назвал так поместье в честь Карлеона, принадлежавшего Утеру Пендрагону. Случалось, наши предки обладали романтической душой. Он восхищался легендой о Пендрагоне, даже немного помешался на ней.

— Ирвин рассказывал мне истории о Пендрагоне его сказочном дворе. Ваш Карлеон, должно быть, также прекрасен.

Замок, раскинувшийся под ними, не был отделан блестящим черным обсидианом, как показалось Ровене, увидевшей его впервые во время проливного дождя. Он был сложен из темно-серого камня, исхлестанного дождями и потемневшего от непогоды. Зубчатые стены окутывались туманом. За стенами замка раннее утреннее солнце рассеивало дымку над землей, открывая отдельные кусочки леса, такого густого, что в утренней влаге он вырисовывался черным, а не зеленым. Вдали, отрезанный от холма, на котором он стоял, сверкающими слоями тумана, возвышался другой замок. В бледном, неземном свете развевался его красный с желтым флаг.

— Ардендон, — сказал Гарет, увидев, что Ровена уже готова задать вопрос. — Я ожидаю вскоре увидеть стяг Блэйна, движущийся в нашем направлении. Любопытство Блэйна ненасытно, особенно если дело касается хорошенькой девушки, пренебрегшей его вниманием.

Взгляд Гарета с трудом оторвался от ее полураскрытых губ. Ровена оперлась бедром на подоконник и начала заплетать волосы, пытаясь создать некое подобие приличной прически.

Чистые пряди скользили между ее пальцами подобно шелковистым молодым колосьям.

— Позволь-ка мне, — сказал Гарет, взяв локон из ее рук. — Я не предусмотрел служанки для тебя.

Ровена едва осмеливалась дышать, когда его крепкие, сильные пальцы начали сплетать пряди ее волос с таким искусством, которое выдавало его знакомство с женским убранством. Она не хотела ни о чем расспрашивать. Подобная грация была как-то неуместна для мужчины таких размеров. Его собственные волосы были все еще взъерошены после сна.

— Ирвин говорит, что я слишком ленива, чтобы как положено заниматься своей прической.

— Но достаточно работающая, чтобы вставать чуть свет и охотиться за дичью, — а он бы делался еще пухлее.

Ровена хотела кивнуть, но вовремя остановилась. Еще не хватало, чтобы кто-то насмеялся над ее семьей.

— Маленький Фредди помогал мне управляться с моими косами.

— М-м-м, — промычал Гарет неопределенно. — Маленький Фредди — это тот доблестный сероглазый малый, который хотел дать мне по голове котелком?

При воспоминании об этом у Ровены сжались губы.

— Да, это он.

Гарет закончил одну косу и приступил к другой.

— Скажи мне, Ровена, твой дражайший помолвленный касался тебя когда-нибудь неподобающим образом?

Ровена вырвала свою косу у него из рук.

— Никогда! Я разбила бы ему голову, если бы он попробовал.

Гарет обнажил в улыбке белые зубы.

— Умоляю, не разбивай мою голову за этот вопрос. Ты уже в возрасте, подходящем для замужества. Тут нет ничего нескромного. — Он спокойно вытащил косу из ее сжатого кулачка и начал исправлять то, что она испортила.

Ровена фыркнула, предоставив ему доделывать начатое.

— Для вас, может быть, в этом и нет ничего нескромного. Но в нашей семье, возможно, сохранилась моральная стойкость, которой лишены ваши друзья.

— Поверь мне, моя дорогая, моральная стойкость не так уж неистовствует в вашей семье.

— А в вашей, значит, цветет пышным цветом?! Вместе с игрой в кости, нападением на людей с деревьев и похищениями. — Она глядела на лес, ожидая, что он выбросит ее из окна за дерзость, но все равно не могла остановиться. — Я нахожусь в неведении относительно цели моего пребывания в Карлеоне.

Гарет закончил заплетать косу. Насмешливым тоном, поддразнивая Ровену, он сказал:

— В этом мы не можем сравниться с Ревелвудом. Там, наверное, у каждого есть своя цель.

— Конечно, — ответила она, как будто мысль, что кто-либо может вести бесцельное существование, была смехотворной для нее. — Я охочусь. Маленький Фредди готовит и плетет корзины. Большой Фредди с братьями копают огород и выращивают овощи. А папа... — Она замолчала, мучительно думая.

Гарет язвительно улыбнулся.

— Папа проигрывает в кости свою единственную дочь распутному господину.

— Что возвращает нас к цели моего пребывания здесь. — Ее яркие голубые глаза изучающе глядели ему в лицо. — Я должна стать вашей шлюхой, милорд?

Гарет смущенно откашлялся. Он был мужчиной, привыкшим тратить тысячи слов, чтобы в долгой пикировке с женщинами добиваться заранее понятной цели.

Прямолинейность Ровены обезоружила его.

Он пошел к столу, на котором лежали его нарукавники, и начал делать из их кожаных шнурков завязки для кос.

Запинаясь, она продолжала:

— Просто я больше гожусь для охоты, чем для этого. Боюсь, что сильно разочарую вас.

Гарет аж язык прикусил. Он как раз перегрызал зубами ремешок на две части. Он вернулся к Ровене и стал закреплять концы ее кос, но его точные движения утратили былое ленивое спокойствие.

— Ты можешь поразиться, моя дорогая, узнав, сколько в этом мире дам — да и мужчин — существуют без какой-либо цели.

Это было слабым утешением для нее и уж точно не отвечало на вопрос, но иного ответа он дать не мог. Ровена опустила глаза, прежде чем он смог поймать ее взгляд. Его пальцы на мгновение сжались.

Он все еще держал ее за косу, когда дверь с треском распахнулась и в спальню ворвалась Марли.

— Я не слышала мычания, стонов или вскриков, поэтому решила, что можно войти.

Гарет выпустил косу Ровены из рук. Марли отметила его движение ядовитой усмешкой.

— Как прекрасно! Он одевает тебя? Я думала, что ты — разумеется, в качестве его оруженосца должна одевать его. Или он предпочитает, чтобы ты его раздевала?

— Доброе тебе утро, Марли. — Гарет встал с подоконника.

Марли была теперь без доспехов и без оружия, кроме кинжала за поясом. Черная туника и бриджи висели на ней мятыми складками, как будто она спала в них. По наложенным неумело заплатам Ровена поняла, что одежда эта, очевидно, принадлежала когда-то Гарету.

Потрескавшиеся кожаные перчатки закрывали руки до локтей, что выглядело нелепо при ярком солнце, пробившемся сквозь туман и постепенно заливающим комнату. Ее волосы висели жалкими спутанными прядями, как и прежде закрывая лицо.

Она рыскала по комнате, как голодный крадущийся медведь.

Марли подобрала кинжал Гарета, сделала им несколько выпадов в воздухе, затем отбросила его. Ногой разбросала меха рядом с кроватью.

— Постель для твоего нового щенка, братец? Теплая подстилка и несколько кусков с твоего стола, я готова спорить, что она будет вертеться у твоих ног, как течная сучка, всегда жаждущая...

— Марли, — предупредил Гарет.

Марли подошла к Ровене. Из-за черного занавеса волос выглядывал уголок насмешливых губ.

— Можно погладить ее хорошенькую маленькую головку?

Марли не успела пошевелиться, как рука Ровены резким движением схватила ее за запястье. Проблеск сомнения промелькнул в единственном бывшем на виду глазу Марли. Ровена дернула руку Марли вниз и отпустила ее, почти бросив.

Марли с оскорбленной миной потерла руку.

— Будь осторожен, братец. Твой щеночек клыкастый.

Гарет поднял бровь.

— Я думал, ты усвоила это, когда она дала тебе по голове вчера вечером.

— Может быть, удар выбил из меня память.

— Ну, надеюсь, что не совсем. У меня есть задание для тебя, и твоя память как раз пригодится. — Он отбросил крышку сундука и, достав простую черную тунику, натянул ее на себя. Потом опять залез в сундук, на сей раз поглубже, и выпрямился с крошечной серебряной флейтой в руках.

— Что тебя интересует, Ровена? Музыка? Вышивка? Танцы? — спросил он.

Ровена молчала, озадаченная. В Ревелвуде она не знала никаких интересов, кроме доблестного добывания пищи для общего стола. Гарет помахал перед ее носом куском полотна с вышитыми на нем танцующими фазанами.

— Жаркое из фазанов, — неожиданно сказала она. — Это меня интересует.

Рука с полотном бессильно опустилась. Гарет нахмурился.

— Ты говорила, что Ирвин рассказывал тебе сказки. Любишь ты песенки, романсы?

Она протестующе подняла ладони. Ей нравились истории про чудовищ и героев, но она не поняла, что именно об этом он и спрашивал ее. Гарет раздраженно хмыкнул.

— Ты любишь что-нибудь, чего нельзя съесть?

Марли пробормотала что-то себе под нос, заслужив испепеляющий взгляд брата. Он вытащил кремовый лист пергаментной бумаги, коровий рог и гусиное перо.

— Ты можешь найти доброе применение своей дерзости, сестра. Будешь учить Ровену писать.

Марли открыла рот от неожиданности.

— Я ненавижу писать. И ненавижу возиться с твоими шлюхами. Если тебе не по вкусу необразованная деревенщина, найми священника. Он подучит для тебя твоих девок. Мне же кажется, она знает все необходимое. Некоторые знания приходят сами собой. Если она может лежать на спине и раздвигать ноги, значит, она способна...

— Леди Ровена — не крестьянка. Она — дочь барона, — прервал Гарет, видя, как бледное лицо Ровены медленно розовеет, а затем заливается пурпуром. — Не ее вина, что ее образованием пренебрегали.

Марли скрестила руки на груди.

— Все равно, прикажи сельскому священнику приходить и обучать ее. Он и так слишком долго бездельничает.

— Ты же знаешь, что это невозможно. — Гарет проскользнул за ее спину и наклонился, что-то шепча сквозь ее густые волосы. Потом его слова стали слышны во всей спальне. — Я думаю, тебе лучше выполнять мои желания. В следующий раз, когда ты устроишь мне засаду, я ведь могу совершенно случайно забыть, что это моя возлюбленная маленькая сестренка напала на меня, и пронзить ее. Разумеется, потом я буду очень сожалеть об этом, но сделанного не вернешь.

Марли сжала пальцы в кулак. Гарет, повернувшись к ней спиной, преспокойно опоясывался своим серебряным поясом. Насвистывая веселенький мотив, он двинулся к двери.

— Если ты радуешься хорошему впечатлению, которое он произвел на тебя, — бросила Марли Ровене, — то не обольщайся. Он может и убить с такой же покоряющей всех обольстительностью.

Гарет задержался на момент, заполнив своими широкими плечами весь дверной проем. Затем он вышел, и грубый смех Марли наполнил комнату.

Ровена украдкой подошла к Марли сбоку, пытаясь разглядеть, какое уродство скрывает эта молодая девушка, никому не показывающая своего лица. Может быть, заячью губу или, возможно, молочно-белую катаракту на глазу.

Марли наклонила голову ниже. Новые пряди упали, как занавес, скрывающий ее злость.

— Ты бы поспешила прервать свой ночной пост, — пробормотала она, — пока Данла не выбросила твою овсянку свиньям.

Воспоминание о рычащих собаках, завтракающих остатками кутежа в Ардендоне, заставило Ровену забыть о тайнах лица Марли и броситься к двери. В дверях она задержалась.

Предвидя ее вопрос, Марли с издевкой подсказала ей направление:

— Налево, направо, вниз, на север, затем налево и на восток. Постарайся не потеряться. Мы до

сих пор не обнаружили костей последней крошки, которая заблудилась в замке.

Глаза Ровены расширились. Она вышла за дверь и повернула направо. Вслед ей донесся невеселый смех Марли.

Ровена бесконечно блуждала по замку, не находя выхода из лабиринта коридоров. Она бежала, выбиваясь из сил, но боялась сесть и отдохнуть, вспоминая последние слова Марли о так и не найденном скелете: разумеется, она шутила, но шутки у нее очень уж своеобразные. Ровена дважды наткнулась на дверь спальни Гарета, прежде чем не споткнулась о широкую каменную ступень, оказавшуюся началом лестницы, заворачивающей вниз, в сердце замка.

Впечатление огромного пространства, создавшееся у нее прошлой ночью, усилилось теперь благодаря лучам солнечного света, бьющего сквозь узкие щели: большой зал Карлеона, расположенный в основании квадратной башни, втрое превышал весь замок Ревелвуда. Сводчатый потолок проступал где-то далеко в вышине. Легкий сквозняк пошевеливал огромный штандарт, спускающийся с дубовых балок.

Между массивных перекладин носились ласточки, подобные стремительным теням. Зал Ардендона казался по сравнению с этим деревенской обителью, а зал Ревелвуда годился лишь для свиней и собак. Но всюду в беспорядке стояли резные кресла и столы.

Ровена пробралась вдоль стены, стараясь избегать столкновений со столами и креслами. Ноги ее вязли в непривычно высоком ворсе восточных ковров. Пока она добиралась до кухни, Марли с наслаждением приканчивала последние остатки овсяной каши.

— Слишком поздно, милая, — с восторгом заявила она, увидев унылое выражение лица Ровены.

— Ужасно сожалею.

Из-под ее спутанных волос, как всегда надежно покрывающих лицо, торжествующе сверкала улыбка.

Ровена села на скамью и сложила руки на пустом столе. Высокий морщинистый мужчина высотой более двух метров, нагнувшись, вошел через кухонную дверь, неся охапку дров. Ровена отпрянула назад, когда он свалил дрова прямо на стол перед нею.

— Гридмор, — проворчала Марли. — Муж Данлы. Он так же слеп, как она глуха. На твоём месте я бы остереглась. Он думает, что ты — очаг. Ты, вероятно, здорово разогрелась после ночи с Гаретом.

Гридмор повернулся к Ровене, в руке его была кочерга. Ровена наклонилась и быстренько нырнула под лавку. Старик потыкал в воздухе кочергой несколько раз, прежде чем обнаружил очаг. Так что предупреждение Марли, несмотря на возмутительную форму, оказалось кстати.

Марли вылизала остатки каши из деревянной чашки.

— Мой разум отказывается представить их шалости на брачном ложе. Может быть, она складывает его и засовывает в чулан на ночь?

Вдруг Марли вскочила со скамьи, и вид у нее был какой-то виноватый. Послышались шаркающие шаги Данлы и ее крик:

— Вы опять ели, леди Марли? То-то я гляжу, закончили всю вчерашнюю кашу. Сэр Гарет

приказал приготовить свежую для леди Ровены.

Данла хлопнула на стол перед Ровеной чашку. Марли яростно глядела, как Ровена погружает ложку в пышущее паром объедение, не заботясь о том, что может обжечь язык. Она проглотила вкусную густую массу и облизала губы, не скрывая торжествующей улыбки. Марли швырнула ложку на стол, разбросав вокруг прилипшие к ней хлопья.

Но вскоре Ровене сторицей отплатили за каждую ложку этой каши. Марли показала, что у нее долгая память.

Уроки, которые она давала Ровене, заключались в расхаживании рядом со столом, за которым Ровена пыталась изобразить буквы своего имени на листках пергамента. Марли останавливалась лишь затем, чтобы дернуть Ровену за ухо или ткнуть ее кончиком пера, когда ей казалось, что ученица очень уж глупа. Ровена и сама считала себя ужасно глупой. Ее руки были забрызганы чернилами, а уши целый день горели от щипков Марли. Яростные уколы пером доставались Ровене, когда она пыталась заглянуть под висящие над лицом Марли волосы. Ровена всегда вздрагивала, когда Марли выхватывала свой кинжал, чтобы выскрести им со страницы очередную ошибку. А вдруг это безумное существо спутает перо с клинком и ткнет ее кинжалом?

Однажды к вечеру, после того как Ровена в третий раз написала вместо своего имени Венрона. Марли дала ей оплеуху и сбросила листки на пол одним взмахом руки.

— Мне надоело учить дураков писать. Настало время поучить тебя чему-либо полезному.

Боясь даже помыслить о том, что Марли могла счесть полезным, Ровена поспешила за ней вниз по лестнице прямо на манящую солнцем арену для турниров. Марли нагнулась над грубым деревянным сундуком, стоящим у стены замка. Она покопалась в его содержимом, напевая песенку, состоящую из нечленораздельных проклятий и ругательств. Ровена вовремя пригнула голову — мимо нее пролетел ржавый шлем. Она подняла его. Разглядывая, провела пальцами по забралу.

Марли вынырнула из сундука с двумя длинными шестами, концы которых были затуплены в давно забытых турнирах.

— Они не годятся для настоящего поединка, но для нас сойдут. Нам лучше уйти в лес. Если Гарет увидит, что я, вместо того чтобы учить, сражаюсь с тобой на копьях, достанется обеим.

Она хитро посмотрела на Ровену сквозь спутанные волосы.

— Не представляю, чтобы он тронул тебя хотя бы пальцем.

Марли зацепила пальцем Ровену за ворот и приблизила ее лицо к себе.

— Ты небось считаешь, что это мне не повредило бы?

Ровена, робко кашлянув, заметила:

— Гарету уже поздно воспитывать тебя. Может быть, твоему папочке следовало заниматься этим, когда ты была еще маленькой.

— Мой отец никогда не находил времени наказывать меня. Он был слишком занят, подлизываясь к драгоценному сыночку. — Марли толкнула ее в направлении к барбикону

[3]. — Вперед, дерзи щенок! Мы разобьем армии Саладина и прольем кровь язычников, пока еще не погас этот день!

Зараженная духом игры, кипевшим в Марли, Ровена выступила маршем вслед за нею, обходя заостренные деревянные кольца, вбитые в землю вокруг замка.

Дождь, сопровождавший прибытие Ровены в Карлеон, оплакивал последний вздох уходящего лета. В чистом прохладном воздухе ощущались первые приметы осени. Листья на деревьях становились хрупкими, все больше приобретая оранжевый и желтый оттенки. Марли привела Ровену на поляну, заросшую папоротником, полную запахов влажной земли и умирающего лета.

Ровена подобрала свои юбки и связала их вокруг пояса. Марли нахлобучила шлем на голову Ровены приведя ее в растерянность от непривычной темноты наполненной острым запахом металла. Не успела Ровена дотянуться до забрала, как мощный удар отозвался в ее голове звоном, перемежающимся с адским боем колоколов. Оглушенная, она села на землю.

Дрожащими руками она сорвала с себя шлем. Марли стояла в двух метрах от нее, держа копье, как щит, поперек тела.

Ее смех был подобен низкому рокоту мчащегося потока.

— Неужели я выглядела такой же глупой, когда ты ударила меня по голове тогда в лесу?

Ровена прижала руки к ушам, стараясь избавиться от мучительного гула. Потом посмотрела на Марли, сузив внимательные глаза.

— Намного глупее.

Посмеиваясь, Марли натянула свой шлем. Копье в ее руках заиграло, и Марли ринулась на Ровену. Ровена перехватила копье одной рукой, надевая другой шлем с открытым забралом. Она едва успела прикрыться своим копьем, как Марли сбила ее с ног. Марли с ревом пронеслась мимо. Ее копье боком ударило о копье Ровены, по счастью, пройдя мимо. Прежде чем она успела порывисто вдохнуть воздух, Марли вновь бросилась в атаку.

Так продолжалось до вечера. Ровене пока удавалось лишь иногда уклоняться от удара и падать. Однако она испытывала охватывающую ее радость триумфа каждый раз, когда ее копье хоть на мгновение замедляло атаку Марли. По команде Марли она опустила забрало и смотрела сквозь узкие щели на мир, разделенный на пестрые пятна леса и темную фигуру Марли, все бросающуюся и бросающуюся на нее. Она вставала на ноги после очередной атаки, пошатываясь и ощущая боль во всех мышцах. Вдруг Марли замерла на месте. Ее голова была повернута в сторону леса позади Ровены.

Марли поспешно сдернула с головы шлем.

— Добрый день, дорогой брат. Мы думали, ты отправился воровать фазанов, которых она так любит.

Ровена обернулась и, не видя в шлеме Гарета, сделала реверанс ближайшему дереву.

Голос Гарета слышался откуда-то слева.

— Мне пришлось подавить свою любовь к грабежу, когда я услышал, что в лесу схватились два

могущественных дракона. Ты-то привыкла к таким проказам, а кто это там в шлеме? Не думаю, чтобы это была Данла.

Гарет снял шлем с Ровены, и золотистые волосы рассыпались по ее плечам. Она вновь присела в реверансе.

— Добрый день, сэр Гарет. Надеюсь, мы не вызвали вашего недовольства.

— Боже сохрани, — пробормотала Марли. Гарет заправил прядь волос Ровены ей за ухо. Его глаза сверкали под темными бровями.

— Ты не ранена?

Ровена отрицательно потрясла головой.

— Тогда у меня нет никаких причин быть недовольным.

Марли насмешливо фыркнула.

Пальцы Гарета скользнули под рукав Ровены, нащупав багровеющий синяк. Брови его нахмурились, глаза потемнели. Он уставил палец на Марли:

— Все сказанное относится только к Ровене. Тобой же, напротив, я чрезвычайно недоволен.

Марли обмякла, шутливо изобразив обморок.

— Умоляю простить меня, милорд. Я трепещу от одной мысли о вашем недовольстве.

Ровена захихикала, торопливо перейдя на притворный кашель, поскольку Гарет, продолжая хмуриться, повернулся к ней.

— Вы обе отправитесь спать сегодня без ужина за ваши опасные игры.

Ровена приуныла.

Марли самодовольно подошла к Гарету.

— Не думаешь ли ты, что я уже вышла из того возраста, чтобы посылать меня в постель без моего супа? Ровена, по крайней мере, в постели может полакомиться тобой. Это несправедливо. — Она потрепала его за бороду. — Что это ты так покраснел, дорогой мой братец?

Гарет схватил сестру за запястье. Ее пальцы согнулись, как будто она хотела впиться ногтями в его лицо. Гарет отбросил ее руку.

— Будь ты проклят. — Мрачный голос Марли, бормочущий проклятия, заставил Ровену содрогнуться. — Дьявол поberi вас обоих. — Она яростно взмахнула копьём в воздухе и убежала в лес.

вернуться

3

Барбикон — башня над воротами или укрепление над подъемным мостом.

Ровена покачала головой:

— Боюсь, ваша сестра не очень-то любит меня.

Гарет усмехнулся.

— Марли никогда не любила никого, кроме меня. — Увидев удивленный взгляд Ровены, он добавил: — Разве ее нежное отношение ко мне не очевидно?

Они оба засмеялись. Напряжение Ровены рассеялось.

Смех Гарета быстро растаял, оставив лишь горькую улыбку сожаления.

— Марли любит и ненавидит меня с одинаковой страстью. Когда ей исполнилось шесть лет, она обрезала волосы, чтобы походить на меня. Отец не обратил на это никакого внимания. Он лишь потрепал ее по голове и заказал ей новый наряд. Она тут же разрезала его, чтобы сделать воздушного змея, которого запускала с самой высокой башни. — Гарет оставил воспоминания о прошлом и обратился к Ровене:

— Пошли. Я проведу тебя обратно в Карлеон. С этим шлемом под мышкой тебя того гляди примут за попавшегося грабителя. Какого-нибудь обедневшего барона, которого ведут к владельцу замка для справедливого возмездия.

Ровена пошла по тропинке пружинящим шагом, едва не прыгая от избытка радостных сил, вливавшихся в нее с этими первыми днями осени.

— А этот господин замка — он великодушный человек?

— Напротив! — воскликнул Гарет. — Я слышал, что он подобен волку в человеческом облике, которому все равно, что повесить, что зажарить вороватого барона.

— А если вороватой окажется баронесса?

Голос Гарета понизился до хриплого рычания:

— Ну, тогда он просто проглотит ее целиком!

— Как раз это и говорила мне Марли... — Она обернулась, успев заметить направление взгляда Гарета. Рыцарь не сводил глаз с ее ног. Боже, она совсем забыла о своих нескромно подобранных юбках. Ну и вид! Вот уж впрямь пойманная шлюшка.

Щеки ее загорелись. Она поспешно ухватила пальцами за крепкий узел завязанной юбки в надежде легко распустить его,

— Подожди. — Рука Гарета коснулась ее руки. Ровена остановилась. Он встал перед ней на одно колено, умелыми пальцами распутывая узел. — Мы за секунду приведем вас в порядок. Вы у нас будете настоящей леди.

Если его открытая улыбка была попыткой успокоить ее, то, увы, попытка не удалась. Ровена стояла, вся сжавшись, вздрагивая при каждом прикосновении его пальцев. Щеки ее пылали. Она смотрела на его склоненную голову и вдруг заметила два седых волоска среди черной

шевелюры.

— Сколько вам лет? — тихо спросила она.

— Сколько, вам кажется? — Он поднял голову, опершись локтем о колено.

— Я думаю, что вы старше Большого Фредди.

Улыбка Гарета добавила морщинок вокруг его глаз.

— Сколько же лет Большому Фредди?

Ровена перестала краснеть, сосредоточенно нахмурившись. Гарет терпеливо ждал, пока она считала на пальцах. Наконец она растерянно сказала:

— Он старше всех нас.

Гарет закончил возиться с узлом. Юбки живописным каскадом распались вокруг его рук.

— Боюсь, я слишком стар. Мне тридцать три.

Ровена легко запорхала по тропинке вперед. Гарет глядел ей вслед, уткнув подбородок в кулак. Солнце, льющееся сквозь ветви древнего дуба, придавало ее волнистым волосам цвет неотшлифованного золота. Ровена перепрыгивала с одной стороны дорожки на другую, протягивала руку, чтобы погладить грубую кору орехового дерева, сорвать крошечный, в прожилках, листик. Потом она повернулась лицом к Гарету, застенчиво разглаживая раздувающуюся юбку.

Ее слова долетели до него на крыльях прохладного ветерка.

— Тридцать три года, сэра Гарет. Это ужасно много!

Он опустил глаза, прежде чем она успела разглядеть их выражение.

— Иногда, Ровена, я и впрямь чувствую себя стариком.

Она подождала, когда он поднимется, и полетела дальше, почти танцуя от неудержимого веселья, столь же неподвластного сгущающимся теням, как и последние лучи солнца, согревающие непокрытую голову Гарета.

Шло время. Марли и Гарет, казалось, забыли о ней. Ровена окунулась в жизнь, неведомую ей ранее. Теперь она могла отдыхать, предаваясь полному ничегонеделанью. Но это плохо ей удавалось. Выходя на прогулку в лес, она возвращалась вся перепачканная, сияя белозубой улыбкой. Данла старалась не видеть, как эта странная леди бросает очередного ободранного зайца у очага. Гарет с удивлением поднимал бровь, получая свежее мясо в дни, когда он не охотился, и бормотал что-то о множестве браконьеров в его лесах. Данла лишь улыбалась и кивала, притворяясь не только глухой, но и слепой, а прислуживавшие девушки тихонько посмеивались между собой. Ровена подшучивала над Гридмором, то и дело таскаясь за ним по пятам, а он был слишком слеп или слишком вежлив, чтобы обижаться на нее.

Она мало знала о жизни знати. Отец промотал состояние своей жены задолго до рождения Ровены. Но странности Карлеона удивляли Ровену. В таком поместье должны были находиться рыцари и оруженосцы, пажи и слуги, исполняющие приказы Гарета. Вместо этого, он одевался сам, сам облачался в доспехи и обходился несколькими десятками слуг в замке, для

обслуживания которого требовалось не меньше сотни человек.

Все больше ощущая одиночество, Ровена вновь и вновь мысленно возвращалась в Ревелвуд. Однажды вечером она сидела у огня, обхватив колени и думая о том, как Маленький Фредди наслаждался бы бланманже, которое Данла приготовила сегодня на ужин. Рис и молоко, которые не доел за обедом Гарет, могли бы прокормить этого мальчика целую неделю. Злые слезы жгли ее глаза. Она была никем в Карлеоне, всего лишь лишним ртом, который прислуге приходилось кормить. Обитатели замка обращали на нее так мало внимания, что она могла бы убежать, и ее не хватило бы несколько дней.

Она подняла голову, не трудясь скрыть бунтарский блеск в глазах. В дверях стоял сэр Гарет, небрежно прислонившись к косяку. Его глаза холодно изучали ее, вызывая у Ровены страшное ощущение, что он может читать ее мысли. Он только что возвратился с полевых работ. Его безукоризненный плащ был небрежно переброшен через плечо. Он остался лишь в тунике и бриджах, запыленный, вспотевший, как крестьянин. Чувствовалось, что утомление работой приносит ему наслаждение. Его глаза сверкали, Ровена наклонила голову, мучительно пытаясь совместить образ рыцаря, который угрожал убить всех в ее семье, и образ смеющегося человека, который прошлым вечером подбрасывал вверх выдержанные в меде изюминки, а она ловила их языком. Она думала, что является для него всего лишь забавным существом, причем, по мнению Марли, не очень умным.

Ей хотелось бы встряхнуть его, потребовать ответа на вопросы, которые она никогда не осмелится задать, сорвать маску, под которой скрывается этот человек.

Однако ответы могли бы оказаться страшнее вопросов, а человек без маски куда более опасным. Ровена поднялась и проскользнула мимо Гарета, не сказав ни слова. Она лишь ответила высокомерным кивком на пожелание доброй ночи. Ровена обещала отцу остаться здесь на год, и она останется. Темные глаза Гарета сверлили ее спину, когда она поднималась по винтовой лестнице.

Осень подходила к концу, день становился все короче; и каждый час все стремительнее приближал Ровену к наступлению ночи, когда она сворачивалась в своей меховой постели на полу у подножия кровати Гарета. Она знала теперь, что меха эти не были случайно сброшены с постели Гарета, но положены здесь в самую первую ночь для ее удобства. Ровена ждала, что он предложит ей переселиться в спальню Марли или спать в большом зале, но он не делал этого. Однако теперь она не приходила в спальню позже Гарета, как в первую ночь. До его прихода она всегда была уже уютно укутана и погружалась в свои мечты. Иногда он не приходил вовсе. Однажды его не было целую неделю не только в спальне, но и вообще в Карлеоне.

Однажды ночью Ровена внезапно проснулась чувствуя в сердце тяжесть необъяснимого томления. Она зарылась щекой поглубже в мягкий мех, но желаемое успокоение не приходило.

Тогда она отбросила меха в сторону и тихо прошла к окну. При ее прикосновении ставни, скрипнув, открылись, и в спальню устремился бледный свет луны. Повеявший бриз охватил ее прохладой. Ровена вздрогнула, зная, что ветер, несший прохладу в Карлеон, вскоре задует жестоким холодом в Ревелвуде. Серебряный глянец лунного света на камне напомнил ей цвет волос Маленького Фредди. Она со вздохом прижалась щекой к стене.

Из темноты донесся голос Гарета, теплый и близкий, как прикосновение:

— Ты опечалена, Ровена?

Ровена подняла иголку.

— Я не знала, что вы здесь, милорд.

— Почему ты вздыхаешь? Ты в тепле, о тебе заботятся, и тебе не надо больше трудиться с рассвета до заката.

— Но у меня нет Ирвина, который рассказывал бы мне истории, и нет Маленького Фредди, который расчесывал бы мои волосы. — Эти слова прозвучали более резко, чем ей хотелось. Гарет вполне мог счесть ее неблагодарной, но сегодня это ее не заботило.

Гарет подошел к ней. Ровена повернулась лицом к ночи за окном. Он потянулся к гребню на столе, но остановился, увидев свои мозолистые пальцы с поцарапанными ногтями. Они неожиданно показались ему толстыми и грубыми, недостойными прикоснуться к шелковой массе ее волос. Но все равно зарылся в них руками, проводя мягким движением сверху вниз.

— В последнее время ты становишься изможденной и бледной. Тоскуешь по своему помолвленному? — Шутливым тоном Гарет хотел скрыть свое волнение, ощущавшееся в хриповатом голосе. Он коснулся ее щеки и вдруг ощутил влагу слез на них.

Он замер на месте. Прежде чем он успел овладеть собой, его руки скользнули вокруг талии Ровены. Гарет притянул ее к себе.

Ровена стояла, едва дыша, в его объятиях. Прохлада, наполнившая спальню, отступила перед теплом его тела, прижавшегося к ней сзади. Его губы коснулись шеи Ровены.

— Тебе необязательно быть одинокой, Ровена, — прошептал он.

Ровена, казалось, таяла от этого тепла, окутавшего ее чувством уюта и безопасности. Его губы дотронулись до уха. Она вздрогнула, ощутив силу его соблазна.

«Смотри, как он очаровывает».

Эти слова возникли сами собой. Она услышала их в зале замка Ардендон. Произнесенные злым шепотом, полным порицания, они запомнились. Ровена взглянула на руки, охватившие ее. Грудь сдавило горькое чувство. Она отчужденно сжалась. Она не была леди Алисой, готовой согреть ночью постель знатного дворянина.

Ее голос прозвучал на октаву ниже обычного:

— И какую же цену должна я заплатить за ваше общество, милорд?

Руки Гарета упали с ее талии. Он отступил, и ветер вновь охватил ее холодом. Ровена склонила голову.

— Не могли бы вы отправить меня домой?

— Мог бы, но не отправлю.

Ровена повернулась к нему.

— Тогда дайте знать моему отцу, что со мной все хорошо. Что меня не моят голодом и не... — она на мгновение опустила взгляд, — не обижают. В вашей власти облегчить мучения моей семьи. Вы, конечно, могли бы оказать мне подобную небольшую милость.

Гарет отвернулся, способный вынести что угодно, только не ее мольбы. Ему легче было бы

отказать ей, если бы она топала ногами и кричала, как избалованный ребенок. Он втайне надеялся, что Ровена окажется такой. Она не знала, что в эти долгие недели вся жизнь его была поглощена стараниями послать вести к ее отцу. Послать в виде злобной сплетни либо в виде небрежной реплики какого-нибудь лорда. Эта исходящая от него самого весть о захвате Ровены и жестокостях, которые она терпит в его руках, распространялась, как лесной пожар, по всей Англии. Он рисковал обратить на себя гнев самого короля Эдуарда, прежде чем Линдсей Фордайс наберется смелости, чтобы явиться к нему. Он сам ужасался своим фантазиям, распространяя эти истории. Но все же это были лишь фантазии.

Ровена дотронулась до его руки:

— Я прошу вас, милорд...

Он отпрянул, как будто она ранила его. Кулак его ударил по столу, разбив вдребезги черепаховый гребень.

— Нет! Если твой отец хочет узнать что-нибудь, то пусть он явится сюда.

Гневные слова застряли в горле Ровены, когда она увидела огонь, тлеющий в темных глазах Гарета. Она не смогла выдержать его взгляд, и ее ресницы опустились. С оглушительным грохотом хлопнула дверь, и Ровена осталась одна.

Гарет здорово ударился голенью обо что-то. Он тут же разразился проклятиями, разнесшимися громогласным эхом под балками башни.

— Ай-яй-яй, — послышался из темноты низкий и насмешливый голос Марли. — Такие ругательства в присутствии леди.

Глаза Гарета приспособились наконец к слабому свету затухающего огня. Марли лежала на животе поперек деревянной кушетки. Свисающие ноги весело раскачивались в воздухе.

— Покажи мне леди, и я попрошу прощения, — прорычал он, рывком надевая на ходу перчатки.

Видя, что он направляется к выходу, Марли встала, прижав плечо к двери и загораживая ему путь.

— Чем твоя шлюшка вызвала такое неудовольствие?

Гарет остановился перед нею. Под его сдвинутыми бровями сверкал взгляд, который заставил бы сжаться от страха многих мужчин.

— Посторонись.

Марли с притворным вниманием разглядывала свои обгрызенные ногти.

— Я думаю, она ничем не вызвала твоего неудовольствия. Но и желанного удовольствия не доставляет.

Гарет схватил Марли за тунику. Он поднял сестру за шкурку, как щенка.

— Ты знаешь гораздо меньше, чем тебе кажется, маленькая сестренка. — Он бросил ее, как мешок с яблоками, и резко открыл дверь.

— Я знаю одно: если бы эта сладкая штучка в твоей спальне согревала твою постель, ты бы не рвался так из Карлеона по ночам.

Гарет остановился.

Тон Марли из насмешливого стал серьезным.

— В чем дело, Гарет? Она — лишь пешка в твоей игре. Конечно, ее папа уже услышал о том, что этого золотоволосого ангела держат взаперти в твоей спальне. Даже крестьяне шепчутся об этом. Разве не этого ты хотел? Почему бы не кончить все разом и не послать ее домой?

Гарет повернулся на каблуках.

— Если я пошлю ее домой изнасилованной и с ребенком, чего я добьюсь?

— Отмщения.

— Отмщения кому? Ей? Мне? Нет, Марли. И хочу истины больше, чем отмщения. И я готов ждать.

Марли протянула к нему руку, но он уже ушел.

Розовый рассвет просачивался сквозь закрытые ставни. Ровена перевернулась и отбросила меха. Какое-то время она лежала тихо, чувствуя жар и внутреннее затем снова укрылась до самого носа перекатилась на другой бок, со стоном отвращения глядя на валики пыли под кроватью Гарета, и вновь перевернулась, крепко закрыв глаза, когда услышала звук открывающейся двери.

Гарет вошел тяжелыми спотыкающимися шагами. Ровена услышала сильный удар по дереву и затем — бессвязные ругательства. Потом настала тишина. Она несмела, открыть глаза. До нее донесся его запах — запах пота и эля, и еще странный аромат сирени, перебиваемый каким-то непонятным резким запахом, который она не узнала.

Он упал на постель, не потрудившись раздеться. Лишь когда комната наполнилась звуками его ровного дыхания, Ровена открыла пылающие от бессонницы глаза. Она тихо оделась и выскользнула из спальни.

Марли стояла, прислонившись к столбу, внизу у лестницы. Где-то под космами волос, закрывающих ее лицо, сверкали темные глаза. Не говоря ни слова, она подобрала шлем и копье и бросила их Ровене. Ровена поймала оружие на лету. Они отправились из замка в прохладный рассвет, остановившись ненадолго на турнирной арене, чтобы разделить пополам горячий ячменный хлеб, который Марли захватила с собой.

6

Марли ворвалась в покои Гарета. Ее бешеный крик был столь неожидан, что Ровена чуть не упала со стула.

— Он едет! Он едет наконец! Я видела его флаги с северной башни! Можно, я устрою ему засаду? Пожалуйста, позволь мне. Гарет, я умоляю тебя. Позволь мне проучить его за его непомерную гордость!

Чтобы во всей красе показать удар, который она нанесет по гордости сэра Блэйна — а это

именно о нем шла речь, — Марли от души шарахнула по столу своей булавой. Пергаментная рукопись, которую изучала Ровена, разорвалась. Две половинки свитка порознь покатались на пол. Ровена потянулась за разорванным свитком, но сквозняк подхватил драгоценную рукопись и унес ее за окно.

Гарет тихо выругался.

Марли тоже подошла к окну.

— Боже мой, вон он едет! Позволь мне напасть на него. Я знаю подходящее дерево.

— Он оставлял нас в покое дольше, чем я надеялся, — сказал Гарет. — Должно быть, муки любопытства все же оказались сильнее его.

Ровена приподнялась на цыпочках за их спинами, но ей все равно ничего не удалось увидеть. Тогда она протиснулась под рукой Марли, но лишь ударилась о ставень, когда Марли резко повернулась.

— Смотри, какая у него свита! Он, наверное, ведет с собой половину Англии.

Гарет вздохнул.

— Этот негодник задался целью облагородить наше житье-бытье. Он не может простить мне, что я отпустил всех рыцарей моего отца. Сэр Блэйн не делает тайны из своего презрения к нашей сельской жизни.

Ровена опустилась на колени, надеясь хоть что-либо увидеть. Гарет взглянул на нее сверху, подняв одну бровь, когда она пролезла между ним и его сестрой и наконец устроилась у окна. Она, сама не замечая этого, прижалась щекой к его руке, полностью поглощенная действием, развернувшимся на холмах перед Карлеоном.

Из Ардендона к ним тянулась целая праздничная процессия. Осенний пейзаж оживился всплесками пурпурного и малинового цветов, Колесницы и паланкины придавали серому дню великолепие веселого праздника. Затем следовали всадники на гарцующих лошадях, накрытых желтыми и изумрудными атласными покрывалами, расшитыми золотом. Ровена вздохнула в благоговейном восторге, воображая неслышимые с такого расстояния звуки: шум трепещущихся вымпелов, укрепленных на паланкинах, фыркание великолепных жеребцов, дышащих паром в холодном воздухе, пьянящий смех дам.

— Один хороший удар, — умоляла Марли. — Это все, что я хочу дать ему.

— Нет, — отвечал Гарет.

— Я отпущу его, едва он начнет хныкать. Клянусь.

— Нет, — повторил Гарет.

Надутая губа Марли показалась сквозь привычную уже путаницу волос, свисавших на лицо. Гарет погрозил ей пальцем.

— Я запрещаю. Блэйн не в таком восторге от тебя, как я. Он с радостью использует любой повод, чтобы проткнуть свое копьё сквозь твое черное маленькое сердце.

Марли презрительно фыркнула.

— Блэйн все время стремится проткнуть меня тем или иным способом, с тех пор как я пренебрегла его сватовством.

— Ну, отказ он тебе, может быть, еще и простил бы. Но то, что ты сбила его с лошади на виду у его отца, — никогда. В то время сэр Брайан сделал его рыцарем, и он был очень гордым малым.

— Рыцарь или не рыцарь — он всегда был слишком глуп для меня.

Ровена трепетала, возбужденная развернувшимся перед нею зрелищем. Гарет взглянул сверху на золотистую головку, покоящуюся в забывчивости на его руке, лежавшей на подоконнике. Взор ее затуманился. Вся она отдалась картине празднично расцвеченных лугов, наблюдая за процессией, мечтательно приоткрыв губы. Гарет сжал зубы при мысли о том, что было бы, если бы Ровена так же посмотрела на него, и тут же вздохнул о несбыточности этого.

Ровена почувствовала почти неуловимое напряжение его мускулов. Жесткие завитки волос на руке Гарета кололи ее нежную щеку. Она подвинулась, неожиданно ощутив давление его тела. Подняла глаза. Гарет коснулся пальцами ее щеки. Трепет вновь пробежал по ее телу, но уже совсем другого рода. Смушение затопило ее жаркой волной.

Марли криво ухмыльнулась, глядя на эту сцену. Гарет смутился и по-отечески нежно похлопал Ровену по щеке.

— Я поеду в деревню, распорядюсь, чтобы прислали побольше слуг. Если мы даем ужин сегодня, то это должен быть роскошный ужин. Насколько я знаю Блэйна, он надеется, что снега задержат их у нас на всю зиму, которую они проведут, наслаждаясь нашей говядиной и нашим элем.

— И нашими служанками, — добавила Марли вслед уходящему Гарету. Она смотрела на Ровену, явно о чем-то размышляя.

Ровена по-прежнему глядела в окно, положив подбородок на руки и совсем забыв о великолепии процессии Блэйна. Теперь она наблюдала, как Гарет седлает своего Фолио. Жеребец танцевал от нетерпения, и Гарет, послав им рукой веселое приветствие, расправил плечи и, пустив коня в легкий галоп, помчался к воротам замка.

— У тебя не получается ненавидеть его так, как ты хотела бы, правда?

Ровена обернулась. Отодвинув прядь волос, Марли позволила ей увидеть улыбку устрашающей сладости. Она протянула Ровене свою грязную ладонь:

— Пошли, леди Сокровище. Коль уж меня лишили любимой забавы, пожалуй, подберу тебе наряд для праздника. Если ты спустишься к ним в этом глупом тряпье, то поблекнешь среди столь многих дам. Ты ведь не хочешь этого, правда?

Ровена неохотно приняла руку Марли, предпочитая скорее удар ее кулака, чем эту неожиданную доброту.

Дверь, к которой они подошли, зловеще заскрипела, поворачиваясь на железных петлях. Ровена сжала руку Марли и осторожно выглянула из-за плеча своей более высокой спутницы. Марли пошла вперед, в сумрак открывшейся комнаты. Ее обычно энергичные, громкие шаги стали намного глуше.

В покоях вовсе не царил полная тьма, как показалось вначале. Послеполуденное солнце

освещало снаружи бархатные полотнища, закрывающие окна. Просачивающееся сквозь ткань солнце создавало в покоях голубой полумрак, в котором можно было различить прикрытую полотном мебель. Тонкая смесь аромата розмарина и запаха плесени щекотала ноздри. Рука Марли выскользнула из ее руки, и Ровена сжала себе нос, не решаясь чихнуть.

— Здесь все как всегда, — прошептала Марли.

Подсвечники были окутаны паутиной. В центре спальни стояла большая кровать, накрытая лишь одной полотняной простыней, под которой угадывалось нечто бесформенное. Ровене вдруг показалось, что это нечто может подняться и поплыть прямо к ним. Страх сковал ее.

Марли потрясла головой, как бы отгоняя воспоминания, и прошла к дубовому шкафу в углу.

— Клянусь, мы найдем здесь подходящий наряд для тебя.

Ее уверенные слова ободряли, хотя тон их был непочтителен. Ровена вздрогнула, когда дверь шкафа грохнулась о стену. Пока Марли рылась в шкафу, Ровена пробралась к кровати. Она осторожно тронула пальцем то, что скрывалось под простыней. Ткань взорвалась бешеным писком, и она отдернула руку.

— Мыши, — отозвалась Марли, не оборачиваясь. — Конечно, они заведутся. Кошки сюда не приходят. Остерегайся крыс.

Ровена огляделась с беспокойством. Огромные размеры спальни только усиливали его. Она присела на уголок кровати, потрогав носком ноги темное пятно на каменном полу рядом с кроватью.

Из-под кровати послышалось слабое царапанье когтей по камню. Ровена быстро подобрала ноги. Марли не обращала на нее внимания; она уже полностью забралась в шкаф. Виднелись лишь подметки ее ботинок. Из шкафа доносился ее приглушенный голос;

— Я пряталась здесь, когда была маленькой. Шкаф проходит сквозь стену. Тут вдесятером уместисься.

Ровена наклонилась над простыней и все-таки робко приподняла край. В жутком потустороннем свете покоев с трудом различались очертания колыбели. Она провела рукой по ее прекрасной резной поверхности. На пальце остался толстый слой пыли.

Ровена испуганно опустила простыню. Марли наконец показалась из шкафа, свистнув от удовольствия и развернув какое-то платье переливчато-синего цвета, отделанное горностаем. В неестественном свете смятый бархат, казалось, парил над полом, обретя самостоятельную жизнь.

— Как тебе, нравится? Прекрасно подойдет тебе, правда? Синее, под цвет твоих глаз.

Густая синь совсем не была схожа с цветом глаз Ровены, но она ничего не сказала об этом.

— Очень красиво. Но я не смею носить чью-то одежду без разрешения владельца.

Марли фыркнула.

— Леди, которая могла бы возражать против этого, давно уже нет на свете. Моя мачеха умерла почти двадцать лет назад. У тебя есть мое разрешение. Это — все, что тебе нужно.

Она нагрозила одеждой руки Ровены, затем вновь нырнула в шкаф, чтобы вытащить оттуда большой плат [4] и пояс. Марли все время бормотала про себя, очевидно, подражая мачехе:

— «Стой прямо, Марли. Причешись, Марли. Не горбись, как обезьяна, Марли». Глупая сучка думала, что сможет сделать из мена настоящую леди.

— Действительно, глупая, — тихо сказала Ровена. Над нею проплыла вуаль, опустившись прямо ей на голову. Ровена отодвинула нежную газовую ткань с лица. — Она была красивая?

вернуться

4

Плат — кусок материи, спускающийся от головного убора на плечи и закрывающий щеки, подбородок и шею женщины, наподобие монашеского апостольника.

Марли быстро взглянула на нее из-под спутанных косм.

— Боже, она была прекрасна! Ее черные локоны спадали до самого пояса, яркие голубые глаза сверкали.

Ровена тронула колыбель носком ноги.

— У нее был ребенок от твоего отца?

— Она привезла ребенка с собой, когда появилась здесь. Но у нее не было для него времени. Она все время держала его спеленутым. Я пряталась в шкафу и, когда мачеха выходила, вылезала, чтобы распеленать маленькую толстушку. Мачеха чуть не тронулась от всего этого. Никак не могла понять, как ребенок может вывернуться из туго стянутого свивальника. Она была одарена красотой, но не умом. — Марли впихнула в руки Ровены гребень. — Впрочем, так же, как ты.

Марли пересекла спальню быстрыми и уверенными шагами. Она зацепила полотно, покрывающее стол, и уронила на пол шкатулку соснового дерева. Ровена наклонилась, чтобы поднять ее. Она провела пальцем по крылу птицы, вырезанной на светлой крышке.

Марли вырвала шкатулку из ее рук.

— Гарет целыми днями вырезал ее для мачехи, когда отец прислал нам весть, что привезет домой новую мать для нас.

— Как она умерла?

Марли оторвала наконец взгляд от шкатулки. Ее губы изогнулись в странной улыбке.

— У нее было плохое сердце.

Ровена вздрогнула, когда Марли швырнула шкатулку в дальний угол.

— Не стой разинув рот, Ро. У нас много дел. Ровена незаметно улыбнулась, думая о том, как приятно, когда тебя называют не щеночком, а Ро. Кстати, чего надеется добиться Марли, проявляя такую несвойственную ей доброту?

Сэр Блэйн Ардендонский захватил Карлеон, не обнажив при этом меча и не потеряв ни одного из своих людей. К вечеру замок наполнился светом и смехом. Звуки музыки достигали самых высоких балок главной башни. Ласточки, обосновавшиеся там, метнулись наружу, в ночь, ища убежища от буйного веселья. Крепкий народец, собранный из вассальных земель Гарета, закатав рукава, таскал мебель, расставлял ее вдоль стен, чтобы освободить место для танцев. Данла торопливо шаркала ногами, выкрикивая громогласные команды, от которых некоторые леди падали в непритворный обморок. Гридмор бросался выполнять эти команды, ставя на огонь тарелки с холодными куропатками и выгружая охапки дров на колени дамам. Блэйн наблюдал за этим хаосом, уставя руки в бока, с улыбкой распоряжающегося хозяина. Он собственноручно спас из печи вопящего карлика, которого Гридмор засунул туда, приняв за жареного кабана.

В опустевших покоях, в верхней части главной башни замка, Ровена слышала доносившийся снизу звон колокольчиков и возбужденный визг, как будто стадо свиней носилось по залу туда-сюда. Она посмотрела в зеркало из кованого серебра и увидела выглянувшую оттуда незнакомку. Она взволнованно и часто дышала. Дотронувшись до щеки двумя пальцами, Ровена ощутила, что кожа ее стала холодной и как будто чужой, как отполированная поверхность зеркала.

Щеки ее украшали два ярких малиновых пятна, под цвет обильно покрашенных губ. Глаза были обведены широкой полосой кохла [5]. При мигании ее веки слипались от краски, и она боялась, что однажды они останутся закрытыми навсегда. Обсыпанные черной золой и намазанные маслом ресницы были загнуты вверх, подобно воинственным паукам, нападающим на темные дуги подведенных бровей. Волосы были убраны под золотистую сетку, от краев которой спадал синий плат, скрывающий ее крепкую шею под складками бархата.

«Считай до ста. Затем спускайся и присоединяйся к пиру».

Вспомнив эти слова Марли. Ровена начала громко считать. Она дошла до восьми и, забыв следующее число, которое Марли называла ей, вынуждена была начать снова. Ее руки нервно теребили баночки со всякими притираниями, рассыпая часть их по столу.

— Четырнадцать, — бормотала она. — Шестнадцать, сорок четыре, шестьдесят восемь, двенадцать, сто.

Она вскочила со стула, наступила на подол юбки и едва не упала. Двигаясь неловко, будто в тяжелых доспехах, она с трудом приоткрыла дверь. Золотой пояс немедленно зацепился за ручку двери, когда Ровена пыталась выскользнуть в коридор. Она высвободилась с проклятиями, перенятыми от Гарета и усовершенствованными в общении с Марли. «Если все пойдет и дальше так же ужасно, — думала она, — Гарет обязательно обратит на меня внимание. Я буду единственной дамой, шлепнувшей на пол посреди зала».

До слуха Ровены донесся сладкий тенор певца и чей-то громкий гнусавый смех. Она замедлила шаги, выйдя на открытую галерею вдоль внутренней стены башни. Галерея вела к спиральной лестнице, спускающейся вниз. Завороженная потоками света и пышностью красок в зале, Ровена опустилась на колени и посмотрела сквозь столбики балюстрады вниз.

Свечи в зале были заменены яркими факелами. По всей длине широкого камина ревел огонь, отгоняя холодные сквозняки к самым отдаленным углам. Цепочка дам, хлопающих в ладоши, извивалась между мужчинами в соблазнительном танце. Мерцали искрящиеся шелка, взлетали надушенные рукава и платки. Гарета нигде не было видно.

Горстка игральных костей гремела по камням в центре кружка склонившихся на колено оруженосцев. Громкие крики выделялись порой на фоне общего шума. Ровена не удивилась, найдя там Марли, чьей единственной уступкой роскоши была надетая ею пара черных рыцарских нарукавников, стянутых из покоев Гарета. Ржавые ножны вызывающе гремели, когда она самодовольно проходила по залу.

Ее темные глаза искали кого-то на галерее. Ровена спряталась за деревянной колонной.

— Вы каждый раз оказываетесь в самых неожиданных местах.

Ровена подняла голову, услышав над собой мягкий голос.

Сэр Блэйн стоял, прислонившись к стене, сложив руки на груди. Уголок его рта был приподнят в улыбке.

— То вы спите в моем зале, то прячетесь за колоннами во время всеобщего веселья... Леди загадочных стремлений. Я спрашивал у Гарета, где вы пропадаете весь вечер. Он пробормотал: «Где-то здесь», — в своей обычной раздражающей манере. — Блэйн протянул руку Ровене.

Она приняла его руку, сердито прищурился глаза, и встала.

— А, вы тоже не забыли меня. — Его манеры и застенчивая улыбка, очевидно, приносили ему успех среди женщин. — Клянусь, что не имею ни малейшего намерения напасть на вас здесь, в галерее. В Ардендоне я просто принял вас за даму совсем другого сорта. Ну-ну. Зачем же кричать на меня. Я смотрю, вы научились у Гарета красноречию, пока были в Карлеоне.

Ровена открыла было рот и снова закрыла его. Она не сказала еще ни одного слова.

— Этого вполне достаточно, — продолжал он. — Я не потерплю подобного рода выражений от такой очаровательной дамы. Вам должно быть стыдно.

Ровена обрела наконец дар речи:

— Это вам, сэр, должно быть стыдно. Независимо от того, за кого вы меня тогда приняли, вы не должны были таким способом проявлять свое внимание ко мне. Рыцарям положено отличаться благородством и высокими моральными качествами. Даже даме не столь высокого происхождения необходимо оказывать уважение. Разве вы не почитаете рыцарский кодекс?

Блэйн аплодировал ей.

— Как сверкают ваши глаза! Вам к лицу такие речи! Еще, еще! Продолжайте.

— Я полагаю... — Ровена остановилась, сообразив, что он намеренно вовлек ее во все это. Ее сердитый взгляд сменился невольной улыбкой в ответ на озорную искорку в его карих глазах.

— Видите ли, моя прекрасная леди, в ту ночь я не только был одурманен вашей красотой, но и изрядно пьян. На следующее утро я проснулся с раскалывающейся головой, большим подбородком и тяжкими угрызениями совести. Как я мог так поступить с вами? Смирненно прошу вашего прощения.

Прежде чем Ровена успела ответить, он взял ее руку и повел по галерее.

Прямо под ними менестрель Мортимер склонился над своей лютней. Его лицо скрывалось за копной светлых волос. Какая-то дама в красном плюхнулась ему на колени. Он столкнул ее и

извлек кислую ноту из натянутых струн. Смеющийся оруженосец занял ее место, и музыка Мортимера полилась весело и радостно. Зал взорвался хохотом.

вернуться

5

кохл (араб.) — краска для век.

— Гарет всегда говорил мне, что Карлеон — мой дом, так же как и его, — сказал Блэйн.

— И слова его запали вам в сердце, не так ли?

— Не столь глубоко, как ваши. Скажите, дорогая леди, что напоминает вам эта веселая пирушка?

Ровена оперлась локтем на поручень галереи, положив подбородок на руку, чтобы облегчить вес тяжелого плата.

— Мне это напоминает неудачную осаду.

— Отчего же неудачную? Осада не кровью и сражением, но музыкой и смехом, остроумием и наслаждением. Что может быть лучше, чтобы заставить петь женское сердце?

Ровена пожала плечами, делая вид, что не замечает страстных ноток в его голосе. Он оперся на поручень рядом с нею, стоя совсем близко, будто они много лет были друзьями.

— Что бы вы сделали, если бы сейчас под видом дружеской беседы здесь происходила истинная осада? Может быть, я поспешил сюда наверх только затем, чтобы похитить леди этого замка, пока его господин отсутствует?

— Марли — леди Карлеона.

Улыбка Блэйна заметно увяла.

— Марли не леди.

Ровена чуть отодвинулась от него. Ее взгляд беспокойно шарил по залу.

— Где же хозяин, о котором вы говорили?

— Возможно, во дворе. Обсуждает какие-нибудь скучные турниры или лошадиные стати.

— Вас интересуют другие вопросы?

— Предпочитаю вести изысканные беседы с дамами, если вы это имеете в виду.

— С дамами, которые вскоре кидаются к вашим ногам?

— Я предпочитаю тех, которые кидаются на меня с кулаками. И наносят довольно ощутимые удары. — Он потер свой гладкий подбородок, как будто боль еще напоминала о себе.

Ровена подавила улыбку. Трудно было не поддаться его обаянию.

— Я не намерена просить прощения, если вы этого ожидаете,

— О! Я готов ожидать целую вечность всего лишь одной просьбы от вас.

Ему, несомненно, предстояло подождать, ибо в этот момент в зал со двора вошел Гарет. Вошел один, а не в сопровождении группы смеющихся рыцарей, как ожидала Ровена. Он стоял, возвышаясь на целую голову над большинством мужчин в зале. Своим видом и манерами он походил не на веселого, радушного хозяина, а на чужака. Гарет высокомерно обвел глазами зал. Показалось ли Ровене, что смех сразу стал многозначительным, а промежутки тишины — более красноречивыми, или так было на самом деле? Пальцы Мортимера сильней ударили по струнам лютни, как будто желая наполнить неуместную тишину музыкой. Гарет принял бокал, предложенный ему какой-то дамой, и поднял его в насмешливом тосте за менестреля.

Осушив бокал, Гарет поднес руку дамы к своим губам. Она присела в реверансе, когда он поцеловал ее ладонь. Прядь светлых волос выбилась из-под серебристого платя дамы, и Ровена узнала в ней леди Алису.

Лицо Гарета приобрело расплывчатые черты. Неведомое ей ранее чувство пронзило все тело. Чувство это было мучительно острым, оно крошечными коготками раздирало ее душу. Блэйн наблюдал за ее липом, сохраняя бесстрастность взгляда.

Гарет поднял голову и взглянул на галерею. Ровена бросилась за колонну, прижавшись к ней спиной, как будто желая вдавиться в дерево и исчезнуть. Она крепко зажмурила глаза, поняв немыслимость своего поведения. Как могла она позволить Марли одеть ее как театральную марионетку, чтобы привлечь внимание Гарета? Теперь она более всего боялась его внимания.

Ровена подобрала юбки, чтобы немедленно сбежать отсюда, однако, прежде чем она успела сделать это, Блэйн схватил ее за запястье.

— Может быть, мы потанцуем, миледи оруженосец?

Он с вызовом прикоснулся губами к ее бешено пульсирующему запястью.

Ровена вырвала руку и на мгновение подумала, что Блэйн, испугавшись нового удара, немедленно исчезнет, но вместо этого он склонился в шутливом поклоне, приглашая ее широким взмахом руки к лестнице, ведущей вниз.

Голос Мортимера, поющего печальную балладу, поднялся так высоко, что не казался более гнусавым. Одна дама в углу тихо плакала, растроганная горьким сказанием о крестьянской девушке, погубленной и оставленной рыцарем-волокитой. Пирующие, заглушая тревогу, отрывались от жареной баранины и кабана, разложенных на столе вдоль стены, и все больше налегали на эль из бочонков, стоявших на камине. Покров вошедшей в моду печали опустился на всех, восхищенно слушавших триумфально взывающий вверх голос Мортимера, который он, несомненно, утратит к утру, застыв в пьяном оцепенении.

При последних звуках баллады, стихших среди аплодисментов и всхлипываний, Ровена спустилась в зал. Длинные рукава платья плыли за нею, как нечто совершенно отдельное. Блэйн держал ее руку с тщательно выверенным выражением одновременно восторга и смущения на лице.

Шепот удивления разнесся по залу. Марли сделала было пару шагов в их направлении, но затем остановилась, бессильно опустив свои длинные руки. У подножия лестницы Блэйн глубоко поклонился Ровене. Она присела перед ним в ответном реверансе.

Когда Гарет отвлекся от Алисы, перед ним предстала картина царственной особы, склонившейся перед Блэйном в вздымающемся облаке бархата. Переливчато-синий цвет ее одеяния ослепил его. Его кубок загремел по камням, забрызгивая бургундским вином бледно-лиловый шлейф платья Алисы. Он шагнул вперед, как будто не осознавая себя, не замечая, что на него направлены глаза всех в зале.

Гарет схватился за отороченный горностаем рукав Ровены, нащупывая ее руку. Пальцы, как сталь, вцепились в нежное запястье. Скромные голубые глаза, обведенные знойными очертаниями кохла, мигая, смотрели на него.

— Что, черт побери, ты делаешь? — резко спросил он в наступившей внезапно тишине.

Пойманная его железной рукой, Ровена прикусила нижнюю губу, надеясь скрыть охвативший ее страх.

— Милорд, я пришла на праздник. Вы не запрещали мне приходить сюда.

Он встряхнул ее.

— Где ты нашла все это?

— Я... мы... — Взгляд Ровены остановился на Марли, стоящей у стены. Та безразлично глядела на свои башмаки. Ровена ощутила всю горечь предательства. Она смотрела в глаза Гарета, избрав молчание единственным способом оправдания.

Гарет отпустил ее. Рука Блэйна поддержала Ровену сзади, когда ноги ее ослабли, подкашиваясь. Она и вправду чуть не упала.

Лицо Гарета было залито румянцем.

— Ты выглядишь смехотворно.

Он сорвал чепец и плат с ее головы и швырнул их на пол.

Ровена побледнела так, как будто он ударил ее.

Все волосы рассыпались по плечам. Она оглянулась вокруг себя, сразу заметив пепельные брови и неподкрашенные глаза дам. Она прижала руку к своей щеке.

Малиновые румяна, как кровью, окрасили ее пальцы. В тишине раздалось чье-то нервное хихиканье. Затем еще смех и еще.

Выпрямив спину, Ровена опустила глаза и присела в реверансе перед Гаретом.

— Простите меня, милорд. Я слишком долго жила, не зная современной моды. Я больше не причину вам беспокойства.

Она подобрала свои юбки, показавшиеся ей обшитыми свинцом. Толпа расступилась перед ней, давая ей пройти. Смешки утихли. Гарет остался лицом к лицу с ухмыляющимся Блэйном. Блэйн взял бокал с подноса слуги и всунул его в руку Гарета.

— Выпей, друг мой. Это все-таки твой праздник.

Тепло кубка согрело руку Гарета. Он выпил янтарную жидкость и потянулся за другим кубком.

Ровена бросилась бежать, не обращая внимания на любопытные взгляды людей во дворе замка. Перебегая по навесному мосту, она слышала лютню Мортимера, наигрывающего веселую песню, ритм которой помогал ей бежать быстрее. Доносившиеся до нее взрывы смеха как будто преследовали ее. По ее щекам текли слезы, окрашивая голубое платье ручейками малиновой краски со щек. Шлейф зацепился за покривившийся столбик частокола, и она оторвала его, с мстительным удовлетворением бросив дорогой бархат прямо на землю.

— Ровена! — послышался хриплый задыхающийся голос позади ее.

Она задержалась у внешней стены, освещенная косыми лучами бледной луны. Крик раздался вновь, на этот раз ближе. Ровена бросилась вперед. Ее ноги.

все еще подчиняясь ритму веселой песенки, доносившейся из замка, легко и безостановочно несли ее в тень от башни. Она достигла турнирного поля. Еще чуть-чуть, и лес будет ее защитником.

— Ровена!

Необычная нотка мольбы в этом голосе заставила ее замедлить бег. Она остановилась и, согнувшись, перевела дыхание, упираясь руками в колени.

Лунный свет заливал пустое поле. Шум шагов по высохшей траве был единственным звуком, нарушающим тишину, да еще раздавалось приглушенное ржание лошадей в близком стойле. Марли стояла в воротах. Ее глаза, как обычно, были спрятаны за завесой волос. Марли сделала шаг к Ровене. Ровена отступила ближе к спасительной тьме леса, как олениха, в любую минуту готовая сорваться с места.

Марли подняла руку.

— Пожалуйста. Не надо. Я не хотела...

Голос Ровены был резок:

— Чего же ты хотела?

Марли потрясла головой:

— Я не знаю. Но только не этого. Это была безобидная проделка. Шутка.

— Твоему брату пришлось не по нраву такая шутка.

— Гарет давно не понимает шуток. — Марли задумчиво провела ногой по копьям, сваленным в траве.

— Почему он так посмотрел на меня? Ему не нравилась ваша мачеха?

Марли со смехом запрокинула голову.

— О нет, напротив. Она ему слишком нравилась.

Ровена подвинулась поближе к ней.

— Значит, ему было больно, потому что я напомнила ему о ней?

— Когда Гарету было двенадцать лет, мой отец привез в Карлеон нашу новую мать. Она была моложе отца, всегда смеющаяся, всегда веселая. Как живой ангел, посланный принести благодать в нашу жизнь.

Марли яростно пнула копыя, расшвыряв их по траве. Ровена была слишком захвачена рассказом, чтобы почувствовать удар одного из них по щиколотке.

Голос Марли стал тише.

— Эта благодать на деле обернулась для нас ядом. Гарет еще едва вступал в расцвет отрочества, а она уже обратила внимание на его гладкую кожу, его невинность. Когда моего отца призвали на помощь королю Эдуарду в борьбе с валлийцами, она попросила его не отсылать Гарета к отцу Блэйна для воспитания, как было всегда. Вместо этого она устроила так, что Блэйна послали в Карлеон. Она сама занялась их воспитанием, обучая как пажей. — Марли смотрела прямо в глаза Ровене с непреклонной прямоотой. — Она обучала Блэйна манерам. Гарета же — всему остальному.

Ровена протянула руку, чтобы остановить стремительный поток слов, готовый сорваться с губ Марли, но было уже поздно.

— Так, в возрасте четырнадцати лет мой брат начал страдать от чувства вины, полюбив собственную мачеху. Когда отец Блэйна принес весть о смерти нашего отца от ранения отравленной стрелой, Гарет пошел к ней и сказал, что просил священника молиться о прощении душ их обоих. Он нашел ее в покоях в объятиях одного из рыцарей моего отца. Отец лежал на грязном поле боя. Его тело еще не остыло. — Марли схватила копые и порывисто ходила по турнирному полю, как волк в клетке.

Ровена опустила на траву.

— Что же сделал Гарет? — спросила она тихо. Марли повернулась к ней. Отблеск ее глаза жутко и победно сверкал сквозь путаницу волос.

— В этом-то и вопрос. Видишь ли... Никто этого не знает. На следующее утро ее нашли с мечом Гарета в сердце. Пальцы Илэйн лежали в луже крови, которой она написала имя Гарета на покрывале рядом с собой.

В сознании Ровены всплыли слова печальной песенки:

Илэйн наша прекрасная

Заколота напрасно.

Ее рукой нетвердой

Убийца выдан гордый.

Илэйн... Ровена оперлась лбом на ладонь. Лоб был холодным и влажным. Пальцы ее нервно теребили бархат юбки. Она подняла голову.

— Ты одела меня в ее платье? — спросила она спокойно.

Марли стояла в пятне лунного света, опершись на копые, как на посох.

— Я не хотела...

— Ты одела меня в ее платье, — повторила Ровена этот раз уже уверенно. Одним быстрым движением она встала на ноги, зажав в ладони копьё. — Ро, я бы не...

— Теперь он смотрит на меня и видит ее. Как же должен ненавидеть меня...

Боль, которую она чувствовала, поражала ее саму гнев обуял ее. Марли едва успела защититься, когда Ровена бросилась на нее. Твердый удар дерева о дерево разнесся эхом по пустынной арене турнирных боев. Марли отшатнулась, чудом удержавшись на ногах. Ровена не остановилась. Непохожая на саму себя, с ревом ярости, более животным, нежели человеческим, она вновь ринулась вперед, бросив в атаку весь свой вес. Копьё Марли с оглушительным треском расколосось пополам. Марли упала на спину, оказавшись прижатой к земле телом Ровены. Копьё Ровены оказалось поперек горла Марли. Волосы Марли откинулись назад при падении, открыв ее лицо безжалостно яркому лунному свету.

Ровену всегда удивляло то, что Марли так старательно скрывала свое лицо. В ее воображении возникало множество романтических историй, объясняющих это и рисующих то страшные ожоги, то уродующие шрамы. Истина оказалась намного хуже.

Марли была прекрасна.

Резкие черты лица Гарета у его сестры оказались сглаженными и утонченными, с прямым подбородком и высокими скулами. Марли свирепо глядела на Ровену своими темными глазами, сверкающими в лунном свете, как обсидиан. Широкие, полные губы были сжаты в гордой усмешке. Спутанные космы волос скрывали женщину, по сравнению с которой леди Алиса казалась бесцветным подражанием того, какой бог хотел видеть женщину. Голубые глаза Ровены раскрылись в изумлении, и давление копья ослабло.

— Почему? — прошептала она, сама не зная, о чем хочет спросить.

Марли оттолкнула ее, и Ровена откатилась вбок, не сопротивляясь. Марли села, повернувшись спиной к Ровене. Ее волосы снова висели над лицом. Когда Марли наконец обрела голос, справившись с дыханием, Ровена уже исчезла.

Ровена на бегу срывала с себя наряд давно умершей женщины, сбрасывая слой за слоем бархатные одеяния, запятнанные позором предательства Марли. Она яростно рвала расшитый лиф платья, пока он не затрещал под ее ногтями. Куст согнулся под весом отброшенной камлотовой нижней туники. Она швырнула в сторону золотой пояс. Оставшись в тонкой льняной рубашке, Ровена летела по лесу, огибая стволы деревьев с безупречной грацией, которую давали ей обретенные крылья свободы. Она была свободна. Так же свободна, как до прихода Гарета в Ревелвуд. Ничто не могло остановить ее теперь. Ни Гарет, ни даже папа. Никакие угрозы. Никакие обещания.

Не обращая внимания на ветви, бьющие по лицу, она мчалась все глубже в лес, оставив позади умирающую листву и вступив под высокие сосны. Игольчатые ветви пропускали лунный свет, пятнами падавший на землю. Она остановилась, впервые ощутив пропаду ноябрьского воздуха, касающегося ее разгоряченной кожи. Зловещий скрип ветвей вдруг показался ей страшным. Ветер, шептавший в ветвях деревьев, раскачивал их тонкие стволы в жутком, потустороннем свете луны.

Ровена скинула атласные туфли и бросилась дальше.

Под ее босыми ногами чуть потрескивали сухие иглы. Лишь достигнув края леса, она остановилась, обхватив руками ствол сосны с грубой корой. Ропот, более громкий, чем шум ветра, подсказал ей, что близко бежит вода. Она увидела чистый поток, вырывающийся из-под земли и впадающий в посеребренную лунной заводь.

Без колебания Ровена сбежала с холма и бросилась в прохладную воду. Она глубоко нырнула, затем выскочила на поверхность, стряхивая воду с волос сверкающими брызгами, как будто совершая новое крещение, освобождающее ее от порочности Карлеона.

Марли наблюдала, как Гарет приближается к ней, глядя сквозь вуаль своих волос, погружающую мир в привычную ей полутьму. Он медленно шел по турнирному полю, двигаясь с такой преувеличенной точностью и старательной грацией, что она поняла, как много он выпил. Она легла в траву, опершись на локоть, всунула пустой стебелек травинки между зубами и тихо дунула. В ночи пронесся жутковатый свист. Гарет остановился перед нею, твердо расставив ноги.

— Ты видела ее? — спросил он, с безупречной четкостью произнося слова.

Марли издала короткий звук на своей импровизированной свирели.

— Она ушла.

Марли выплюнула травинку к его ногам.

— Куда? На кухне ее нет. И в моей спальне тоже нет.

— Ты, кажется, не очень-то ее удерживал, если не сказать большего?

Гарет глядел на Марли в упор.

— Ты знаешь, где она?

— Я сказала тебе. Она ушла.

Гарет присел на корточки перед нею. Он запустил свои пальцы в ее волосы и осторожно убрал их с лица. Уже второй раз в эту ночь лунный свет пролился на поверхность ее щек.

— Ушла куда? — тихо спросил он.

Их темные глаза скрестились. Коротко мотнув головой, Марли указала на лес.

— Она ушла навсегда. Почему ты не оставишь ее в покое? Как ты не можешь понять своей тупой головой, что ее отец не придет к тебе? Или тебя заботит теперь уже не это?

Нахмурившись, Гарет встал, оставив Марли пребывать в ее любимой темноте.

— Она не знает этого леса. Она может заблудиться. На нее могут напасть волки или медведи.

— И съесть ее? — добавила Марли с кривой улыбкой.

Гарет нахмурился еще больше. Он резко повернулся и направился к конюшне, отрезвев окончательно.

Марли наблюдала за ним, удобно устроившись в траве. Ее глаза зло сузились, когда из

темноты выступил Блэйн и взял Гарета за руку.

— Гарет, я все слышал. Позволь мне собрать рыцарей и организовать поиски.

Гарет резко выдернул руку.

— Ровена и так беспомощна против нападения кабанов. Я не хочу, чтобы ей угрожал еще и такой кабан, как ты.

Он скрылся в конюшне и вышел оттуда, ведя на поводу Фолио. Когда Гарет вскочил в седло, Блэйну пришлось резво отпрыгнуть в сторону, чтобы не попасть под копыта.

— Гарет, ты выиграл ее на пари. Давай заключим новое. Дай мне шанс выиграть ее.

Гарет намотал поводья на руку, укрощая танцующую в нетерпении лошадь. Уголок его рта приподнялся в холодной улыбке.

— И что ты предпочитаешь? Хазард? Шахматы? Состязание на турнире?

Блэйн отступил назад, подняв руки в знак капитуляции. Гарет пустил Фолио вскачь. Грохот копыт прокатился, затихая в ночи.

Блэйн обернулся, глядя на турнирное поле. Лунный свет освещал траву на месте, где еще недавно лежала Марли. Камешек скатился по стене, возвышающейся над ним. Когда он взглянул вверх, через крышу конюшни пронеслась фигура в шлеме, держащая в руке расколотое копьё. С победоносным визгом она бросилась ему на плечи.

Замок, с его огнями и смехом, казался Гарету иным, бесконечно далеким миром, когда он пробирался сквозь первобытную тишину леса. Его окружали ночные звуки и шорохи: трепыхание невидимых крыльев в ветвях над ним; негодующее кваканье лягушки; шепот листа, срывающегося с ветки и плавно опускающегося вниз. Там, где листва все еще держалась на деревьях, не пропуская лунного света, он направлял лошадь вперед, подчиняясь скорее инстинкту, поскольку перед его невидящими глазами была лишь пустота и то внутреннее сияние, которое бывает в глазах слепого, не обжигаемых более солнечным светом.

Заехав уже довольно далеко в лес, он остановился и выкрикнул ее имя. Голос, прокатясь по лесу, вернулся к нему пустым, безжизненным эхом, неприятно поразившим его своей резкой хрипотой. Гладкая кожа Фолио под его коленями задрожала. В тишине прозвучал одинокий крик козодоя. Он направил лошадь вперед сквозь путаницу ветвей. Фолио упирался и дергал головой. Крапива жалила ноги коня,

Гарет спешил. Вынув меч, он стал рубить поросль под деревьями, расчищая путь для Фолио. Лошадь тихо ржала, влажно дыша ему в затылок. Внезапно он остановился. На ветке висел, зацепившись, бархатный лоскуток. Гарет долго глядел на него, затем прижал к своей щеке, ощущая кожей мягкое прикосновение. Он поднял глаза к свету, который прорывался сквозь кусты впереди него, затем раздвинул мешавшие видеть ветви. Лунный свет выбелил серебром иглы сосен перед ним.

Забыв о зажатом в руке мече, он двинулся походкой сомнамбулы в этот притягивающий бесцветный мир, так внезапно открывшийся ему. Тени расступились.

У подножия безлесного холма лежала фигура в белом, раскинувшись рядом с ручьем. Сначала Гарет подумал, что она мертва. Она была так бледна, грудь ее казалась такой недвижимой. Но

когда его отяжелевшие ноги подвели его ближе, он увидел, что жизнь пульсирует в ней, окрашивая щеки розовым цветом. Она лежала на спине и еле слышно дышала. Это бы; глубокий сон смертельно уставшего человека.

Рубашка, обычно такая бесформенная на ней, теперь плотно облегла ее тело. Гарет обвел ее взглядом, угадывая соблазнительные очертания под влажным полотном. Он ощутил некое неудобство в паху и тихо выругался, осознав силу своего влечения к ней.

Почему ей не холодно? Лежать на земле, осенью, открытой всем ветрам, и не дрожать казалось неестественным. Гарет вспомнил полуразрушенный Ревелвуд и зимы, которые она привыкла там проводить. Осенний ветер должен казаться ей легким бризом.

Ему самому не было холодно. Кожу покалывало, как будто он испытал внезапный лихорадочный озноб и жар. Он совсем было собрался разбудить ее, но остановился. Он стоял в раздумье, полуотвернувшись от нее. Фолио с ожиданием смотрел на него с вершины холма.

Ровена во сне повернула голову, и влажные волосы заблестели, переливаясь в лунном свете. Вид ее чуть не вызвал стон у Гарета. Она принадлежала ему. Оплата проигранного пари была долгом чести проигравшего. В течение года она принадлежала ему. Он мог использовать ее на своих полях, в работе на кухне или в своей спальне, если пожелает. Никто не мог назвать его негодяем за это. Никто не мог в этот момент воспрепятствовать ему прижаться к ее раскинувшимся бедрам и овладеть ею. Ровена пошевелилась. Ее гладкий лоб слегка наморщился.

Гарет стоял над нею, едва дыша. Часть его души все еще хотела ненавидеть ее, все еще желала видеть в ней избалованное дитя, воспитанное своим обожаемым отцом, чтобы очаровывать и обманывать так же, как Илэйн. Такие мысли позволили бы ему с легкостью наказать Фордайса, отослав его дочь назад обесчещенной и униженной. Но в этой девочке не было ничего от Илэйн. Воспитанная в бедности, в которую постепенно погружался Фордайс с той самой ночи, когда барон был вынужден бежать от меча Гарета, Ровена была начисто лишена духа самонадеянности и тщеславия, сохранив душу светлую, сияющую, как солнце. Какое право имел он пачкать ее своими темными желаниями?

Его право на нее не должно омрачаться жестокостью. Он может сделать ее жизнь в Карлеоне приятной в течение всего назначенного года. Он может дать ей радости и наслаждения, о которых она могла лишь мечтать в Ревелвуде. А в конце года он мог бы найти ей достойного мужа или отослать обратно с солидным количеством золота, которое даст ей будущее, свободное от бедности и голода.

«Будущее с мужчинами, подобными Блэйну, ждущими, чтобы подобрать твои объедки».

Голос, произнесший это в его сознании, был голосом Марли, и он ненавидел его предсказание. С проклятием он вонзил меч в землю. Трясущимися руками отстегнул ножны. Ровена тихо застонала во сне, когда его тень упала на нее.

Сияло солнце. Теплый ветер пробежал по высоким травам, мешая зелень и золото. Точка на горизонте становилась все больше, приближаясь к ней. Сердце Ровены переполнялось радостью. Солнце золотило волосы Маленького Фредди, мчавшегося, как дитя, в ее распахнутые объятия. Сердце Ровены шумно билось. Она стрелой неслась ему навстречу.

Ровена чуть не споткнулась, когда увидела темную тень, мчащуюся позади ее брата. Тень приближалась к нему с неотвратимостью ястреба, падающего намышь. Ровена кричала, пытаясь предупредить его, но Маленький Фредди продолжал бежать, не ведая о нависшей над

ним опасности.

Рыцарь в черных доспехах мчался по торфянику, и шелковистая белая грива коня развевалась на ветру. Его лицо скрывалось за решеткой шлема. Рыцарь уже наклонился над ее братом, нацелив в его спину копье. Грохот копыт заглушил отчаянный крик Ровены, и она упала на колени, зажав руками уши. Когда она открыла глаза, торфяник был пуст и тишину над ним нарушал лишь одинокий свист ветра.

Она припала к земле, покрытой мерцающим синим бархатом, вытянув вперед с мольбой свои руки. Над нею стоял Гарет с поднятым мечом. Ее мольбы падали в безжалостную тишину, и слезы текли по щекам. Она не должна была убежать. Она забыла о его угрозах, забыла проигрыш отца. Ее переполняло чувство непонятого стыда. Она взглянула на свое платье, но не могла вспомнить, почему ей так стыдно. Темные глаза Гарета сверкали, губы искривились в презрительной усмешке. В тот момент, когда она сплела свои пальцы, умоляя его о прощении, лезвие метнулось вниз серебряной молнией.

Ровена повернула голову и открыла глаза, ощущая соль единственной слезы на своих губах. Она видела лишь лезвие меча, серебрившееся в лунном свете. Она беспомощно глядела на меч, ожидая кошмара уже наяву.

Теплые губы скользили по ее шее, отдавая пряным запахом эля. Она лежала не двигаясь, ощущая, как острые зубы прихватили ее ухо покалывающим прикосновением. «Волк, — равнодушно подумала она. — Неспешный волк с утонченным вкусом». Он прикусил чуть-чуть нежную кожу на ее плече. Лишь когда его губы нежно скользнули вниз, к вороту рубашки, стремясь к возвышению ее груди, Ровена повернула лицо. Волк поднял лохматую голову, и она наткнулась на глаза, темные, опасные глаза. Глаза Гарета.

Ее взгляд метнулся к мечу, затем обратно. Тело Гарета нависло над нею, удерживая ее на земле более Надежно, чем вид меча, воткнутого в мягкую землю. Сосновая игла уколола ее бедро, подтверждая, что это уже не сон. Внутри она вся дрожала, хотя ни один ее мускул не двигался. Она отвернула от него лицо, но было слишком поздно. Гарет уже ощутил ее страх.

Он взял ее за подбородок двумя пальцами. Ровене поневоле пришлось встретиться глазами с его упорным взглядом. Она все еще ощущала печать его пальцев на подбородке, когда он поднялся и отошел от нее. Он стоял спиной к ней.

— Марли рассказала тебе, — произнес он безразличным тоном.

Ровена села.

— Как вы узнали?

— Я уже видел этот страх в глазах женщин. Сомнение. Болезненное любопытство.

Ровена склонила голову, надеясь, что он так и не поймет ее чувств.

— Вас судили?

Гарет повернулся к ней.

— Что толку судить меня? Я сам был судьей и присяжным после смерти моего отца. Они предпочли обвинять меня шепотом и косыми взглядами. Я никогда не стал бы рыцарем, если бы отец Блэйна не воспитал меня.

— И если бы король не возвел вас в рыцари, — пробормотала Ровена. Она подняла голову. — Ваши люди, кажется, преданы вам.

Он серьезно кивнул:

— Да. Я — их лорд. Я владею землями. С их примитивным чувством справедливости они первыми начали шептать, что леди замка заслужила свою участь. Но сельский священник все еще отказывается возносить молитвы в Карлеоне.

— Вы могли бы заставить его, не правда ли?

— Зачем? Убийца или нет, я — нарушитель супружеской верности. Любой из знати, пирующей сейчас в моем замке, рад провозгласить меня и тем и другим.

— Как вы заставляете их молчать, милорд?

Он подошел и опустился рядом с нею на колени. Тронул спутанную прядь ее волос. Голос его был жестким.

— Я вызываю мужчин. Я сплю с женщинами.

Ровена опустила глаза. Неожиданный приступ гнева вызвал к жизни дерзкую в ее устах фразу.

— Неблагодарно нападать на спящего противника.

— Я и не знал, что ты — противник.

— Да, конечно. Я ведь ваша собственность, подобно мечу или коню.

Он обернул ее локон вокруг своего пальца.

— Это правда.

— Но доставляющая намного больше хлопот, чем меч или лошадь. Уводящая вас от вашего пира, заставляя участвовать в игре в догонялки.

Его рука скользнула под ее волосы, обнимая шею.

— Владение мечом надо постигнуть. Лошадь надо объездить.

Прежде чем Ровена успела отклониться, его губы прильнули к ее рту, и она ощутила соблазнительное прикосновение его языка. Он откинулся назад и поглядел ей в лицо. Его обычная надменность сменилась каким-то иным выражением.

— Вы намерены объездить меня, милорд? — тихо спросила Ровена.

Гарет не увидел следов обвинения в ее глазах. Он встал и негромко свистнул. Фолио спустился трусцой с холма и ткнулся носом в щеку Гарета. Гарет запустил пальцы в челку лошади и мягко потянул за нее. Фолио наклонил голову и опустился на одно колено в красивом поклоне. Ровена восторженно захлопала в ладоши.

Гарет сверкнул зубами сквозь темную бороду, встретив взгляд Ровены.

— Прежде чем я смог объездить Фолио, мне пришлось научить его доверять мне.

Ровена с преувеличенным вниманием занялась пятном зелени на своей рубашке, чтобы скрыть, какое действие произвела на нее эта улыбка Гарета. Гарет собрал свои вещи и вложил меч в ножны. Он вскочил в седло. Ровена стояла, не зная, может, он оставит ее одну в огромном лесу в наказание за побег.

Фолио гордо пошел вперед, подчиняясь руке Гарета.

— Гарет?

Она посмотрела на него, не осознавая, что впервые назвала его по имени, не сопроводив его титулом «милорд» или «сэр». Для Гарета это прозвучало как музыка.

Его колени сжались, Фолио вздернул голову.

— Что — спросил Гарет резко, стараясь скрыть свое чувство.

— Бог не сражается на стороне виновного. Если вы победили каждого, кто посягал на вашу честь, разве это не доказывает вашу невиновность.

Гарет пристально глядел на нее. Тишина разлилась между ними глубоким водоемом.

Он протянул к ней руку. Ровена ухватилась за нее и мигом оказалась на спине Фолио, сидя боком позади Гарета.

Близость его теплого тела придала опасную остроту его тихим словам.

— Не спеши так скоро оправдывать меня, Ровена. Я убивал мужчин, которые не совершили ничего предосудительного, кроме того, что обвиняли меня в убийстве.

— И спали с их вдовами?

Гарет не ответил. Он пустил лошадь вверх по неровному склону холма, не выдав своих чувств и даже не вздрогнув, когда руки Ровены обхватили его за пояс.

Блэйн сидел во дворе замка, прислонившись спиной к стене, когда Фолио вошел в ворота, неся на спине седоков. Веселье в замке давно стихло, сменившись раздававшимся кое-где храпом. Блэйн опустил влажную ткань, которую прижимал к своей рассеченной губе, и искоса поглядывал глазом, который еще не полностью распух. Ровена сидела на лошади, прижавшись щекой к спине Гарета. Ее глаза были закрыты. Она пробормотала что-то во сне, когда Гарет соскользнул с лошади, держа одну руку позади себя, чтобы не дать Ровене упасть. Затем он подхватил ее и поставил на ноги.

Она открыла глаза. Чистота чувств, отражавшаяся в голубых глубинах этих глаз, вызвала в Блэйне прилив страсти. Он с трудом встал на ноги, забыв боль в разбитом колене. Глаза Ровены закрылись вновь, и она покачнулась в объятиях Гарета. Блэйн направился было к ним, но, увидев тайный взгляд, которым Гарет украдкой обвел двор, остался в тени. Ровена не ощутила прикосновения губ Гарета к ее виску. Блэйн опустился в бессилии у стены, когда Гарет подхватил Ровену на руки и понес ее в замок.

Блэйн со стоном поднял глаза к небу. В башне, с другой стороны двора, в одном из верхних окон мерцал желтый свет огня в камине. Его сузившиеся глаза не отрывались от незакрытого окна, в котором на фоне Дрожащего света вырисовывалась темная лохматая голова. Ставня с треском захлопнулась, и Блэйн, запрокинув голову, стал громко смеяться, пока кровь из

раненой губы не закапала на подбородок.

8

С тяжелого зимнего неба полетели, крутясь, первые хлопья снега. Они вращались на ледяном ветру и мягко оседали на землю. Двери замка Карлеон были открыты настежь. Рыцари и леди, закутанные в шерстяные и горностаевые одежды, высыпали во двор, подставляя лица падающим снежинкам. Их смех звонко разносился в бодрящем морозном воздухе. Хрупкие снежинки покалывали разгоряченные щеки.

Снег покрыл белым ковром побуревшую замерзшую траву, и мужчины, подкрадываясь сзади один к другому, запихивали пригоршни снега друг другу за шиворот. Кто-то заметил оставленные на турнирном поле копья, и вскоре разгорелись шуточные поединки. Мужчины сражались, оскользаясь на траве, скрытой под тонким слоем снега.

Ровена вышла вслед за другими. Она прижалась к стене, поражаясь сумасшествию дворян, радующихся снегу. Снег никогда не приносил ей радости. Он нес с собой зиму. А зима всегда означала заточение в темном замке с дверями, заваленными сугробами. Они не могли открыть их с декабря по март. Приход снега означал для них одно тряпичное покрывало, укрывающее всех девятерых, и никакой пищи, кроме сырой репы и легенд Ирвина в зимние короткие дни и нескончаемые ночи. Снег сулил им ежедневный суп, в котором было много воды и мало ячменных зерен.

Как и предполагал Гарет, Блэйн осел со всей своей свитой в Карлеоне на зиму, намереваясь уничтожить запасы на несколько лет. Данла распорядилась людьми, пришедшими по приказу Гарета из деревни, оглушая их своим криком. Блэйн бродил по замку подобно сытому коту, вечно готовый к новым развлечениям.

Странствующие актеры, соблазняемые слухами об обилии золотых монет у сэра Блэйна, стекались к замку. За комедиантами следовали кукольники, за акробатами — канатоходцы, за трубадурами — шпагоглотатели.

Вот теперь снег принес новые развлечения, наполнив двор замка радостной толпой. Ровена обхватила себя руками, сдерживая дрожь. На ней была всего лишь бесформенная накидка из белой шерсти. С той ночи после пира у Блэйна она оценила преимущества простой одежды. У нее не было желания возбуждать сплетни, разносимые вкрадчивым шепотом дам, для таинственности прикрывающих рот расшитым рукавом. Все знали, что она делит с Гаретом его спальню. Никто не знал, была ли она его любовницей или просто избранной служанкой, поддерживающей огонь в камине. При всех Гарет проявлял к ней лишь холодную вежливость. Как, впрочем, и наедине.

Она беспокоила своего хозяина лишь тогда, когда к ней приближался сэр Блэйн. Тогда Гарет внезапно появлялся, как будто выскакивая из ближайшей стены, чтобы осведомиться, каковы ее успехи в письменности или спросить, понравился ли ей завтрак нынче. Это смущало ее и приводило в ярость Блэйна, чья любезность с нею лишь многократно возрастала, когда он злился. В таких случаях она, запинаясь, что-то отвечала Гарету с изяществом деревенской дурочки, спотыкающейся о собственные ноги, и спешила оставить их обоих.

Снег все продолжал сыпаться густой белой завесой, оседая изморозью на бородах мужчин и окутывая башни замка жемчужным покрывалом. На другой стороне двора снег вздымался в воздух серебристыми вихрями. Это Марли боролась с круглолицым оруженосцем. Его стенания о пощаде вызвали улыбку Ровены. Снег садился на ее ресницы и, тая, стекал по щекам, как

слезы. Она несколько минут наблюдала за Гаретом, огорчаясь все больше.

Леди Алиса опустилась на колени у его ног. Она набрала снега руками в атласных перчатках, при этом ее отороченная мехом мантилья лежала вокруг нее изящными складками. Она подняла лицо к Гарету, и ее тонкие черты осветились радостной улыбкой. Он подал ей руку, и она, вскочив на ноги, дунула ему в лицо собранным снегом. И тут же, подхватив свои юбки, спряталась за какой-то визжащей дамой. Гарет с рычанием бросился за нею. Через пространство двора его глаза поймали взгляд Ровены.

Он выпрямился и поднял в приветствии руку в черной перчатке. Ровене удалось выдавить улыбку. Вздохнув, Ровена проскользнула обратно в замок, держась в тени главной башни. Она доплелась до кухни, плюхнулась на скамью и застыла, бессмысленно уставясь в угол.

— Замерзла, да Ро — завопила Данла ей в ухо.

Ровена даже не подскочила. Данла шлепнула на стол чашку с вареной чечевицей. Ровена поглядела в пузырящуюся глубину и оттолкнула чашку. Она видела, как увяла улыбка Гарета при виде ее. Зачем он держит ее здесь, если так ее ненавидит? Ровена сложила руки на столе и положила на них голову. Она не заметила, как в дверях задержался Гарет и как Данла погрозила ему ложкой. Когда она подняла голову, в дверях уже никого не было, а Данла громко распевала песенку о печальной участи похотливого рыцаря.

Ровена спасалась от холода на нижней ступеньке лестницы в зале, завернувшись в пахнущую плесенью шкуру. Порывы ледяного ветра гремели закрытыми ставнями окон. Ставни более или менее успешно сопротивлялись сокрушительной осаде ветра, и он завывал, яростно протестуя, вокруг башен замка. Этот зловещий вой перешел наконец в рев, и Ровена осенила себя крестом. Даже богатство Гарета не могло противостоять атаке английской зимы.

Неделю назад небо как прорвало. Снег сыпался и сыпался. Ровена присоединилась к собравшимся на парапете, чтобы полюбоваться красотой падающих снежных хлопьев. За какие-то минуты все башни были присыпаны белым, как будто замок был слеплен из снега гигантским ребенком с несомненным талантом художника. Хлещущий ветер очень скоро загнал всех обратно. Мужчины сопровождали женщин, спускающихся по винтовой лестнице, с вымученной веселостью, но под их улыбками Ровена замечала напряженность. Слышалось слово «буран», передаваемое из уст в уста как некое страшное заклинание.

На рассвете этого, седьмого, дня Ровена не могла видеть ничего дальше вытянутой руки из любого окна в замке. Мир сжался, превратившись в одну вихрящуюся белизну, а невидимое небо все швыряло снег в безжалостные руки ветра. Снег накапливался огромными сугробами вокруг валов укреплений, подступал снаружи к стенам. Гости Гарета собрались в большом зале, хотя их никто и не созывал сюда. Все сидели в подавленном настроении, не обращая внимания на резкие жесты и слишком громкие голоса Гарета и Блэйна у очага.

Наконец Блэйн поднял палец, приглашая всех прислушаться. Он улыбался зловеще и сладко до отращения,

— Наш хозяин истощил свой разум, ища способ развеять скуку, и изобрел наконец развлечение для этого мрачного дня. Каждый мужчина в замке приглашается на охоту, чтобы добыть мяса для сегодняшнего пира.

Мужчины приветствовали предложение со сдержанной веселостью. Леди Алиса прижала платок к дрожащим губам. Лицо Гарета оставалось мрачным.

В зал принесли охапки шерстяных наголенников и меховых жилетов, свалив кучей на коврах. Мужчины, как дети, переминались в нетерпении с ноги на ногу, пока женщины укутывали их в плащи и заматывали шарфами капюшоны, делая из них непроницаемые для снега колпаки. Дамы обменивались шутками и шпильками друг с другом, стараясь отогнать страх за своих мужчин. Тут и там слышался громкий смех женщин запечатлевающих поцелуй на счастье на вспотевшем лбу охотника. Замужние матроны давали своим мужьям прощальный шлепок пониже спины, когда те поворачивались, готовые к выходу. Веснушчатая девушка не старше Ровены всовывала в руку рыцаря свой платок.

— А у вас нет напутствия для меня, прекрасная Ровена? — прошептал Блэйн. Он подкрался к ней сзади тихо, как кот. Его меховая шапка была весело сдвинута набок.

— Какого напутствия вам хотелось бы?

Блэйн положил руку на сердце и сощурился в своей неотразимой манере.

— Залога вечной любви от леди, которую я обожаю.

Ровена взглянула на свой наряд. На ней не было пояса. Не нашлось даже платка, который она могла бы подарить на счастье.

— Боюсь, что у меня ничего нет.

— Умоляю вас. Может быть, поцелуй в память о ваших нежных губках. Не посылайте меня так просто в ледяную могилу.

Щеки Ровены зарумянились. Блэйн наклонился к ней.

— Отойди в сторону, Блэйн, или получишь напутствие ударом копьей в лоб. — Прямо на них по лестнице спускался медведь, тяжело ступая и рыча приглушенным голосом.

Блэйн отступил, давая проход лохматому чудовищу, кто-то из женщин завизжал от страха, и взгляды их обратились к лестнице. Закутанная в косматые шкуры с головы до ног, Марли протопала в зал.

К ногам ее было привязано кожаными ремнями нечто вроде кухонных подносов.

Гарет пересек зал, направляясь к ней, и между ними произошел тихий, но явно очень горячий диалог. Он закончился тем, что Марли с досадой швырнула свое копьё в зал. Один из пажей вовремя увернулся с бледным, как пепел, лицом. Копьё вонзилось прямо в дубовую балку, к которой он только что прислонялся. Ровену передернуло от слов, которыми Марли громко и ясно выразила свое отношение к этой охоте. Она схватила бутылку с элем и, оглушительно топая, ушла из зала, продолжая сыпать еще долго слышимыми проклятиями.

Блэйн пожал плечами:

— Чего тут еще ожидать? Он позволяет ей вести себя как дикарка. Хорошая взбучка мигом исцелила бы ее.

Стоявший рядом оруженосец захихикал:

— Или хорошая...

Ровена кашлянула, собираясь вступить за Марли. Оруженосец встретил ее холодный взгляд

и отошел. Ровене и самой непонятно было ее стремление защищать Марли, хотя теперь Марли и Гарет были единственной семьей, к которой она принадлежала.

По сигналу Гарета двое мужчин рванули дверь, по счастью, открывавшуюся внутрь. На зал опустилась тишина, которой все они так упорно избегали.

Весь дверной проем был завален сугробом слежавшегося снега. Неистовый вой ветра за ним заглушил нервное биение сотни сердец. Мужчины стояли в неподвижности, как будто примерзли, пока крик Гарета не привел их в движение.

— Копья! Принесите все копья, которые можно найти!

Поднялся возбужденный говор. Наконец принесли копья. Женщины смотрели, как мужчины разваливали неожиданную преграду. Снег летел во все стороны пушистым облаком, и вот путь свободен. Все ликовали. Порывы ветра швыряли в зал заряды слепающего снега. Последние объятия — и, предводительствуемые Гаретом, мужчины взобрались на остатки снежного холма в дверном проеме и исчезли в белой пурге.

Ровена повернулась и побежала вверх по лестнице. Она мчалась по длинным коридорам и снова вверх по узкой винтовой лестнице, которая казалась ей нескончаемой. В холодном затхлом воздухе этих нежилых помещений ее частое прерывистое дыхание сразу превращалось в пар.

Она вбежала в северную башню и бросилась на колени перед узким низким окошком. Ее негнущиеся от холода пальцы ухватились за задвижку, но она не поддавалась, Ровена ударила кулаками по дереву, не ощущая боли. И с жалобным скрипом ставни раскрылись.

Ворвавшийся холодный воздух и головокружительная высота башни заставили Ровену отпрянуть. Ледяные иглы снега ослепляли ее, медленно тая и превращаясь в затуманивающие зрение слезы. Она вытерла глаза и, положив на ледяной каменный подоконник руки, наклонилась, пытаясь разглядеть что-нибудь в белом буране. Ее глаза щурились от ветра, а пальцы онемели от холода, но ей удалось все же различить размытые фигуры, спускающиеся с подъемного моста далеко внизу. Все ее внимание было сосредоточено на том, кто возглавлял охотников. Ветер хлестал с севера, скрыв из поля зрения всех на несколько мучительных секунд, но затем цепочка борющихся с пургой мужчин стала видна вновь. Ровена высунулась сильнее, следя за Гаретом жадным взором, пока ее волосы не смерзлись ледяными прядями. Но последняя темная фигура уже исчезала в лесу, едва угадываемая за снежной пеленой.

Дрожа от холода, Ровена закрыла ставни. Они сразу дико застучали от порывов ветра. Ровена покинула башню, крепко закрыв дверь за собою. Она добралась до спальни, которую делила с Гаретом. Разведенный утром огонь догорел. Она подержала ладони над последним сиянием углей, чтобы ощутить хоть чуть-чуть тепла. Снег, осевший на ее волосах и платье, растаял, и вода капала на туфли. Она подобрала мех с пола, но он выпал из ее пальцев, когда ее задумчивый взгляд остановился на кровати, занимавшей большую часть спальни.

Ровена подняла одну из меховых шкур с постели Гарета и зарылась в нее лицом, закрыв глаза и ощущая приятный мускусный запах. Набросив тяжелую шкуру себе на плечи, она спустилась с лестницы, чтобы ожидать вместе с остальными женщинами возвращения мужчин.

По мере угасания дня и приближения сумерек болтовня женщин становилась все возбужденнее. Напряжение нарастало, и все чаще взгляды женщин обращались на входную дверь. Смеющиеся служанки вывели снег, обвалившийся в зал, когда дверь открывали, но плотно закрыли створки, защищая зал от бьющего снаружи ветра. О битве со снежным зверем

напоминала лишь темная лужица воды.

Проходили часы. Паузы становились все дольше, смех слышался все реже. Дамы склонили свои головы к рукоделию, стараясь не вздрагивать от любого доносившегося звука. Все ждали. Данла шаркала между ними, предлагая пирожки и медовый напиток, однако все это оставалось нетронутым.

В тишине, нарушаемой лишь завыванием ветра, Мортимер достал свою лютню и тихонько перебирал струны. Он был единственным мужчиной, оставленным в замке, не считая горстки пажей нежного возраста. Мортимер наигрывал начало одной мелодии, затем другой, стараясь больше для себя, чем для развлечения дам. У Ровены закружилась голова, когда ей почудились звуки той самой баллады, которую, казалось, она никогда не услышит вновь. Слова сами всплыли в ее памяти под музыку Мортимера, однако его пальцы вскоре перешли к припеву другой песенки. Ровена прижалась лицом к меху, взятому с постели Гарета, ища убежища от острого отчаяния, наполнившего ее душу.

Когда она подняла голову, то встретила взгляд леди Алисы, с холодным любопытством направленный на нее. Ровена ответила ей столь же немигающим взглядом, и Алиса вновь склонила голову к вышивке, лежащей на ее коленях.

Марли металась по залу, как волк в клетке. Дамы поспешно подбирали ноги, когда она проходила мимо.

Полная женщина, стянутая, как колбаса, коричневым шерстяным платьем, улыбнулась притворно веселой улыбкой.

— Как разумно было со стороны сэра Гарета и сэра Блэйна организовать охоту. Мужчины просто ненавидят сидеть взаперти.

Марли развернулась на ходу. Своей обычной развязной походкой она подошла к говорившей и наклонилась к ней, опершись руками на ручки кресла.

Ее необыкновенно вкрадчивый голос был слышен во всех углах зала.

— Глупая сучка. Можешь поверить, что умереть в снегах — гораздо хуже, чем сидеть взаперти даже с такой дурой, как ты. Твое толстое брюхо очень скоро потребует мяса. Мой брат взял ваших мужчин с собой для того, чтобы окрестные крестьяне не обнаружили замок, полный дворянских костей, когда настанет весенняя оттепель.

Бедная женщина устала на свои колени, губы ее дрожали. Иголочка проткнула льняную ткань, на которой она вышивала, и впилась в подушечку ее пальца. Дама расплакалась. Марли отошла с презрительной ухмылкой.

Лютня Мортимера зазвучала неровно. Казалось, беспечная болтовня, разгоняющая страх, уже не возобновится. Марли прошествовала к лестнице, где куталась в меха Ровена, и села рядом с ней, похрустывая косточками пальцев, оцепеневших от холода. Ровена высвободила из-под себя край шкуры и набросила его, как полог, на плечи Марли. Они обе легко уместились под мехом.

Не говоря ни слова, Марли съежилась, прижавшись к теплому телу Ровены. Они долго сидели так, пока голова Ровены не склонилась на плечо Марли и Ровена забылась кратким тревожным сном.

Ровена очнулась, пробужденная тишиной, такой глубокой, что она показалась ей

продолжением сна. Она открыла глаза и увидела насмешливый взгляд Марли. Безмолвие, разлитое кругом, не нарушалось ни шепотом, ни шорохом. Это была не просто тишина. Это было ужасное отсутствие звуков, как будто стихло даже биение сердец. Марли отбросила шкуру, и они взглянули наверх. Тени под стропилами не давали никакого ответа.

— Ветер, — раздался чей-то сдавленный шепот. — Ветер прекратился.

— Разве? — Голос, который произнес это, принадлежал той веснушчатой девушке, которая всунула свой платок в руку молодого рыцаря. — Он и правда прекратился или мы просто не слышим его? — В ее голосе слышались истерические нотки. — Может быть, мы уже засыпаны заживо и не можем ничего слышать. Может быть, мужчины стоят снаружи и умоляют нас выпустить их, а мы не слышим. Может быть, они погибают прямо сейчас, когда мы сидим и шьем здесь. Может...

— Замолчи! — Марли мгновенно оказалась рядом с ней. В тишине раздался звук пощечины. Девушка опустила прямо в объятия какой-то почтенной матроны.

Женщина в упор глядела на Марли.

— Я говорила моему мужу, что нам не следует приезжать сюда. Вся Англия знает, что твой брат сумасшедший. Распустил всех своих рыцарей. Живет как отшельник, которому прислуживают лишь уроды да крестьянские девки. Позволил тебе одичать, как зверю, вместо того чтобы запереть в монастырь, как и следовало бы. Карлеон проклят. Проклят темными делами его хозяина.

Шея Марли покрылась густой краской. Леди Алиса нервно сжимала кусок батиста тонкими пальцами, видя, как Ровена встала между Марли и вопящей матроной. Дамы, никогда не слышавшие от нее ни слова, напрягли слух.

— Вы не имеете права говорить так.

Злобный взгляд женщины обратился на Ровену.

— Кто ты такая, чтобы защищать его? Мы знаем, где он держит тебя по ночам. Прикованной к его кровати, принуждаемой удовлетворять его самые черные и неестественные желания. Ты должна бы всей душой желать его смерти. — Женщина погладила волосы рыдающей девушки, уткнувшейся ей в колени.

Ровена подавила возникшее на мгновение абсурдное желание расхохотаться, но жестокие слова и внезапное осознание ее собственных чувств не показались ей очень уж смешными.

Голос ее прозвучал слабо и тихо, как бы издалека.

— Вам придется извиниться перед сэром Гаретом, когда он вернется.

— Если он вернется, — прозвучал подавленный и полный горечи голос Марли.

В повисшей тишине послышался отдаленный звук, глубокий и низкий, как гул далекого океана. Нахмурившись, Ровена наклонила голову, напряженно прислушиваясь. Леди Алиса встала. Голоса. Мужские голоса, поднимающиеся в пении, грохочущие и вибрирующие. И за каждым вздымающимся припевом песни слышался удар, как будто гонг звучал где-то глубоко под водой.

Девушка с золотисто-каштановыми волосами выпрямилась.

— Святая Богоматерь, огради нас. Они мертвы. Мы слышим их ангелов.

Мортимер отбросил лютню.

— Если ангелы поют такую песню, то что же вытворяют черти в аду?

Потусторонний хор доносился все громче:

Постареть мне, друзья, невозможно:

Дженни вряд ли допустит того.

Пока бедра ее — словно ножны.

Что как раз для меча моего.

Губы Ровены изогнулись в улыбке. Массивная дверь затряслась. Видимо, изрядное бревно на манер осадного тарана разбило вновь накопившийся снег и ударило по прочному дереву.

— Наши прекрасные леди запрещают нам войти? — раздался голос, принадлежавший, несомненно, Блэйну.

Жилистые руки Мортимера напряглись от усилия, так он спешил, открывая дверь.

— А я-то здесь на что?! — Он распахнул дверь. Дамы чуть не сбили его с ног, бросившись вперед визжащей и плачущей от радости толпой. Мужчины ворвались им навстречу. Лед и снег окутали каждый волосок меха и каждую нить одежды, превратив их в заиндеветших великанов. Каждые двое несли на шесте подвешенного кабана с застывшей на кровью. Зал огласился радостными криками.

Ровена одиноко стояла среди опустевших кресел. Ее глаза затуманились слезами, когда Марли бросилась на шею снежного гиганта, стоявшего в дверях. Освободившись наконец от ее объятий, он опустил ее на пол, сбрасывая снег со своих темных волос. Его щеки пылали здоровым румянцем, зубы сверкали сквозь обмерзшую бороду улыбкой, в которой не было и намека на прежнюю горечь, когда он принимал объятия и приветствия как женщин, так и мужчин. Сверкая темными глазами, он подхватил под руку леди Алису.

Внутри Ровены все сжалось, она окончательно поняла, насколько сильно овладели ею чувства к Гарету, как буря налетевшие на нее. Надеясь, что ее никто не видит в этом радостном хаосе, она поднялась по лестнице вверх, волоча за собой меховую шкуру с постели Гарета.

Данла дважды стучала ей в дверь, затем приходила еще, позже. Каждый раз Ровена отвечала одно и то же:

— Уходи. Я больна.

Взрывы музыки и радостных криков доносились до ушей Ровены сквозь каменный пол. Она глубже зарывалась в свои меха, глядя в сгущающиеся сумерки. Снег прекратился, но ветер продолжал завывать.

Ровена и впрямь была больна. Презрение к самой себе было так остро, что ощущалось как физическая боль. Как могла она быть настолько глупа, чтобы попасть в плен пары мрачных

темных глаз, развитых мускулов и грубоватой речи? Она ничем не лучше леди Алисы. Несколько раз она забывалась сном, но каждый раз пробуждалась от горячечного озноба со следами слез на щеках. Ей предстояло долго лелеять свою разбитую гордость. Гарет, несомненно, будет праздновать далеко за полночь, сначала в большом зале, а затем — в спальне леди Алисы.

Ровена даже не повернулась, когда дверь со скрипом отворилась.

— Прошу тебя, Данла, уходи, — сказала она сердито. — Я больна. Я не хочу есть.

— Неудивительно, что ты больна. Здесь даже нет огня.

Ровена перекатилась на другой бок и села. Ее волосы каскадами рассыпались по шкуре, которую она натянула до подбородка. Гарет стоял, прислонившись к закрытой двери.

Он протягивал ей что-то.

— Я принес тебе горячих пирожков. Яблочные. Твои любимые.

Ровена фыркнула.

— Я ничего не хочу.

Она снова легла, отвернувшись от него.

Наступила таинственная тишина, затем послышался стук поленьев, осторожно складываемых на решетку камина, затем — потрескивание огня, приносящее ощущение уюта, но не тепла в промерзшую комнату. Ровена ожидала стука закрывающейся двери, но его не последовало.

Она чуточку высунула нос. Гарет ходил перед камином, потирая замерзшие руки.

— Я никак не могу согреться.

Она смотрела с удивлением, как он снимает через голову свою тунуку. Всплески смеха и голосов поднимались снизу вместе со звуками песни.

— Не подобает хозяину оставлять гостей на своем пиру.

Гарет пожал плечами.

— Мне надоели их тосты. Они так непостоянны. Накорми их жареным мясом, и они тут же забудут свои подозрительные взгляды и охотно будут поднимать кубки за тебя. Я пришел сюда, надеясь найти теплую постель. Но, боюсь, выбрал не то место.

Губы Ровены сжались, и она снова натянула мех себе на голову. Гарет подложил еще два коротких полешка в огонь, съел пирожок, из тех, что принес Ровене, и нырнул в кровать, натянув поверх себя все имеющиеся в его распоряжении шкуры.

Несмотря на рев огня в камине, холод в комнате не ослабевал. Ветер продолжал весело свистеть, радуясь темноте, снегу и собственной удали. Ставня тряслась от ветра, пропуская самые сильные порывы через узкие щели. Вскоре Ровена начала ощущать холод, исходящий от каменного пола под толстым слоем меховых шкур. Ее трясло. Она обхватила плечи руками, но это слабое тепло не приносило облегчения. Разве куча шкур могла сравниться с теплом девяти тел, свернувшихся под одним покрывалом? Здесь не было Маленького Фредди, к которому она

могла прижаться.

Ровена перебралась к камину, таща за собой шкуры. Она пристроила их у основания очага и забралась под них, продолжая дрожать и в скудном тепле, исходившем от камина. Тени, пляшущие по стенам, создавали иллюзию тепла, еще более жестокую в своей обманчивости. Холод пронизывал ее до самых костей. Зубы ее начали стучать. Она плотнее завернулась в шкуры и подобралась уже совсем вплотную к очагу, прижавшись щекой к теплым камням.

Ветер с треском распахнул ставни. Ровена вздрогнула, видя, как ледяной ветер, врываясь в спальню, несет с собой снег, накопившийся на подоконнике. Снег закружился по комнате сверкающим вихрем. Гарет вскочил и с проклятием закрыл окно. Повернувшись, он увидел Ровену, съежившуюся возле камина. Над темным мехом виднелись лишь ее глаза да густые золотистые волосы.

Он забрался обратно в постель.

— Как могу я заснуть, слыша этот дьявольский стук зубов? — проворчал он.

— Я смиренно умоляю о прощении, милорд, — выдавила Ровена сквозь сжатые зубы. — Вы можете отправить меня в комнату Марли, если я раздражаю вас, Я не привыкла спать одна в зимнюю стужу.

— Я-то привык. Но не с половиной оставшихся у меня мехов. Какая нелепость! Что пользы для нас обоих замерзнуть до смерти в полутора метрах друг от друга. — Он отбросил покрывала, недвусмысленно приглашая Ровену лечь рядом с ним.

Ровена широко раскрыла глаза. Кончик ее покрасневшего носа высунулся из меха, но она лишь плотнее завернулась в шкуры.

Гарет возвел к небу глаза в немом отчаянии.

— Ваши колебания льстят мне, но могу вас уверить, что любая часть моего тела, способная досадить Вам в настоящий момент безнадежно оледенела.

Ровена взглянула на него искоса, все еще сомневаясь. Гарет угрожающе выдохнул клубы пара. Она крепко зажмурила глаза и бросилась к кровати, прыгнув в нее с такой силой, что деревянная рама затряслась. Ровена быстренько свернулась калачиком на перине спиной к Гарету,

Гарет посмотрел на изящный изгиб ее спины и подумал, а не преувеличил ли он воздействие холода на собственное тело. Он подоткнул под них обоих общие меховые покрывала, повернулся на бок и закрыл глаза.

Заснуть ему не удалось. Спина Ровены была охвачена ознобом, и перина явственно подрагивала.

— Бог мой, Ровена! То у тебя стучали зубы, а теперь кости отбивают дробь.

Ровена выглянула из-под меха. Масса золотистых волос перемешалась с черным собольим мехом.

— Умоляю вас простить меня, милорд. — Ее обычная склонность к подшучиванию, как всегда, помотала ей найти верные слова. — Может быть, вы предпочли бы привязать меня цепью к

кровати и заставить удовлетворять ваши самые темные и неестественные желания.

Гарет взъерошил свои и без того лохматые волосы. Слова, которые она бросила ему, были его собственными словами, которые он нашептывал одному распутному старому графу из Лондона, зная, что может положиться на его леди, способную распространить эту злобную сплетню на все четыре конца обитаемого мира.

Разум отчаянно предостерегал его от необдуманных действий, но руки уже не слушались. И только слабые ладони Ровены, упершиеся в его голую грудь, препятствовали более тесным объятиям.

— Это соблазнительное предложение, миледи, но мы оба знаем, что для этого не потребуется никаких цепей.

Ровена дрогнула перед дьявольским светом его глаз. Какой идиоткой надо быть, чтобы насмеяться над ним! Она вовсе не была ему равным противником, не говоря уж о том, что в постели он был полным ее господином. Его отвратительная Илэйн хорошо обучила его. Ровена опустила глаза.

Пальцы Гарета сжались на ее шее. Кротость в ответ на грубость раздражала куда больше, чем сопротивление. Эта покорность была воспитана в ней годами согласия с любыми глупостями, приводимыми ее отцом в оправдание той жизни, которую он вел. Гарету захотелось встряхнуть ее. Заставить воспротивиться ему. Пусть даже ударит. Ну хотя бы попробует. Ему хотелось вновь возродить в ней искру духа противоречия, которая лишь коротко мелькнула в ее ставшем покорным взгляде. Но всем своим существом он жаждал другого. Положить ее на спину здесь, среди мехов, и медленно и терпеливо зажечь совсем иные искры, превратив их понемногу в бушующее пламя. Это неумолимое влечение грозило поглотить его, когда он погрузил свое лицо в воздушную мягкость ее волос.

Она услышала его хриплый, сдавленный голос:

— Все, что я желаю, — это мирный сон. Неужели не понятно? Неужели ради этого я должен приковать тебя цепью?

— Нет, милорд.

— Тогда повернись.

Ровена повернулась на другой бок, лицом от него, как будто ожидая, что его ладони обожгут сейчас ее бедра. Гарет обнял ее за талию, и она погрузилась в тепло его объятия без дальнейших протестов.

Еще долго после того, как унялась дрожь от холода, Ровена лежала, свернувшись, неподвижная, как статуя, ощущая прижавшееся к ней сильное тело, наслаждаясь его близостью, но боясь заснуть или пошевелиться, чтобы не выдать себя случайно лаской или сорвавшимся во сне словом. Усталость наконец взяла свое, и ее дыхание приобрело ровный, спокойный ритм. Гарет глядел на тени, мечущиеся по стене. Его подбородок покоился в ее золотистых волосах, и он также боялся двинуться, опасаясь, что она поймет, что он не так уж сильно замерз, как полагал вначале. Если Линдсей Фордайс не появится в скором времени, возможно, спасти придется уже его самого, сэра Гарета де Креси, лорда Карлеонского. Спасать от шелковистой ловушки ее объятий.

Где-то в своем холодном сердце зима обнаружила следы милосердия и послала лесам и полям временное облегчение. Под тающим снегом ждала земля, притихшая и уснувшая. Черные ветви деревьев застыли на фоне серого неба. Зима, лишившаяся своего главного украшения, представляла уродливое зрелище. Но, утратив холодную красоту, она, по крайней мере, стала обитаемой. Некоторые из гостей Карлеона, вежливо распрощавшись, уехали, включая ту женщину, которая провозгласила замок проклятым. Другие же последовали примеру упрямого Блэйна и остались, заполняя дни игрой в шахматы, шашки и негуманный хазард, ночи же посвящая изрядному сокращению огромных запасов эля сэра Гарета.

Как только турнирное поле перестало представлять собой море жидкой грязи, Ровена и Марли возобновили свои тренировки у избитого копыями квинтина [6].

Марли вскочила на свою пегую кобылу и атаковала исцарапанный щит. Ее копьё соскользнуло, приведя квинтин во вращение. Ровена запрыгала, хлопая в ладоши, видя, как Марли успела ловко проскакать вокруг столба. Иначе, качнувшись обратно, он непременно бы ударил ее. Со своего места у ворот Блэйн тоже аплодировал из чистой вежливости, поскольку глаза его были устремлены не на Марли, а на Ровену.

Светлые волосы Ровены раскинулись по черному облачению, которым ее снабдила Марли, еще ранее позаимствовавшая его у Гарета. Туника Ровены спускалась ниже колен. Неровные заплатки кое-где болтались буквально на ниточке. Ровена могла бы выглядеть нелепо, если бы ее стройная фигура не придавала этому одеянию особую неловкую грацию, свойственную порой королевским шутам, смешным и трогательным одновременно. Каждый раз, когда она подпрыгивала, Блэйн успевал увидеть проблеск белого колена — там, где порвались рейтузы. После этого он некоторое время ерзал на месте, перекидывая ногу на ногу.

Едва Марли успела соскочить на землю, как Ровена уже ухватила за косматую гриву ее лошади и взобралась на нее.

— Давай, драгоценная леди! — Марли по-дружески подпихнула ее сзади, одернув задравшуюся тунику. — Следи за своей одеждой. А то у Блэйна язык уже вокруг столба обвернулся.

Она произнесла это достаточно громко, чтобы услышал Блэйн. Тот подождал, когда Ровена повернется лицом к квинтину, и послал Марли улыбку, сопровождаемую весьма злым жестом. Марли сунула копьё в руку Ровены. Ровена опустила голову, сосредоточенно нахмурившись. Башмаки ударили в бока кобылы. Лошадь понеслась вперед. Прибитый щит надвигался на нее с бешеной скоростью. Ей казалось, будто она сама стоит на месте, это квинтин несется навстречу все быстрее и быстрее. Копьё ударило в красное сердце, нарисованное в центре щита, с завидной точностью и силой.

Ровена вскинула руку с копьём в триумфальном салюте и поскакала вокруг квинтина. Ей оставались доли секунды, чтобы увернуться от накреняющегося столба, но она вдруг заметила темную фигуру, появившуюся позади Блэйна. Ее колени, непроизвольно сжались, заставив лошадь резко остановиться. Квинтин ударил ее в спину, сбросив на землю.

Блэйн соскочил с изгороди, но первым возле нее оказался Гарет. Он нежно провел рукой по ее спине, стараясь обнаружить там возможные следы удара. Ровена пыталась вдохнуть, но это ей никак не удавалось; легкие были пусты и безжизненны. Она глядела, моргая, в глаза Гарета, не способная ни двинуться, ни сказать что-либо.

— У нее просто перехватило дыхание от удара, — слышался голос Марли откуда-то сверху. — Рано ее отпевать, даже если бы здешний священник и явился в Карлеон. Этот дьявол

проделывал со мной то же самое много раз.

В затуманенном сознании Ровены не сразу улеглось, что Марли имеет в виду не священника, а квинтин. Марли яростно ударила в отместку по щиту. Карие глаза Блэйна, стоящего рядом с Гаретом, горели возмущением.

— Это ты виноват, позволяя ребенку развлекаться с этим сорванцом.

— Для нее безопаснее развлекаться с Марли, чем с тобой, — заметил Гарет.

Он помог Ровене встать на ноги. К этому времени она уже восстановила дыхание и могла произнести несколько слов. Впрочем, она ощущала такое унижение, что предпочла бы остаться бездыханной.

— Все в порядке, — прохрипела она. Голова ее болела, а во рту ощущался привкус крови, однако она ни за что не призналась бы в этом. Она отряхнулась.

Гарет нахмурился. Блэйн спрятал улыбку.

— Я пришел сообщить вам всем, что назавтра назначен праздник, — мрачно сказал Гарет.

Блэйн хмыкнул.

— Ты задумал праздник?!

— Да, мой галантный друг. Поскольку некоторые гости, чьих имен мы не будем называть, не обнаруживают желаний покинуть мой замок, я решил пригласить несколько своих собственных друзей. И ожидаю видеть вас всех в большом зале завтра вечером.

вернуться

6

Квинтин — отклоняющийся столб с прибитым щитом для тренировки конников с копьем.

Гарет быстро обвел взглядом стоящих рядом, задержавшись на мгновение на Ровене. Ей показалось, что он хочет что-то сказать, но Гарет промолчал. Она погладила вздрагивающую холку лошади, пытаясь скрыть смущение. Гарет круто повернулся и, не произнеся ни слова, зашагал к замку. Ровена увела кобылу в стойло, что-то тихо шепча в ее гриву.

Марли бросила безнадежный взгляд на небо в серых тучах.

— Эти двое уползают в постель раньше всех в Карлеоне. Почему же они просыпаются в таком мрачном настроении и с темными кругами под глазами?

Блэйн взревел, как дикий зверь, и Марли ловко увернулась от его шлепка с озорным, почти девичьим смехом.

В назначенный вечер Ровена услышала постукивание по двери комнаты, где она одевалась, и замерла, уронив косу, которую заплетала. Она увидела руку стучавшего, и ее дыхание участилось. Сильные мужские пальцы с бледными шрамами, усеянные темными волосками. Стук повторился.

— Войдите, — сказала она.

Темная фигура Гарета заполнила дверной проем. Их глаза встретились, и щеки Ровены мгновенно залились краской. Как она ненавидела это свое ужасное свойство быстро краснеть! Его взгляд сегодня был совершенно иным. Былая холодная отчужденность исчезла, сменившись выражением почти хищной заинтересованности. А улыбка не могла обмануть ее.

В руке его был какой-то золотой, сверкающий предмет.

— Я принес тебе украшение, достойное твоего наряда.

Ровена стояла и не могла оторваться от его блестящих темных глаз. Он обошел ее, встав сзади. Ровена ощущала странное возбуждение, исходившее от него. Руки его окружили ее талию, не прикасаясь к ней. Она опустила ресницы, и у нее перехватило дыхание. Изумруды и аметисты сверкали на поясе, искусно выполненном из золота. Когда Гарет уже был готов опустить украшения на его место, Ровена схватилась руками за его запястья.

— Я не нуждаюсь в такой драгоценности, милорд. У меня нет своего пояса, и я предпочитаю не носить чужой.

Гарет замер. Его губы коснулись ее шеи. Ровена вздрогнула.

— Этот пояс не принадлежал никому, кроме тебя. — И, не обращая внимания на ее протест, он опустил тяжелое золото на ее бедра. Искусные пальцы быстро соединили замок пояса. Ровена гадала, правду ли он сказал ей.

Его теплые руки легли ей на плечи, поворачивая ее лицом к нему. Ровена смотрела на него снизу вверх, видя необычное напряжение в его сомкнутых губах, в изогнутых бровях. Не говоря ни слова, он развязал ленты в ее косах и пропустил свои пальцы через каждую прядь, пока волосы не легли сияющим покрывом ей на плечи.

— Пусть твои волосы будут распущенными сегодня. — Тон его был, несомненно, повелительным.

Нахмурившись, он повернулся к двери и, выйдя, закрыл ее за собой. Была ли в его глазах печаль раскаяния или ей это лишь показалось?

Ровена переступила через серебряную цепь, туго натянутую над нижней ступенью лестницы, спускающейся в зал. Она глянула туда, куда тянулась цепь, и прижала ладонь ко рту, сдерживая крик. Рядом с лестницей сидел беззубый медведь, раскинув по каменному полу мохнатые задние лапы, как ребенок, играющий в мяч. На его косматой голове возвышался высокий парик, покрытый вуалью. Приглядевшись к нему, Ровена увидела, что медведь не выглядел столь уж свирепым, как ей показалось вначале. Наоборот, вид у него был несколько убогий и растерянный. По другую сторону от лестницы прыгал и вертелся карлик. Он поднял цепь так, чтобы вереница дам могла пройти под нею; затем нырнул под юбки одной из них. Дамы разбежались, визжа от восторга. Громкие звуки лютни Мортимера заглушали все, кроме отдельных громких выкриков и взрывов смеха.

Проходя мимо одного из временных столов на козлах, уставленных яствами, Ровена взяла из чаши кусок сотов, источающих мед, и бросила его медведю, вспомнив, как мучительно быть одиноким и голодным на таком пиру. Он поймал соты своими неуклюжими лапами и сидел теперь очень довольный, с наслаждением высасывая из них мед.

Ровена слизнула остатки меда с пальцев, ощущая его приятную сладость. Она встретила взглядом с Гаретом через весь переполненный зал, и как будто молния проскочила между ними. Жаркая волна затопила все ее тело. Теперь она нашла слова, чтобы выразить ту перемену в нем, которую ощутила сегодня: «Осознание своей власти надо мною».

Власть эта читалась в его глазах, сквозила в каждой черте его красивого лица, в позе его великолепной фигуры. Сэр Гарет Карлеонский решил в этот вечер наконец как следует исполнить свою роль владельца поместья и хозяина праздника.

Он сидел лицом к гостям, в массивном резном кресле, которого Ровена прежде не видела, поставив одну ногу на возвышение. В этом подобии трона человек, менее внушительный, чем Гарет, мог потеряться; грозная же мужественность Гарета лишь оттенялась изящными изгибами резьбы кресла. Он был в черном, прошитом серебром одеянии, Сам владыка потустороннего мира не мог бы выглядеть в этот момент более царственным и магически притягательным, чем Гарет. Когда он наклоном головы указал ей на место рядом с ним, она послушно, как замороженная двинулась к нему, будто была его Персефоной, связанной с ним невидимой цепью.

Ровена ощущала обращенные на нее взгляды, пробираясь сквозь толпу танцующих. Она присела в реверансе перед Гаретом, чувствуя тяжесть своих волос, мерцавших на плечах. Он поднес ее руку к своим губам. Вместо того чтобы поцеловать ладонь, он провел языком по ее пальцам, слизывая последние следы меда.

— Моя сладкая, — тихо сказал он. Ровена отдернула руку, пораженная так, будто он укусил ее. До сих пор он почти не замечал ее, почти никогда не достаивая ни единым словом.

У ног Гарета лежала подушка, накрытая мехами. Он кивком указал на нее, и Ровена опустилась на подушку, испытывая теперь совершенно иной страх. Бешено колотившееся сердце говорило ей, что у нее никогда не хватит сил бороться с соблазном, которому Гарет может ее подвергнуть.

Боясь повернуться и встретить его взгляд, Ровена разглядывала лица. Очень знакомая пара остановилась перед ними. Блэйн поклонился. Леди Алиса схватила его за руку, как будто он мог ненароком ускользнуть.

— Ты превзошел самого себя, Гарет, — сказал Блэйн, окидывая зал восхищенным взглядом.

— Не в этом дело, — ответил Гарет. — Я превзошел тебя. И ты досадуешь.

Блэйн поднял руку, приветствуя кого-то.

— Взгляни. Там, у двери. Сэр Мартэн, граф Глостерский, болтает с Марли. А вон барон Медфорд обхаживает пудинг. Того и гляди распахнется дверь, и войдет сам король.

— Эдуард во Франции. Он прислал свои сожаления. — Гарет взял кубок с проносимого подноса. — Однако ты можешь обнаружить принца Уэльского среди играющих в фанты.

Блэйн побледнел от зависти, увидев там, куда указывал взглядом Гарет, гибкого и тонкого молодого человека, склонившего голову с завязанными глазами к коленям леди. Из-за повязки не было видно лица, а только масса вьющихся светлых локонов. От его мундира в черную и белую клетку у Ровены зарябило в глазах.

— Этот юноша напоминает шахматную доску, — сказала Алиса. — Скажите, это он — ваш

загадочный почетный гость? — Она так высоко задирала голову, что Ровена, сидя на подушке, видела только ее возбужденно расширенные ноздри на фоне круглого подбородка.

Гарет пожал плечами:

— Может быть, медведь Варфоломей займет более почетное место.

— Варфоломей — прекрасный малый, не правда ли? — вступила Ровена. — Когда я сошла с лестницы, я подумала сначала, что это — Марли, но по его печальным глазам поняла, что ошиблась. Я очень сочувствую ему. Такой отличный малый и так унижен этим бестолковым устройством на голове. — Она засмеялась. — Я бы забралась под лестницу, если бы меня заставили носить такую нелепую штуку.

Повисла неловкая пауза. Ровена слишком поздно поняла, что башня, нагроможденная на голове Алисы, была точно такой же, как на голове Варфоломея. Блэйн откашлялся.

Гарет поднял прядь волос Ровены. Она стекала сквозь его пальцы подобно жидкому золоту.

— Ты очень наблюдательна, дорогая. Варфоломей — действительно прекрасный малый. Он и гостей поедает гораздо меньше, чем прожорливые рыбы Блэйна.

Ровена низко наклонила голову, от души желая, чтобы медведь набросился на нее и съел. Напыщенный мужчина в шляпе с перьями остановился, чтобы обменяться любезностями с Гаретом. Во время их многоречивой беседы над ее головой Ровена, уставшая изучать в смущении туфли Алисы, стала старательно раскладывать юбку вокруг себя аккуратными складками. Она выложила из нее нечто вроде широкого веера, когда дверь широко распахнулась, и в зал, тяжело ступая, вошла группа каких-то сутулящихся фигур. Сердце Ровены забило в неровном ритме.

— Что это? — пробормотал Блэйн. — Крестьянское возмущение?

— Поистине возмутительно, — сказала Алиса. Новые гости робко прокрадывались по краю зала, как будто надеясь, что их бесцветная одежда позволит им быть совсем незаметными на фоне каменной стены. Но замыкал этот скромный парад стройный мужчина, чьи широко расправленные плечи и шапка светлых серебристых волос не позволяли ему раствориться в толпе, подобно остальным.

Ровена почти поднялась, когда рука Гарета твердо легла на ее плечо. Она бросила на него отчаянный взгляд. Лицо его было непроницаемо, но едва уловимое давление тяжелой руки заставило ее сесть.

Линдсей Фордайс, барон Ревелвуда, гордо прошествовал в зал, замыкая строй своих семи сыновей и одного племянника. В темно-фиолетовых рейтузах и желтой тунике, он выглядел как яркий павлин, выступающий позади стайки воробьев. Его глаза металась из стороны в сторону. Руки нервно теребили одна другую. Когда Мортимер грянул новую песню, он подпрыгнул от неожиданности. Глаза Маленького Фредди тоже шныряли по толпе. Он первым заметил Ровену, сидящую у ног Гарета. Он пихнул следующего за ним так, что цепочка братьев качнулась, как волна, дошедшая до Фордайса крепким тычком, полученным от Большого Фредди.

Глаза отца Ровены осветились благосклонной улыбкой. Прежде чем она успела поднять свою дрожащую руку, Гарет взял ее подбородок большим и указательным пальцами, заставив пораженную Ровену глядеть прямо на него. Он склонился над нею и прикоснулся губами к ее

рту. Усы щекотали ей нос, а губы скользили дразнящим ласкающим прикосновением. Слишком изумленная, чтобы противиться, она невольно раскрыла губы ему навстречу. Гарет немедленно предпринял ласкающее нападение своим языком на крепость ее сомкнутых зубов, пока не почувствовал, как разошлись крошечные белые башенки этой крепости, впуская его в ее влажный, сладкий рот.

Дрожь пронизала все тело Гарета. Он пытался оторваться от нее, но прочная нить желания крепко удерживала его. Когда он наконец освободил Ровену, отвернуться в смущении пришлось ему самому. Погрузившись глубоко в свое кресло, он схватил кубок с подноса, поднесенного Данлой, осушил его и взял другой.

Ровена тоже взяла кубок с подноса, чтобы занять свои дрожащие руки, и тут же забрызгала элем юбку. Блэйн отвел леди Алису в сторону. Ее гримаса была столь же напряженной, как его улыбка. Фордайс стоял у двери, как примерзший. Ровена ждала, что он пройдет через зал к ней, чтобы приветствовать свою единственную дочь. Но он лишь взглянул гордо куда-то в сторону, постоял с таким видом, будто ждал бурных приветствий в свой адрес, и наконец отвернулся окончательно. Ровена с изумлением наблюдала, как он погнал своих парней к столам, ломящимся от угощений, а сам склонился перед полной женщиной, сидевшей у стены. Они пустились танцевать, и щеки женщины порозовели от его цветистой болтовни.

Братья Ровены очистили три стола ото всего, что на них было, кроме костей, буквально за минуты. Данла прошаркала к ним, потрясла головой в отчаянии и отправилась на кухню за новыми припасами. Темные глаза Гарета скользили по залу. Он поглаживал рукой бороду, держа под прицелом золотистую головку у своего колена и потускневшее золото головы Линдсея Фордайса, скачущего по залу.

Папа понадобились две бутылки эля, шесть туров галопирующего танца и бодрящая непристойная песенка, чтобы собрать всю его смелость и в окружении трех отпрысков подойти наконец к креслу Гарета.

Ровена глядела не отрываясь на Маленького Фредди, как будто его сияющая голова была ее спасительным маяком. Она снова хотела было подняться, но рука Гарета вновь удержала ее, прижавшись нежно к ее щеке жестом собственника, напомнившим ей обращение Гарета со своим Фолио.

Толпа расступилась перед гордо выступающим Фордайсом. Нога, которую он слегка приволакивал, придавала его походке какую-то особую напыщенность. Дамы перешептывались, прикрываясь рукавами, наблюдая за большим неуклюжим существом, шедшим за отцом Ровены. Разумеется, это был Большой Фредди.

За Большим Фредди следовал Ирвин, непрестанно повторявший что-то вроде истерического припева:

— Извините меня... Извините меня... Пожалуйста, извините меня... Прошу прощения, миледи. Я не имел намерения наступать на ваш шлейф... Пожалуйста, простите меня.

Он бормотал до тех пор, пока не налетел на спину Большого Фредди, споткнувшись о его ногу.

Фордайс отдал дань уважения Гарету размашистым поклоном. Ирвин глядел на Ровену сверху. Под этим углом зрения его ноги не казались столь похожими на колбасы. Но в восхищенном взгляде было все то же собачье обожание, которое она не выносила.

Папа продолжал не замечать ее.

— Мой дорогой сэръ Гарет, — начал он неуверенным голосом. Потом прокашлялся, сплюнул на пол и продолжал: — Я не могу выразить вам наш восторг от вашего великодушного приглашения. Мы опасались, что снег задержит нас, но бог был милостив и привел нас невредимыми в Карлеон.

— Я всегда говорил, что у бога непредсказуемое Чувство юмора, — ответил Гарет. Его пальцы поглаживали щеку Ровены с опытностью менестреля самого дьявола. Сердце ее ухнуло куда-то вниз, потом заколотилось часто-часто, а потом вроде бы и вообще остановилось. Во всяком случае, так ей казалось.

Папа захихикал и вытер свои влажные губы тыльной стороной руки.

— Не настолько непредсказуемое, как ваше, великодушный сэръ.

Высвободив ногу из-под юбки, Ровена смогла дотронуться носком ноги до щиколотки Фредди Маленького. Ее лайковая туфелька казалась белой как снег на фоне сшитых лоскутов, служивших ему обувью. Он ответил на ее прикосновение быстрым веселым взглядом, стараясь, чтобы никто не заметил происходящего.

— Вам все еще нравится Карлеон, Фордайс? — Гарет осушил свой кубок и выпустил его из руки. Кубок с грохотом покатился по камням.

Отец Ровены в ответ на вопрос Гарета огляделся вокруг с придирчивым взглядом возможного покупателя.

— По моим вкусам, он несколько великоват. Я предпочитаю более уютную обитель для моих парней. Они становятся там скромнее, мне кажется.

Большой Фредди пошаркал ногами, как бы размышляя: а так ли уж велики достоинства скромности.

— Вы нашли Карлеон таким, каким помните его? — спросил Гарет.

Фордайс снова прокашлялся.

— Прошло много лет с тех пор, как я служил вашему отцу. Память изменяет мне.

Ровена вопросительно нахмурилась:

— Ты служил отцу Гар...

Пальцы Гарета почти неощутимо напряглись на ее щеке. Вдруг его рука медленно заскользила по нежной коже к шее. Взгляд папа на мгновение метнулся вслед этому дерзкому жесту. Ровена опустила глаза. Маленький Фредди проглотил подступавший от волнения комок в горле.

Гарет наклонился вперед, пронзая Фордайса своим темным взглядом. Его другая рука поглаживала серебряную рукоять меча. Ирвин сделал произвольный шаг назад.

— Может быть, необходимо освежить твою память? — произнес Гарет.

Папа дико оглянулся, как будто ожидал, что из толпы выскочит орда рыцарей и изрубит его на месте. Впервые за этот вечер лютня Мортимера смолкла. Менестрель делал вид, что настраивает ее; сам же искоса наблюдал за Гаретом.

Фордайс потер затылок, взбив свои редкие волосы в хохолок.

— До несчастного случая со мной моими услугами пользовались многие сеньоры. Ваш отец был лишь одним из них. Я же не могу упомянуть всего, не так ли? Карлеон лишь смутно припоминается мне. Да и какое это имеет значение? Я не упоминал еще о нашем подарке? Мы принесли вам дар в вашу честь. — Он хлопнул в ладоши. — Подарки, Фредди, принеси подарки!

Большой Фредди и Маленький Фредди стали привычно бороться за мешок. Папа дал Ирвину подзатыльник за то, что тот стоял раскрыв рот, и выхватил мешок. Он торжественно взмахнул рукой, и ржавый кубок с камина в Ревелвуде покатился по полу на юбку Ровены. В смущении, забыв о вызывающем поведении Гарета и буре чувств, которые он вызвал в ней, она протянула руку, чтобы набросить край своего наряда на жалкий подарок, но сапог Гарета опередил ее руку.

— Восхитительно, — сухо произнес он, подталкивая железяку носком сапога. — Но другой дар, полученный мной от тебя, куда лучше.

Прежде чем Ровена, задохнувшись от неожиданности, смогла предотвратить его следующий жест, рука Гарета скользнула под лиф ее платья. Она тихо ахнула от немыслимого потрясения, ощутив, как его теплая рука накрыла ее грудь, а пальцы начали грубо ласкать ее. Глаза папа расширились. Лицо Ирвина стало таким же фиолетовым, как отцовские рейтузы. Но хуже всего было медленное приближение к ним Маленького Фредди, сжимавшего и разжимавшего кулаки.

Ровена, с заалевшим лицом, в инстинктивном жесте гнева подняла руку. Она хотела ударить Гарета, совсем забыв о кубке, зажатом в руке. Она выплеснула его содержимое прямо в лицо Гарета. Он смотрел на нее, глупо мигая, и эль капал с его лба на подбородок. Затем его губы сжались, и он схватил Ровену за волосы, опрокинув ее себе на колени. Она могла видеть лишь его глаза, ставшие от жгучей ярости темными, как черный янтарь. Зубы Ровены были сжаты в таком же гневе.

Кто-то кашлянул, и звук этот громом разнесся в наступившей тишине. Все замерли, затаив дыхание. Гарет оторвал взгляд от глаз Ровены, увидев перед собой множество иных глаз, полных плохо скрытого удовлетворения. Они почти двадцать лет ждали подобного момента. Ждали увидеть в нем того человека, который убил Илэйн из Турэйна в ее постели. И дождались.

Его рука медленно ослабила хватку.

— Иди, — проговорил он, сжав зубы. — В свою комнату.

Она замерла, все еще прислоняясь к его коленям, чтобы не упасть. На мгновение он подумал, что она не повинуется ему, но Ровена, наклонив голову, тихо сказала:

— Как вы пожелаете, милорд.

Все шеи в зале вытянулись, поворачиваясь вслед за нею на всем ее пути сквозь толпу и вверх по лестнице. Голова ее была скромно опущена, но спина оставалась гордо выпрямленной.

Марли первая нарушила тишину насмешливыми аплодисментами.

— Мортимер! Можете вы дать нам развлечение лучшее, чем это?

— Я думаю, нет. Может быть, обратимся к Варфоломею. Медведь больше мужчина, чем я.

— Даже Марли больше мужчина, чем ты, — крикнул кто-то под восторженный рев толпы.

Никто не смел взглянуть на Гарета, вытиравшего последние следы эля с лица рукавом. Линдсей Фордайс отступил в толпу, утаскивая за собой Ирвина и Маленького Фредди. Пока карлик выводил Варфоломея в центр зала, Гарет взял кубок, который предложил ему Блэйн, и осушил его. Он знал, что должен следовать за неуверенно двигавшимся Фордайсом, однако, вместо этого, его горящий взгляд был прикован к лестнице, которая вела в спальню.

10

Гарет, спотыкаясь, прошел мимо двери комнаты, в которой он спал еще мальчиком. Затем возвратился и нащупал ручку. Ударившись головой о притолоку, он вошел в комнату. Застонав, захлопнул ногой дверь за собой и стоял, опустив голову, как бык, готовый к нападению. Вместо эля, который он поглотил в огромном количестве, чтобы смягчил свой гнев, он мог бы с таким же успехом пить воду. Его ярость разгорелась вновь, когда он увидел Ровену.

Ровена вовсе не ходила в отчаянии перед камином, заламывая руки. Она не сидела, съежившись, у окна с омраченным горем лицом. Она спала, уютно устроившись в середине огромной кровати, подобная ангелу в облаках меха. Ее золотистые волосы струились по подушке. Лоб был гладок и безмятежен — ни намека на беспокойные сны. Такого он даже и представить себе не мог.

Одной рукой он схватил за край меховое покрывало под нею и рванул его. Ровена была грубо сброшена на пол.

— Ага! — Гарет поднял покрывало вверх, как флаг победы.

Ровена села, моргая и потирая локоть. Вид Гарета мог бы напугать любого из самых стойких его противников. Он стоял, слегка расставив ноги. Его обычно безупречное одеяние было в беспорядке. Волосы торчали во все стороны, не укрощенные ни пальцами, ни гребнем. От него веяло опасностью, так же как и запахом эля.

— Моя кровать! — прорычал он, оскалив зубы.

Он стянул тунику, затем бросил покрывало обратно на кровать. Не снимая рейтуз, рухнул вслед за покрывалом. Кровать закачалась под его тяжестью.

Ровена посидела в наступившем молчании, размышляя над его странным поведением. Потом пожала плечами и свернулась на каменном полу, оставшись без мехов и покрывала. Дрожа от холода, перекаати на спину. Она не представляла до этого, сколько острых краев было на этих камнях. Твердый выступ впивался ей в позвоночник. Несмотря на неудобство, ею овладело странное чувство покоя.

— Вы не имеете права, — вдруг тихо сказала Ровена.

Она даже не осознала, что сказала это вслух, пока искаженное лицо Гарета не появилось над краем кровати.

— Что ты сказала?

Она встретила его взгляд с совершенным спокойствием.

— Я сказала, что вы не имеете права касаться меня таким образом перед моим отцом.

— Не имею права? Не имею права?! — Гарет перелез через край кровати. Ровена попятилась, но его руки схватили ее за рубашку. Он легко поднял ее и швырнул на перину. — Я не имею права? Позвольте сообщить вам кое-что о моих правах, великолепная леди Ровена. Он навис над нею всем телом. Лишь его локти, упершиеся с обеих сторон от ее головы, препятствовали ему обрушиться на нее всем весом.

— Я выиграл вас в честной игре на пари. Ваш ублюдок отец поставил вас на кон, как любой порядочный человек ставит корову или клочок земли. Вы принадлежите мне со всеми потрохами. Я имею право сделать с вами все, что мне заблагорассудится, и имел это право с самого первого дня, когда увидел вас. Если я захочу протащить вас вниз по лестнице и раздвинуть ваши ноги прямо у ног вашего драгоценного папы, я имею на это право. Ни один мужчина в зале не осмелится обвинить меня за это.

Болезненная гордость Ровены делала ее излишне беззаботной.

— Они обвиняют вас совсем в других вещах, не правда ли?

Глаза Гарета сузились, превратившись в глаза незнакомца. Ровена пыталась отвернуться, но он держал ее за подбородок.

— Советую быть поосторожней. Я проглотил сегодня достаточно эля, чтобы изнасиловать пять девушек до рассвета без каких-либо угрызений совести.

— Если вы проглотили столько эля, то вряд ли способны на это, — возразила она.

— Вот как?

Он опустил на нее свое крепкое тело воина, и Ровена ощутила что-то огромное и твердое, коснувшееся ее живота. Глаза ее расширились. Сэр Гарет никогда не вступал в битву, не показав врагу свое оружие. Ровена вся сжалась от этого грубого прикосновения. Шерстяная ткань и полотно между ними вдруг стали казаться ей почти отсутствующими.

Ровена кусала губу и пыталась сдержать слезы.

— Вы и вправду хотите сделать то, в чем пытаетесь уверить моего отца?

Ее слезы оказались столь же отрезвляющими, как поток холодной воды. Гарет зарылся лицом в ее волосы.

— Я знаю, какая ты. Я уже знал таких раньше. Нежная и сладкая и так же смертельна, как отравленный мед. Если бы только твой отец знал, сколько сил мне понадобилось... Ни один мужчина в зале не осмелится обвинить меня за это. — Его горячие губы скользили по ее виску.

— Не смейтесь надо мной, — выдавила она. — Вы лишь использовали меня. Вы пригласили моего отца, чтобы унизить нас обоих в вашей хитрой игре. Вы притащили мою семью сюда в зимнюю пору, изголодавшихся и замерзших, зная, что в любое время их может настичь снежная буря.

— Почему ты защищаешь своего отца? — пробормотал он в ее волосы.

— Почему вы ненавидите его?

Гарет не отвечал. Его рот скользил по крошечным волоскам на ее виске, вниз, к уголку ее рта.

— Не расположили ли вы мою семью в комнате рядом? — Она спешила остановить его, прежде чем ей достанется вкус эля на его языке. — Чтобы они могли слышать мои мольбы и крики? Нет, Гарет, если вы хотите сделать из меня шлюху, вам придется сделать это в тишине, ибо я клянусь, что с моих губ не сорвется ни один вскрик.

Он схватил ее за руки.

— Если ты думаешь, что я не могу заставить тебя кричать, ты ошибаешься. — Его глаза говорили ей, что он имеет в виду не крик боли.

Ровена не успела вдохнуть, как его губы припали к ее рту. Она решилась сопротивляться, приготовившись даже к возможному наказанию за это. Но она никак не ожидала того, что произошло. Когда их губы встретились, весь его жестокий напор уступил место нежности столь же обезоруживающей, как и могущественной. Его язык коснулся ее губ, затем проник внутрь, неспешно наслаждаясь ее сладостью. Когда его пальцы сплелись с ее пальцами, Ровена тщетно пыталась обрести в себе внутреннюю опору, способную удержать от погружения в поглощающее ее море новых ощущений.

Его темная голова опускалась вниз, отодвигая рубашку, пока его рот не коснулся нежной вершины ее груди в ласке, не имеющей никакого отношения к тому грубому прикосновению в большом зале. Ее сосок вздрогнул и сжался под его языком. Она тихо застонала от немислимого наслаждения и стыда, смешавшихся в ней. Этот тихий звук заставил Гарета поднять голову. Глаза Ровены были крепко зажмурены. Он тронул ее за подбородок, прося открыть их. Даже затуманенные слезами, ее глаза не потеряли своего блеска. В них все еще сияло то доверие, с которым она встретила его поцелуй в большом зале, доверие оскорбленное и подорванное, но все еще не сдающееся. Он уже видел когда-то такой взгляд голубых глаз, наполняющихся слезами. Ее доверие было непобедимым оружием. Оно уже одержало верх над нищетой и предательством с таким достоинством, которое было почти недоступно его пониманию. А теперь оно берет верх и над ним. Если бы он был мужчиной, способным упрасивать, он, может быть, смог бы умолить Ровену открыться навстречу его мятущейся душе и позволить ему погасить свою горечь ее исцеляющей теплотой.

Она дышала тихо-тихо.

Он откатился от нее, не произнося ни слова, и сел на краю кровати.

Ровене стало холодно. Она подтянула рубашку к шее и тоже села, прикусив губу, слегка припухшую. Ее пальцы тронули один из жестких шрамов на его спине.

— Гарет, пожалуйста...

Он дернулся, как будто ее прикосновение обожгло его. Теперь менее всего он был способен выполнять какие-либо просьбы.

— Убирайся. Оставь меня в покое.

Если бы Гарет мог догадаться, о чем хотела просить его Ровена, он, может быть, поступил бы иначе. Она хотела лишь умолять его быть добрым к ней. Она готова была заплатить любую цену, лишь бы он не отворачивался от нее. Но при его словах рука ее бессильно упала, как падает увядший цветок.

В тишине слышались тихие шаги, ее шаги. Со скрипом открылась дверь.

Гарет, не видя Ровены, ощущал напряженную прямоту ее спины, слыша уязвленную гордость в ее голосе.

— Я, может быть, не могу произнести по буквам мое имя, но я не настолько глупа, чтобы не видеть истины. Во всей Англии есть лишь один человек, которого вы так же ненавидите. Это рыцарь, которого вы застигли с вашей драгоценной Илэйн.

Гарет хотел повернуться, чтобы в самое ухо прокричать ей настоящую правду. Броситься к ней через спальню и трясти ее, пока она не поймет, кто есть ее отец, проклятый Линдсей Фордайс, на самом деле. Но вместо этого он сидел, уставившись на свои руки.

— Несмотря на вашу ненависть к папе, вы хорошо обращались со мной. Почему вы хотите, чтобы он думал о вас иначе, я не знаю. И не могу представить, что я сделала, чтобы вызвать в вас такую ненависть ко мне.

Дверь окончательно закрылась за ней.

— Во мне нет ненависти к тебе, — произнес Гарет в пустой комнате. Слова, последовавшие за этим, были лишь шепотом в его сознании, звучавшим в нем, когда он прижал ладони к своим ноющим вискам.

Ровена шла по бесконечным коридорам, глухая ко всему, кроме потрескивания угасающих факелов. Храп и стоны, доносившиеся из-за закрытых дверей, придавали ощущение нереальности этим еще темным утренним часам. Казалось, это эхо, доносившееся к ней из глубины далекого прошлого. Темные коридоры становились все длиннее и длиннее.

— Святая Матерь Божия! — воскликнула Ровена, когда в темном дверном проеме показалась Марли. Восклицание, сорвавшееся с губ Ровены, остановило сестру Гарета. — Не смотри на меня так обиженно. Марли. Неужели ты все еще не поняла, что мне до смерти надоели твои постоянные засады? Что ты подстерегаешь меня, как мрачная смерть? Я устала от этого.

Марли загородила ей путь, но Ровена легко отодвинула ее.

— Оставь меня в покое. — Она повторила слова Гарета, сама не осознавая этого.

— Подожди. — Марли схватила ее за руку. — Тут есть кто-то, кого ты непременно должна увидеть.

Ровена взглянула в дверной проем и отбросила руку Марли.

— Твой очередной розыгрыш? Там прячется Блэйн, готовый изнасиловать меня? Или, может быть, призрак леди Илэйн, лежащей на кровати с мечом в груди?

— Ровена, пожалуйста.

Умолять было совсем не в обычае этой дикарки. Рука Ровены скользнула под волосы Марли и отбросила их с ее лица. Марли отпрянула, но Ровена успела увидеть все, что хотела. Похоже, Марли в виде исключения говорила правду. Пораженная собственным поступком, Ровена отпустила волосы своей собеседницы и коротко кивнула. Марли схватила ее за руку и потянула за собой.

Теперь в спальне Илэйн не было синего отсвета дневного солнца, просачивающегося сквозь занавеси. Вместо него по стенам метались тени, отбрасываемые сальной свечой, загороженной прозрачными роговыми пластинками. Ровена напрягала зрение, пытаясь оглядеться в полутьме. Дверь за нею захлопнулась. Почти сразу скрипнула дверца знакомого шкафа, и горячие влажные губы чмокнули ее в щеку. В первое мгновение она подумала, что Марли все же проявила свое извращенное чувство юмора. Но поцелуй Блэйна, даже в самой грубой форме, не мог быть настолько лишен изящества, как этот.

Ее рука сжалась в кулак и наугад нанесла удар.

— А-а-а! — Ирвин качнулся назад, схватившись за ухо. — Проклятье! Ровена, зачем же оглушать меня? А я-то думал, что ты приобрела здесь хорошие манеры.

— Сцена в большом зале должна была бы предостеречь тебя, — раздался голос Марли, звенящий смехом. — Если уж она плеснула эль в лицо де Креси, я содрогаюсь от мысли, что она могла бы сделать с тобой.

Ровена продолжала оглядывать спальню. Наконец она увидела то, что искала. В полутьме проступило бледное сияние шевелюры Маленького Фредди, вскоре оказавшегося в ее объятиях.

— Ну вот, — сказал он, робко похлопывая ее по спине. — Не надо плакать. Мы пришли, чтобы помочь тебе.

Ровена обливала слезами его плечо. Она знала, что времена, когда еще можно было все поправить, прошли. Ирвин тоже пытался дружески похлопать ее, успокаивая, но отдернул руку, когда она повернулась к нему, сверкнув глазами, полными слез, Большой Фредди тоже подошел к ним. В его волосах запутались клочья паутины.

Ровена села на край кровати, шмыгая в тряпку, оторванную от рукава Большого Фредди. Марли стояла, скрестив руки на груди и прислонившись к двери.

— Эти семейные чувства очень трогательны, — медленно протянула она, — но я должна напомнить, что необходимо поспешить. Гарет быстро справляется с похмельем и просыпается в яростном настроении.

Ровене трудно было представить настроение более яростное, чем то, в котором она оставила Гарета только что. Ирвин опустился перед нею на одно колено. Он стал выше ростом с тех пор, как она видела его в последний раз. Его верхняя губа уже покрывалась пушком усов.

Он лучезарно улыбался ей.

— Мы пришли, чтобы освободить тебя. — Ты хочешь сказать, что папа сожалеет о своем пари? Он пришел, чтобы забрать меня домой?

Ирвин смущенно кашлянул. Большой Фредди уставился в пол, яростно колотя себя кулаком по ноге, будто она была виновна во всех бедах.

Маленький Фредди выступил вперед. Он слишком сильно любил ее, чтобы говорить ей неправду.

— Отец залез под стол в большом зале и храпит вовсю. Он не хочет участвовать в нашем деле.

— Но если бы вы рассказали ему, он бы... — начала было Ровена.

— Мы так и поступили, — прямо сказал Маленький Фредди.

— Понятно. — Ровена пыталась отнять свою руку, но Ирвин держал ее с силой, которая даже удивила ее.

Его глаза не отрывались от ее лица.

— Я не уверен, что тебе все понятно. Мы ведь все еще помолвлены, Ровена. Я крепко держусь этой клятвы. Мне безразлично, что сделал с тобой этот грязный негодяй. Я готов пренебречь нарушенной невинностью, которую ты принесешь к нашему супружескому ложу.

Кашель Марли прозвучал скорее как взрыв смеха. В этот момент Ровена почти ненавидела ее. Она с трудом подавляла желание толкнуть Ирвина ногой в грудь. Ее взгляд скользнул вниз. Ирвин стоял на колене в центре темного пятна, расходящегося по камням от кровати, — последние следы жизни, покидавшей тело Илэйн в ту давнюю ночь.

— Как великодушно, — слабо произнесла Ровена Она поднялась, скользнув, как видение, мимо Большого Фредди, нашла тяжелые бархатные складки занавесей, закрывавших окна. Отодвинула их. Ее руки нащупали задвижки. Свежий холодный воздух ворвался в комнату, вздымая занавеси. Прежде чем низкий и настойчивый голос достиг ее слуха, она уже узнала его.

— Шептал он тебе сладкие признания? Говорил о женитьбе? Давал обещания?

Все это было так далеко от истины, что Ровена в тоске закрыла глаза. Голос продолжал:

— Он непременно возьмет тебя, если ты останешься. Зимние ночи длинны и холодны. Даже монах не смог бы противиться такому соблазну. Он может быть даже добр к тебе некоторое время. Когда же ты наскучишь ему, он отошлет тебя, одарив безделушками, фамильной брошью, братским поцелуем.

Голос Марли перешел в шипение.

— Я скрываю свое лицо потому, что не желаю стать имуществом мужчины. Каждый раз, когда мой отец глядел на меня, он видел лишь возможность будущего союза с отцом Блэйна. Будь то шлюха или жена, в веселой старой Англии женщина все равно собственность мужчины, его игрушка. Хочешь ли ты такой жизни, леди Драгоценность?

Ровена открыла глаза. Во дворе замка все вырисовывалось с мучительной для нее четкостью. Под оголенными ветвями дуба кружили на привязи четыре лошади, приготовленные в дорогу. Но Ровена жаждала лишь возвращения вчерашнего дня, когда тонкая нить отношений между нею и Гаретом не была еще вплетена в кружево отщепенца.

Взгляд Марли остановился на ее животе.

— А что, если он наградит тебя ребенком? Гарет не привязывается к детям. Он не любил отродье Илэйн.

Двор внизу расплылся перед затуманившимся взором Ровены. Она постаралась сохранить легкость и безразличие в голосе, не выдавая огромной важности этого вопроса для нее. Вопроса, который в течение уже нескольких недель скрывался в глубине ее сознания.

— Что стало с ребенком, когда умерла Илэйн?

— Никто не знает. Ребенок исчез в ночь, когда была убита Илэйн. Некоторые говорят, что Гарет задушил малышку и закопал в саду.

Ногти Ровены впились в камень подоконника. Гнедая кобыла во дворе дернула головой и тихо заржала. Ровена сжала руку Марли.

— Ты поможешь нам? Марли кивнула.

— Папа... — начала Ровена.

— Я вызволю его из Карлеона, прежде чем Гарет убьет его. Большого он не заслуживает.

— А что станет с тобой?

Белые зубы Марли сверкнули в плотоядной усмешке.

— Гарет не может убить меня. Он меня слишком любит.

Маленький Фредди стоял за занавесями. Ровена знала, что он слышал каждое слово. Он протянул к ней руку: — Мы поедем домой?

— Домой, — повторила за ним Ровена. — В Ревелвуд.

— Сторонитесь главных дорог, — наставляя Марли. — Не показывайтесь в Ревелвуде по крайней мере неделю. Хлеба вам хватит, если будете экономить. Ешьте, только когда голодны.

Ирвин ответил на это подозрительным взглядом.

— Нужно ли нам красть лошадей? — сомневалась Ровена, сидя на гнедой кобыле.

— А вы хотите, чтобы вас догнал Фолио? — Марли подняла одну бровь. — Или чтобы вас выследили гончие Гарета? Большинство волкодавов выучены убивать, знаете ли. — Ровена не знала и пожалела, что спросила. — В любом случае, — добавила Марли с самодовольной ухмылкой, — я бы никогда не позволила вам уводить наших лошадей. Эти лошади принадлежат Блэйну. Даже если он поймает вас, один взмах этих ресниц наверняка спасет вас от виселицы.

Она дернула Ровену за юбку, чтобы девушка наклонилась. Глаза Марли быстро обшаривали горизонт. Между застывшими ветвями деревьев черное, небо начинало сереть.

— Прислушайся к моим словам. Старайся не попадаться ему в руки. Гарет очень не любит терять что-либо, принадлежащее ему.

Ровена выпрямилась в седле.

— Смягчи для него этот удар. Скажи, что я никогда ему не принадлежала.

Марли кивнула с одобрительной улыбкой. Ровене пришлось ухватиться за поводья обеими руками, когда Марли с хриплым криком ударила кобылу по крупу. Лошадь рванулась вперед. Другие лошади помчались за нею в неудержимом галопе. Путь к свободе был открыт. Влажный, холодный воздух наполнял легкие Ровены. Но ничто не могло избавить ее от гнетущей тяжести, которую она ощущала, оставляя позади тень Карлеона и его господина, покидая их навсегда.

Марли со стоном бросилась на кровать. Холодное, бледное солнце не согревало ее комнату. Она подумала о том, чтобы дотянуться до спинки кровати и, стащив с нее покрывало, накрыться им, но мысль о подобном усилии — после того, как она уже блаженно вытянула свое усталое тело, — вызвала у нее только новый стон. Она перевернулась и поглубже погрузилась в перину.

— Марли!

Яростный рев она услышала за секунду до того, как оглушительные удары обрушились на дверь. Собрав остатки энергии, она дотянулась-таки до покрывала и закуталась в него с головой. Когда дверь с треском распахнулась, Марли уже свернулась в клубок, впрочем, зная, что вряд ли обманет подобной хитростью своего брата. И она оказалась права. Плоская сторона его меча с такой силой ударила ее по заду, что лезвие еще долго звенело, вибрируя. Марли с жалобным стоном вынырнула из-под одеяла.

— А что, если бы ты ударил не с той стороны? Ты бы вышиб из меня мозги!

— Думаю, мозгов у тебя одинаково нет — что там, что там, — взъярился Гарет.

Он впился в нее глазами, схожий с ней дикарь-близнец, со спутанными волосами, висящими вокруг лица, с безумным взглядом глаз, красных от эля и бессонницы.

— Где они?

— Кто? — Марли сидела, набросив одеяло на плечи, как шаль.

— Ты знаешь кто. Фордайс и его проклятая свора щенков.

— Откуда мне знать? Я отправилась в постель, как только Данла приготовила мне молочную ванну и уложила мои локоны.

Один глаз невинно уставился на него, как всегда сквозь спутанные волосы. Гарет вытащил веточку из ее косм.

— Что это, новая мода? — Его взгляд уперся в ее ноги, высунувшиеся из-под одеяла. Их подошвы были так же черны, как грязная туника, которую она не снимала со вчерашнего дня. Она хотела подобрать ноги под одеяло, но он схватил большой палец ее ноги и с силой крутанул его.

Марли взвыла от боли.

— Где? — требовал Гарет.

Она била по его плечам ладонями, пока он не отпустил палец.

— Что тебя так беспокоит, куда подевался Линдсей Фордайс? Ты мог бросить его в темницу вчера вечером, если бы хотел получить от него публичное признание. Но вместо него ты стал терзать Ровену.

В нем было достаточно благородства, чтобы покраснеть при этих словах.

— Я должен был наказать ее за дерзость. Фордайс же наглотался столько эля, что не протянул и пару часов. Он был уже хорош, когда я поднимался наверх.

— Так же, как и ты сам. Гарет пропустил это мимо ушей.

— Если бы не твое проклятое вмешательство, он спокойно проспался бы. Тогда я вытянул бы из него все.

— Ты ничего бы не вытянул. Ты же слышал его. Он едва помнит, что когда-то был рыцарем нашего отца.

— Мы оба знаем, что он лжет. — Косматая голова Гарета приблизилась к ней, и, понизив голос, он продолжал: — Если ты не скажешь мне, где они, клянусь, я выдам тебя за Блэйна. Пусть священник не хочет приходить в Карлеон, так я сам притащу его сюда. Блэйн, с его чудесным характером, будет рад случаю укротить тебя.

Марли с яростью втянула воздух, но Гарет хорошо знал ее повадки и успел наклонить голову, прежде чем ее рука просвистела по направлению к его челюсти. Он поймал ее кулак.

— Так огласить мне в деревне радостную весть о твоём скором бракосочетании? Или ты предпочтешь сказать мне, куда упрятала Фордайса.

Марли яростно глядела на него.

— Хромоногий петушок поскакал домой.

Гарет оставил ее и направился к двери. Марли, уткнувшись в колени, сказала приглушенным голосом:

— Не догоняй щеночка, Гарет.

Гарет замер на месте.

— Что ты сказала?

Марли подняла голову. Гарет повернулся к ней побелевшим лицом. Марли поняла, что совершила ужасную ошибку, но сказанного уже нельзя было вернуть.

Лицо Гарета исказилось от боли и растерянности.

— Ты позволила ему взять с собой Ровену?

Марли могла вынести все, кроме горя на лице своего брата. Огромным усилием, которого он не заметил, она изобразила ухмылку.

— Она просила передать тебе послание. «Смягчи удар, — сказала она, закатываясь своим звенящим смехом. — Скажи, что я никогда ему не принадлежала».

В наступившей тишине слышалось лишь дыхание Гарета. Со смешанным чувством удовлетворения и раскаяния Марли наблюдала, как холодная маска гнева вновь опустилась на лицо Гарета.

Руки его сжались в кулаки.

— Когда я доберусь до нее, у нее не останется никакого сомнения, кому она принадлежит.

Марли положила голову на свои сплетенные руки.

— Тебе стоило подумать об этом до того, как она убежала от тебя. Черноглазый ублюдок в ее животе постоянно освежал бы ее память. — Марли наблюдала за ним, сощуриив глаза, ожидая проклятия или, может быть, удара. Но неожиданно задумчивый взгляд его глаз испугал ее. Она перекатилась на бок, притворно изображая безразличный зевок.

— Скажи Данле, если она потревожит меня до вечера, я снесу ей голову.

— А-а, сон невинности. Не беспокоят уколы совести?

— Я давно говорила тебе. У меня нет совести.

— Вот теперь, — сказал Гарет, — я должен согласиться с этим.

Дверь тихо закрылась, и Гарет ушел. Марли вскочила с кровати и бросилась к окну. Спустя минуту далеко внизу появился Гарет, бегом выводя Фолио из стойла. Не замедляя бега, он перебросил свою длинную ногу через спину жеребца и проскакал через ворота замка. — Беги быстрее, малышка, — пробормотала Марли. — Скачи, как будто сам дьявол гонится за тобой.

Она стояла, опустившись на колени, будто молясь, пока ноги не онемели. Слезы текли по ее лицу, и она стирала их, прежде чем они успевали упасть на камни.

Линдсей Фордайс выругался про себя, в третий раз соскользнув с лошади. Его поврежденная нога болезненно пульсировала. Он лежал на замерзшей земле, укутанный в шарфы с ног до самых бровей, походя на невинного, добродушного херувима. Однако на этом сходство и кончалось. Иллюзия разрушалась, когда он открывал рот, из которого извергался новый поток ругательств. Сыновья бросились к нему на помощь, поднимая его на ноги и отряхивая толстыми, как окорока, руками. Двое из парней вновь намотали съехавший шарф на его порозовевший нос и глаза.

Он пытался сорвать шарф своими крючковатыми пальцами.

— Чертовская выдумка! Лучше бы вы швырнули меня на землю и задушили. Или вы считаете, что так скорее получите наследство?

Парни тупо глядели друг на друга, затем все разом широко заулыбались. Фордайс затряс головой.

— К дьяволу вас и ваши усмешки. Если я вздую вас, вы тоже будете скалиться? — Он потряс кулаком. Потом поглядел на окружавших его, неловко переминающихся с ноги на ногу великанов и передумал.

Он удовлетворился пинком, отвешенным ни в чем не повинной лошади. Кляча скосила глаза, но не пошевелилась.

— Ума не приложу, откуда эта лохматая крошка откопала такое создание. На нее и стервятники не позарятся. Падаль какая-то, а не лошадь, честное слово. Но эта красотка с волосами, закрывающими все лицо, — скорее мужчина, чем женщина, на мой взгляд. Не удивлюсь, если она прячет изрядные усы. Эта дьявольская крошка все время следует по пятам за своим надменным братцем. Ну ты — Вильям, Ней, Филипп! Как, черт возьми, твое имя, —

давай сюда и помоги мне взобраться.

Неуклюжий малый, на которого он указал, встал на четвереньки. Фордайс взобрался на его спину, не обращая внимания на то, что каблуки впиваются в ребра сына. С громким возгласом «Оп!» он лег поперек лошади. Его круглый живот удобно поместился в широкой впадине на спине клячи. Другие четыре парня протолкнули его на место, в то время как их неудачливый брат, упав на землю, хватал ртом воздух.

Лента дороги разворачивалась между массивными стволами деревьев, уже посеребрённых приближающейся зимой. Утратив листву, древний лес не потерял своей угрюмой внушительности. Покров тишины и запах прелой листвы нависали над лесом. За завесой туч на сером небе угадывался размытый диск бледного солнца. Фордайс вытер шарфом свой простуженный нос. Его настроение не улучшилось от воспоминаний о теплом зале, из которого ему пришлось бежать, как только занялся рассвет.

Он мог бы все еще нежиться там во сне, если бы это волосатое создание не разбудило его, шипя что-то об опасности и необходимости скрываться. Его сожаление усиливалось холодом, разлитым в воздухе. А он так надеялся укрепить свое знакомство с той пышной вдовой, с которой он танцевал прошлым вечером. Картины приятных дней, проведенных когда-то в замке де Креси, среди эля, закусок и гостеприимства, возникали перед его глазами, упорно вытесняемые видом узкой дороги, ведущей обратно в Ревелвуд. Он даже подумывал отослать парней, а самому возвратиться в Карлеон. Мало ли что там наболтала эта маленькая ведьма. Следуя направлению своих мыслей, он то и дело оборачивался назад, чтобы видеть древнюю римскую дорогу, ведущую к Карлеону.

И Ровена устроилась там неплохо. Она сидела, как принцесса, на троне из мехов у ног сэра Гарета. Почему ее отец должен отвечать за то, что она устроила скандал и убежала? Конечно же, такой разумный мужчина, как сэр Гарет, не будет обвинять его за капризы женщины. Ровена наверняка уже прискакала обратно в замок при первых признаках рассвета и теперь небось в объятиях рыцаря очаровательно просит прощения.

Если он вернется в Карлеон, они с Гаретом могли бы поднять кружечку-другую возле огня в честь очаровательных капризов женщин. На его губах заиграла улыбка. Для них было бы не впервые размышлять друг с другом о переменчивости женского сердца.

Он все еще был погружен в приятные воспоминания, когда кошмарная фигура в черном выскочила из-за поворота и бросилась прямо к нему.

Пренебрегая невнятными криками своих сыновей, он ударил каблуками в бока лошади, которая, надо сказать, никак на это не отреагировала. Бросив отчаянный взгляд через плечо, Фордайс увидел темный призрак, увеличивающийся в размерах. Монстр, казалось, слился воедино с белым зверем, чьи копыта едва цепляли землю, как будто он несся на крыльях.

Фордайс тщетно подпрыгивал на остановившейся лошади, стараясь сдвинуть ее с места. Кляча вздрогнула и стала приседать на задние ноги. На какое-то страшное мгновение Фордайсу показалось, что она сейчас в четвертый раз сбросит его на землю. Кляча покачнулась, но осталась стоять на месте. Он вытащил ржавый кинжал из-за пояса и полоснул лезвием по шкуре животного. Заржав от боли, лошадь бросилась вперед неровным галопом, которого Фордайс никак не мог от нее ожидать.

Он слышал крики сыновей и осмелился оглянуться. Грохочущая копытами тень почти нависала над ними. Фордайс пригнулся ниже к холке лошади, продолжая колотить ее каблуками по

ребрам, чтобы та не замедляла бег. Бросив вновь взгляд назад, он увидел своих парней, глядевших вслед ему, раскрыв рты. Дорога между ним и сыновьями была пуста. Темный всадник исчез.

Его преследователь был действительно не сзади него. Он был рядом, Фордайс издал полузадушенный вопль, когда мускулистая рука схватила его за горло. Кляча помчалась галопом дальше уже без него, обнаружив неожиданную грацию, начисто утерянную под грузным седоком. Солнце стало пурпурным в глазах Фордайса. На момент ему показалось, что он так и останется висеть, казненный этой безжалостной рукой, без петли, без виселицы, без благородных прощальных речей. Когда сэр Гарет соскочил со своего жеребца, не отпуская жертвы, Фордайс понял, что даже этого ему не суждено.

Они свалились на землю, одинаково болезненно почувствовав удар. Эта мысль немного утешила Фордайса, несмотря даже на то, что он никак не мог вздохнуть. Пролетев по инерции, они скатились с дороги в мертвую поросль канавы. Какой-то сучок процарапал неглубокую ранку на руке Фордайса, и эта боль немного отвлекла его от жуткого оцепенения в груди.

Гарет навалился ему на грудь. Фордайс с трудом втянул воздух в легкие, но легче ему не стало, поскольку его горла коснулось ледяное острие кинжала.

— Куда ты подевал ее? — прохрипел Гарет. С уголка его губ стекала кровь.

Фордайс хотел было спросить «Кого?», но вовремя воздержался. Он лишь хлопал глазами, как сова, восстанавливая дыхание. Теперь он принял решение, которое не часто принимал в своей жизни. Он решил говорить правду.

— Сколько парней ты видишь здесь?

Гарет с подозрением взглянул на него, ожидая подвоха. Ни кинжал, ни рука, державшая его, не пошевелились, когда он огляделся вокруг.

— Пять. И они определенно переростки. Фордайс кивнул, как бы в знак своей правоты.

— Пять. Тогда, может быть, ты погонишься за остальными тремя и спросишь их, куда они дели ее?

Пятеро оборванных мужчин осторожно приблизились, пряча руки в лохмотьях, бывших когда-то рукавами. Тень страха коснулась лица Гарета. Фордайс подавил улыбку.

Гарет сел. Его щеки были в грязи, что придавало ему зловещий вид существа, вызванного из ада в сопровождении искр и пепла.

— Парень с серебристыми волосами увел ее. И Ирвин — тот, кто рассказывает легенды. Они увели ее? Где они могут быть?

Фордайс пожал плечами.

— Откуда мне знать? Они пришли ко мне прошлой ночью, болтая о каком-то нелепом плане выручить Ро. — Он приукрасил свой рассказ типично драматическими добавлениями. — Ирвин рассказал мне, как она приползла к нему на коленях, жалобно плача и умоляя освободить ее от твоего жестокого рабства.

Гарет открыл было рот, но затем закрыл его. Рука, державшая кинжал, ослабла.

— И ты отказался помочь ей?

Фордайс презрительно фыркнул.

— Я проиграл ставку. Я — благородный человек. — Он одним пальцем отодвинул лезвие кинжала и тоже сел, выбирая сухие листья из своего шарфа.

Взгляд Гарета беспокойно метался между Фордайсом и дорогой. Он нахмурил лоб, очевидно, в отчаянном поиске верного решения. Слова, которые он произнес, были обращены скорее к самому себе, чем к Фордайсу:

— Неизвестно, во что эти глупцы втянут ее.

Он стоял, возвышаясь над Фордайсом. Барон с усилием встал на ноги, упершись взглядом в кольчугу Гарета. Когда этот малый успел так вымахать? Фордайс перебросил концы шарфа за плечи и стал выбираться из канавы.

— Такое оскорбление! Существуют же законы, защищающие невинных путников. Англия — цивилизованная страна. Если бы об этом узнал король...

Его слова потонули в невнятном хрипе, когда Гарет схватил концы шарфа и накрутил их на кулак.

Фордайс почувствовал жаркое дыхание Гарета над своим ухом.

— Ты еще не знаешь меня как следует, Фордайс. Я вернусь. И если найду ее у тебя, если обнаружу, что ты солгал, тогда ни закон, ни Эдуард, ни сам бог не помогут тебе. Ты понял?

Фордайсу удалось кашлянуть, что Гарет, к счастью, воспринял как утвердительный ответ. Рыцарь отпустил его. Фордайс выбрался из канавы, не обращая внимания на грязь и листья, которыми осыпал при этом голову Гарета. Клячи нигде не было видно, и Фордайс завистливо взглянул на жеребца Гарета. Белый зверь косил глазом и бил копытом о землю. Собрав остатки оскорбленного достоинства, Фордайс захромал по сужающейся дороге, бросая взгляды из стороны в сторону в поисках своего печального подобия лошади. Сыновья жалким парадом следовали за ним.

Он был уже далеко от Гарета, почти вне пределов слышимости, когда решился крикнуть ему тоном заботливого отца:

— Не беспокойтесь о девочке, сэра Гарет. Она в хороших руках. Маленький Родди — серьезный малый.

— Его зовут Маленький Фредди, идиот! — Крик Гарета был наполнен такой злобой, что Фордайс ускорил шаги, а его парням пришлось бежать вприпрыжку, поспевая за ним.

Ровена, казалось, давно должна была привыкнуть к холоду. Но, увы, пальцы ее онемели. Перчатки были уже изорваны в клочья. Облака разогнал ветер, и мороз оказался неожиданно суровым. Ровена ощущала какую-то головокружительную невесомость, как будто воздух, обжигающий холодом ее легкие, был лишен кислорода. Солнце висело в небе плоским желтым диском, создавая иллюзию тепла, что было особенно обидно.

Ровена взглянула на Маленького Фредди. После недели обитания в лесах, при очень скудной пище, он так исхудал, что Ровена не могла без боли смотреть на его ввалившиеся щеки.

Ощувив на себе ее мрачный взгляд, он повернулся на своем пони и ободряюще улыбнулся ей.

Они поднялись на холм, с которого открывался вид на Ревелвуд, За замком простиралось серое пространство, больше напоминающее огромное море, чем торфяники.

Сама не желая этого, Ровена видела сейчас совсем другой замок, призрачно сияющий на месте разваливавшихся укреплений Ревелвуда. Она мигнула, чтобы отогнать видение. С таким же успехом можно было представлять свои руки держащими дымящуюся паром чашку ячменной каши, либо свои волосы, которые распутывают чужие руки, обладающие неожиданным умением и нежностью. Все вокруг было недвижно, кроме пронесившегося ветра. Гнедой Ирвина нервно фыркнул.

— Нечего зря болтаться здесь. — Ирвин растирал похолодевшие руки. — Дом ожидает нас.

Однако никто из них не двинулся, пока Ровена, тихо щелкнув языком, не пустила свою кобылицу вниз с холма. Подъехав ближе, они неловко спешили, ощущая скованность в замерзших суставах. Большой Фредди шагнул ко рву.

— Подожди! — Ровена схватила его за руку.

Братья и Ирвин поглядели на нее. Вот чудеса! Грубые доски, служившие мостом через ров, пропали. Между ними и окованной железом дверью была канава шириной пять метров и глубиной три метра, с грязным льдом на дне. Большой Фредди с опаской заглянул в пропасть, в которую только что чуть было не шагнул. Маленький Фредди шагал взад-вперед вдоль рва, внимательно разглядывая землю вокруг. Его лоб собрался в морщины напряженного размышления. Совершенно окоченевший Ирвин обхватил себя руками. Пытаясь согреться, он притопывал ногами.

— Эй! — крикнул он.

Крик его повторился, отразившись от стен замка, и полетел над торфяниками. Усилившийся ветер вызвал слезы на глазах Ровены. Бесстрастные каменные стены расплывались перед ее невидящим взором. Ее била дрожь, но не от холода, а от воспоминания об угрозах Гарета. Может быть, тела ее отца и братьев лежат в большом зале, с глазами, в которых замерз ужас, с алой полосой поперек горла.

Ирвин дул в сложенные чашечкой ладони.

— Как нам удалось достичь Ревелвуда прежде их, я не понимаю. Эта проклятая неделя длилась вечно. А может, дядя убрал доски, когда мы уходили? Я не помню, но, наверное, так и было.

— Нет, он ничего не убирал. — Маленький Фредди выпрямился, его губы сжались в тонкую линию. — Земля была мягкая от растаявшего снега, когда мы уходили отсюда. А разве ты видишь какие-нибудь полосы или отметины на земле, где могли тащить доски?

Ирвин оглядел землю вокруг.

— Да нет, вроде не вижу...

— Конечно, не видишь, — горько усмехнулся Маленький Фредди. — Потому что доски снаружи никто не тащил. Их...

Ровена закончила вместе с ним:

— ...утащили внутрь.

Они подняли глаза на выветренные непогодой камни, впервые видя свой дом неприступной крепостью. Пустые глазницы щелей для стрельбы равнодушно глядели на них.

Большой Фредди задумчиво поскреб голову.

— Лед внизу довольно твердый. Я мог бы спуститься на него и перебраться на другую сторону.

— А как ты поднимешься к двери? Раскинешь Руки и полетишь? — Маленький Фредди покачал головой. — Нет. Этого не понадобится. — Его голос зазвенел, поднимаясь до громкого крика: — Кто там в замке, черт побери? Откройте дверь и впустите нас!

Что-то оборвалось в Ровене, когда она увидела мягкие черты лица брата, исказившиеся от ярости. Ее голос присоединился к крику Фредди гневным воплем. Ирвин тоже орал. Большой Фредди набирал горсти камней и обстреливал ими дверь замка. Их сумасшедший хор мог бы разбудить и мертвых, если их оставил там Гарет.

Крик Ровены оборвался, перейдя в хриплый кашель. Один за другим замолкли и все остальные. Казалось, сам воздух вокруг ждал ответа из замка. Приглушенный щелчок двери отозвался колокольным звоном в этой ждущей тишине. Ровена затаила дыхание. Железная дверь приоткрылась, придерживаемая за край чьими-то пальцами.

— Проходите, — раздался раздраженный голос. — Дома никого нет.

Дверь захлопнулась.

12

Ровена в изнеможении прислонилась к Маленькому Фредди. Отказ отца впустить их в замок лишил ее последних сил.

Ирвин первый вновь овладел своим голосом и чувствами.

— Дядя! — взывал он. — Дядя, дорогой, здесь твой племянник и твои дети. Мы пришли домой. Впустите нас, пожалуйста, сэр. — Он тихо сказал, обращаясь ко всем остальным, стоявшим возле него: — Должно быть, он не понял, что это мы. — Затем опять радостно заорал: — Хэлло! Это Ирвин, сэр. Это не попрошайки или грабители, пришедшие обчистить ваш замок. Это ваша родня. Откройте и пустите нас обогреться у вашего огня. Большой Фредди глазел на Ирвина, широко раскрыв рот.

— Может быть, папа не понимает... — слабым голосом произнесла Ровена.

— Он все понимает. — В глазах Маленького Фредди горел холодный серый свет. — Но все же попытайся ты, Ро.

Крик Ровены прозвучал как карканье. Она откашлялась и попыталась вновь:

— Отец, это Ровена. Нам нужна твоя помощь. Мы прятались в лесах больше недели. Но теперь мы — дома. Мы очень голодны и замерзли. Я убежала из Карлеона. Я вернулась домой, отец. К тебе, в Ревелвуд. Я прошу тебя... — Ее голос стих. Рука Маленького Фредди сжала ее руку. Отчаянье придало ей сил, когда она выпрямилась и закричала: — Папа, открой дверь! Мы изнемогаем, мы промерзли до костей. Долго ли нам стоять здесь и проситься в собственный

дом? Ты должен открыть дверь. Ты должен...

Маленький Фредди дергал ее за руку. Ледяной ветер промораживал слезы, текущие по ее щекам.

Дверь вновь приоткрылась. В проеме показалось лицо Фордайса.

— Глупое дитя.

Слова прозвучали еще более резко потому, что были произнесены так тихо. Ровена инстинктивно поняла, что они относятся к ней. Ее глаза расширились. Отец никогда еще не порицал ее.

Ирвин двинулся ко рву с улыбкой, изогнувшей его полные губы.

— Мой дражайший дядя, мы избавили Ровену от страшной судьбы и привели ее домой. Разве вы не рады этому?

— Отправляйтесь назад! — От резких слов отца улыбка сползла с лица Ирвина. — Глупые дети, все вы. Уходите вон. Уходите как можно дальше от Ревелвуда. Нам вы не нужны. Все вы.

Лицо Маленького Фредди окаменело.

— Скажите мне, отец, за сколько купил вашу преданность темный рыцарь? За тот потрепанный мешочек золота? Или, может быть, за тридцать монет серебром?

Барон высокомерно хмыкнул:

— Твои подозрения ранят меня, сынок. Неужели ты так плохо думаешь о собственном отце?

Презрительная усмешка Маленького Фредди была красноречивым ответом ему.

— Дело не в золоте или серебре, правда, папа? — крикнула Ровена. Ветер растрепал ее волосы, и они нависли на лицо, совсем как у Марли. Сквозь них лицо казалось размытым.

— Не золото. Не серебро. Я видел смерть в его глазах, когда он набросился на меня как сумасшедший. Да, собственно, он и есть сумасшедший. Безумный рыцарь. Он поклялся, что, если найдет тебя здесь, в Ревелвуде, всем нам конец. — Фордайс продолжал тоном упрека: — Убежав от него, ты обесчестила мое доброе имя.

Маленький Фредди пробормотал слово, которым могла бы гордиться и Марли.

Голос Фордайса стал похож на жалобное подвывание:

— Я умоляю тебя, дитя. Спаси себя и свою родню. Возвратись к сэру Гарету и на коленях проси его милости и прощения. Ты ведь можешь использовать ваши женские уловки, чтобы вернуться в его сердце и в его постель. Твой папа не может позволить тебе снова жить в Ревелвуде, это обесчестит его. Ровена подняла голову.

— Я понимаю. Если я уйду отсюда одна, откроешь дверь для остальных?

Ирвин и Маленький Фредди разразились протестами, но все перекрыл оглушительный бас Большого Фредди:

— Глупости. Ты никуда не пойдешь одна. Я этого не позволю.

Ровена глядела на него, а он наклонил в смущении голову, обнажив в стыдливой улыбке ряд безнадежно испорченных зубов.

Когда Ровена опять повернулась к двери, та была уже закрыта. В замке стояла тишина, будто там заранее все умерли, не дожидаясь мести лорда Карлеонского.

Ровена не могла скрыть умоляющие нотки в голосе:

— Папа, мы погибаем с голоду. Можешь ты хоть дать нам кое-чего в дорогу?

Дверь приоткрылась, и четыре репы, перелетев через ров, упали рядом с ними. Впрочем, одна, подпрыгнув на камне, ускакала в ров. Ирвин бросился на землю и спас от подобной участи еще одну репу. Дверь захлопнулась.

Ровена села, скрестив ноги и положив подбородок на руки. В бледном свете солнца легкий ветерок принес маленькие хлопья снега, впивающиеся тысячами ледяных кинжалов в ее кожу. Она задрала голову и поймала языком снежинку.

— Поразительно. Папа отказался от меня. Меня могут повесить за кражу лошади. Меня преследует маньяк. А теперь еще бог посылает нам снег, чтобы скрасить наш путь.

Маленький Фредди опустил на колени рядом с нею.

— Папа отказался от каждого из нас с первым стоном наслаждения, когда породившее нас семя покидало его чресла.

Она вгляделась в его лицо. Крошечные трещинки окружали края его губ. Серые глаза казались огромными и жутковатыми в окружении теней, особенно четких на светлой коже его лица.

— Может быть, отец прав, — сказала она. — Может быть, я должна вернуться к нему. Сдаться на милость рыцаря из Карлеона.

— Судя по тому, что я слышал о нем, ты вряд ли дождешься милости. В его сердце нет места хоть сколько-нибудь добрым чувствам, если у него вообще есть сердце. Или ты думаешь иначе?

Глаза Ровены потемнели. Она вспомнила нежные ласкающие прикосновения пальцев Гарета к ее щеке. Она была так близка к тому, чтобы отдать себя в плен этих рук, когда его холодные слова «Оставь меня в покое» удержали ее. Неужели те же самые руки могли оборвать жизнь ребенка, маленькой девочки? Что за поистине дьявольское умение преображаться? Она вздрогнула при воспоминании о его ласке. Если Гарет прикончит ее, он избавит ее от боли навсегда. Милосердие же его может продлить эту боль до бесконечности. Что же в этом случае будет истинной добротой — смерть или прощение?

— Я не знаю ответа на этот вопрос, — произнесла Ровена, размышляя вслух.

— Надо уходить. — Маленький Фредди протянул ей руку, и они встали вместе одним движением.

— Куда же мы пойдём? — спросил Ирвин. Ровена вздрогнула, услышав, как его зубы с хрустом впились в кожу репы.

Сама того не желая, она вспомнила миску, которую там, на кухне замка Карлеон, ставила

перед ней Данла, полную тушеной говядины и вареного ячменя. Все окружающее заколыхалось перед ее глазами, как будто она видела это сквозь густой пар, поднимавшийся из миски. Ирвин предложил ей репу, и она откусила большой кусок. Горьковатый вкус был по-своему бодрящим.

Она сунула репу Большому Фредди.

— У меня никогда не было раньше своей лошади, — сказал вдруг он, объясняя свой дальнейший поступок.

У Ровены язык не повернулся возразить, когда он поднес репу к носу лошади, не откусив ни кусочка. Гнедая проглотила ее целиком. Лицо Ирвина вытянулось. Его рука метнулась к рукаву, куда были припрятаны их немногочисленные сокровища.

Снег начинал сыпать по-настоящему. Пушистые хлопья опускались на волосы Ровены. Солнце совершенно растворилось за завесой низко висящих облаков.

Ровена выдавила из себя улыбку, садясь на свою кобылицу.

— Мы можем поехать куда захотим. Весь мир — наш, и мы будем бродить по нему, как делают это все путники. Что значит голод в сравнении с радостью приключений?

— Проклятое неудобство все-таки. — Ирвин взгромоздился на свою лошадь. — Извини меня, Ро, что выругался при тебе. Хотя тебе небось приходилось слышать кое-что и похуже, живя в том гнезде благородных гадюк.

Ровена хотела возразить, но вспомнила, что и впрямь с губ Марли слетали значительно более крепкие выражения. Она склонила голову в царственном жесте.

— Я дарю тебе мое прощение на этот раз, Ирвин.

— Ужасно благосклонно с твоей стороны, — с ухмылкой прошептал Маленький Фредди.

Ровена толкнула коленом свою медлительную кобылу. Плотной группой они объехали замок и направились через холодное, серое пространство торфяника. Омертвевший папоротник хрустел под копытами лошадей. Ветер, не сдерживаемый даже голыми ветвями на этом пустом пространстве, хлестал снегом по их лицам. Ровена поглубже спряталась под свою накидку, со странной любовью и успокоением вглядываясь в этот суровый пейзаж. Здесь не было ни одного дерева, с которого могла броситься на них темная тень, вооруженная серебряным мечом. Не было пугающих призраков и видений в этой, кажущейся унылой, пустоте, которая сама была одним огромным видением той жизни, с которой было покончено навсегда. В этот зимний сезон безжизненного опустошения с детства знакомые торфяники вновь стали другом Ровены.

Ее оптимизма хватило до ночи, которая застала их сгрудившимися вместе за кучей заплесневелых листьев. Они лежали, прижавшись друг к другу в своем обычном порядке. Так они годами спали вместе в замке Ревелвуда. Спина Маленького Фредди была прижата к животу Ровены. Ноги ее были переброшены через его колени. Голову Маленький Фредди примостил на мягком Ирвине, а Большой Фредди свернулся вокруг них, как верная гончая.

Снег прекратился, покрыв землю тонким одеялом. Небо очистилось. Звезды холодно подрагивали, подобные бездушным бриллиантам, разбросанным по черному собольему меху, такие же жесткие и непроницаемые, как глаза Гарета.

— Что же будет с нами? — спросила Ровена, ни к кому в особенности не обращаясь.

Ирвин закапывался в листву, как сурок.

— Если мы замерзнем до смерти, нам не о чем будет беспокоиться.

Маленький Фредди поежился.

— Здесь ненамного холоднее, чем в Ревелвуде. Но вот Ровена, она уже привыкла к теплой постели.

Ирвин хмыкнул:

— Да, уж это точно.

Ровена была слишком слаба от голода, чтобы спорить.

— Мы могли бы стать странствующими артистами, — размышляла она вслух. — Богатые расточители, как сэр Блэйн, спотыкаются друг об друга, спеша забросать их мешочками с золотом и серебром. Мы могли бы пением зарабатывать себе на ужин.

Маленький Фредди толкнул Ирвина.

— Ты умеешь петь?

— Н-нет, пожалуй. Я могу играть на трубе и подпевать немного.

— А ты? Ты можешь петь? — тычок в бок Большого Фредди.

Тот отрицательно потряс лохматой головой. Маленький Фредди вопросительно взглянул на Ровену:

— А ты?

— Боюсь, что нет, но, может быть, я смогла бы научиться плясать на канате. А вы, скажем, стали бы кувыркаться. А Ирвин... — ее гладкий лоб сморщился, — Ирвин мог бы жонглировать. Да, это прекрасная мысль. Не торопись съесть наши репы, Ирвин. Ты можешь жонглировать ими.

— Какой интерес жонглировать двумя репами? — Маленький Фредди перекатился на спину а поудобнее пристроил голову на животе Ирвина, — Знатные любят всяческие странности. Они их развлекают. Бедняги устали изо дня в день глядеть друг на друга.

— В нас нет ничего странного, — пробормотал Ирвин.

Решена захихикала:

— Может быть, привязать какой-нибудь узел тебе на спину, Маленький Фредди, и ты будешь у нас карлик-горбун?

Ирвин вдруг возмутился:

— Не можете ли вы двое замерзнуть в молчании и дать возможность человеку заснуть? Оставьте эти глупые мечты. У нас нет ни монеты, ни таланта, ни забавного уродства, чтобы заняться

чем-нибудь. Если рядом случайно окажется танцующий медведь, тогда разрешаю меня разбудить.

Ровена весело взглянула на Маленького Фредди. Они приподнялись, опершись на локти.

Маленький Фредди ткнул пальцем Ирвина под ребра. Ирвин со стоном поднял голову и увидел, что они улыбаются, как идиоты. Он проследил за их взглядами и обнаружил, что они смотрят на Большого Фредди, неуклюже разбросавшего огромные руки и ноги. Рот его был раскрыт, и из него вырывался храп, более грозный, чем рычание.

Ирвин задумчиво нахмурился.

— Ну, за медведя он сойдет, а танцевать-то он может?

— Я думаю, не хуже, чем ты — жонглировать, — ответила Ровена.

Ровена склонилась как можно ниже к шее кобылицы, но камень все-таки попал ей в плечо. Она вскрикнула от боли и сильнее сжала бока лошади. Земля неслась назад под копытами мчащейся кобылы. Ровена краем глаза видела расплывшиеся тени остальных, скачущих рядом. По мере того как они удалялись от деревни, град камней ослабевал и наконец прекратился. Ровена с облегчением натянула поводья, и кобыла, дрожа, остановилась. Ровена ткнулась лицом в ее спутанную гриву, так часто дыша от страха, как будто ей пришлось бегом удирать от орущей толпы. Грудь ее разрывалась от приступа кашля.

Маленький Фредди нежно откинул назад ее волосы и заглянул в лицо.

— Ты больна?

Она помотала головой, изобразив слабую улыбку.

— Просто запыхалась.

Лошадь Ирвина танцевала кругами, щеки его горели огнем негодования.

— Можно подумать, что мы убийцы или похитители детей. За три дня нас изгоняют уже из третьей деревни. Я и думать не мог, что люди так серьезно относятся к своим развлечениям.

— Может быть, скромное искусство попрошайничества окажется более выгодным предприятием. — Маленький Фредди вытянул руку, чтобы немного отогнать разбушевавшуюся лошадь Ирвина.

— Чепуха, — отрезал Ирвин. — При наших-то талантах! Очень, знаете ли, было забавно, когда Ровена так натурально упала с веревки, которую мы натянули между церковью и конюшней.

Ровена мрачно взглянула на него.

— Я сделала это не для развлечения. Номер назывался «Танец на канате». Даже деревенские идиоты поняли это.

— Но как ты висела, зацепившись ногами, а все твои юбки повисли вокруг головы... — Ирвин захихикал, вспоминая сцену.

Ровена одарила его взглядом, который разрезал бы алмаз, но весь эффект был испорчен очередным приступом кашля.

Маленький Фредди соскользнул со своего пони и отвязал с его спины кучу тряпья. Он выпрямился с укоризненным стоном.

— Ссоры между нами не наполнят наши желудки. Мы так же бедны и голодны сегодня, как и месяц назад. Нам приходится выпрашивать или воровать каждую крошку. Мы ни полпенса не получили в этой деревне сегодня.

— У этого народа просто нет монет. Они такие же бедняки, как и мы.

Все повернулись к Большому Фредди. Он почесывал свою грязную голову, а рядом красовалась вторая, набитая сухими листьями, голова медведя. Она была сдвинута назад и торчала из-за спины. Украденные шкуры, свисавшие с нее, были местами в пролысинах. Из медвежьей головы глядели темные, невидящие глаза. Ровена мигнула, забыв на мгновение, какое из лиц принадлежит ее брату.

Маленький Фредди вздохнул:

— Ну, если уж медведи заговорили...

— Он прав. — Ирвин закрутил спускающиеся концы своих усов — раздражающая всех привычка, которую он приобрел с тех пор, как его усы стали достаточно длинными, чтобы свисать. — Знать, кажется, избегает нас. Куда деваются все богачи зимой?

— Зима — лишь очередное развлечение для них. — Голос Ровены пронизывала горечь. — Они провозглашают зиму очаровательной и чудесной, пока она не вымочит их шерстяные перчатки. Тут она сразу надоедает им, и они прячутся от нее, нежась перед очагами и поглощая рождественские пудинги.

Маленький Фредди провел ладонями по костлявым бокам своего пони, глядя на Ровену из-под полуопущенных ресниц. Ее мозолистые руки нервно крутили жесткую гриву кобылицы.

— Если знать не идет к нам, значит, мы пойдем к ней. — Ирвин засиял, как будто сказал нечто мудрое.

Ровена подняла бровь.

— Может быть, нам поехать в сам Лондонтаун и потребовать аудиенции у короля?

— Мы не должны больше пренебрегать замками. Надо играть перед теми, кто может оценить наши таланты, — сказал Ирвин.

Маленький Фредди вскочил в седло.

— Замки опасны для Ровены, Мы уже обсуждали это.

Ирвин презрительно фыркнул.

— Она думает только о себе. Если бы она приняла мое великодушное предложение и позволила священнику следующей деревни поженить нас, она была бы вне опасности. Даже этот мрачный рыцарь подумал бы, прежде чем похищать замужнюю женщину. Брак священен перед богом и королем.

— Бог и король ничего не значат для него. Как и ты, если бы вздумал встать на его пути. — С этими словами Ровена направила свою лошадь мимо Ирвина, под укрытие леса. Большой

Фредди надвинул на себя медвежью голову и последовал за нею.

Ирвин с удивлением потряс головой.

— Когда она стала таким сварливым существом?

— Не будь глупцом, — сказал Маленький Фредди. — Если бы она не беспокоилась о тебе, она бы уже вышла за тебя, спокойно позволив сэру Гарету смахнуть твою голову с плеч.

Фредди, вглядываясь в лес, задумавшись, видела ли Ровена мужчину, который прискакал в деревню как раз в тот момент, когда толпа начала забрасывать их камнями? Его лицо было скрыто накидкой из абсолютно черного меха. Маленький Фредди, тряхнув головой, отогнал мысли о навязчивом видении и послал своего пони вперед.

Наступила ночь. Их лошади пробирались по сумрачному лесу, покрытому белым покрывалом. Огромные хлопья спускались вниз, сливаясь в сплошную завесу, поглощавшую все звуки. Ветер стих. Кашель Ровены прошел, зато голод начал болезненно скрестись когтями в животе. Не ощущая больше холода, от которого прежде стучали зубы, она желала лишь погрузиться в соблазнительно мягкое снежное одеяло и заснуть навечно.

Снег скрыл все приметы дороги. Они молча блуждали без цели в этом пейзаже из сна. Когда из темноты проступил силуэт замка, Ровена была уже в состоянии безразличного отупения и даже не удивилась.

Они остановили своих лошадей на краю леса.

— Он меньше, чем Ревелвуд, — сказал притихший наконец Ирвин.

— Как будто брошенная игрушка, — мечтательно произнес Маленький Фредди.

— Это не игрушка. И он не заброшенный, — указала на замок Ровена.

Оранжевый свет факела проникал сквозь щели ставен на окне.

— Действительно. — Лошадь Ирвина дернулась, когда он сжал ее замерзшими коленями.

Его взгляд заметил еще кое-что: временные стойла лошадей, пристроенные к наружной стене замка, шел дым, стало быть, стойла как-то обогревались. Когда подъехали поближе, обнаружили и лошади, ровным счетом двенадцать.

— Красивые, — пробормотал Большой Фредди. Не нужно было быть большим знатоком лошадей, чтобы оценить их великолепие. Все они были боевыми конями. Даже в тусклом, дымном свете изумруды и рубины, вправленные в их уздечки, сверкали ярче, чем снег, отражавший сияние окна. Ровена вздрогнула.

— Не надо задерживаться здесь.

— Придержи язык, Ро, — резко оборвал ее Ирвин. — Это божий дар для нас. Замок скучающих рыцарей и их дам, запертых снегопадом. Да они передают друг друга, спеша одарить нас золотом за небольшое развлечение.

Ровена промолчала. Отпора, которого ожидал от нее Маленький Фредди, не последовало.

— Он слишком очаровательный, — тихо сказала она. — Как один из тех зачарованных замков, о

которых ты рассказывал нам. А вдруг, войдя в него, мы никогда не сможем его покинуть?

— Фу! Ты слишком впечатлительна. По-моему, все здешние чары заключаются в обильном угощении, выпивке, а также в одной — двух прелестных служанках. Неужели мы все должны замерзнуть до смерти, потакая твоим глупым женским предчувствиям?

Ровена с сомнением посмотрела на него. Перед замком не было ни двора, ни рва, ни подъемного моста между ними и дверью в замок. И ни один из жеребцов не был чисто белым.

— Ровена, может быть, на этот раз Ирвин прав. Я не знаю, как нам ехать дальше по такому снегу. Если же мы попытаемся заснуть, мы рискуем... — Голос Маленького Фредди прервался, потому что он вытирал свой застуженный нос обмерзшими костяшками пальцев.

Ирвин не стал дожидаться одобрения Ровены. Он спешил и побрел к двери. Другие последовали за ним. Сзади всех, прячась за убогими шкурами, свисающими со спины Большого Фредди, медлила Ровена. Когда Ирвин застучал в дверь, Маленький Фредди проскользнул перед ним. Они мягко препирались, отталкивая друг друга, когда дверь отворилась.

Страхи Ровены ослабли при виде лица, появившегося в ореоле света в дверном проеме. Вместо ожидаемого великана-людоеда или домового она увидела лицо обычного мужчины с гладким подбородком, и приятным выражением. Это было лицо, которое Ровена могла бы счесть очень красивым, если бы не встретила сэра Гарета. Мужчина был, очевидно, не намного старше ее, но подстриженные светлые усы и пара сверкающих золотистых шпор выдавали в нем рыцаря. Из зала за ним донесся взрыв здорового мужского смеха.

— Здесь кто-то стучал? — спросил он. Маленький Фредди прекратил извиваться в объятиях Ирвина.

— Это мы, сэр. Мы — смиренные просители, нуждающиеся в милосердии. Не могли бы мы предложить вашему вниманию несколько трюков и песен в обмен на чашку овсянки?

Ирвин отпихнул Маленького Фредди в снег, ухватив его за штаны. Он глубоко поклонился и закрутил свой ус.

— Наш акробат поторопился. Мы — международно-известная труппа, прибывшая из провинции Анжу.

Брови рыцаря поползли вверх. Ровена застонала про себя.

Ирвин отбросил руку в широком жесте.

— Позвольте мне представить вам Маленького Фредерика, выдающегося акробата. — Он вытащил Ровену из-за спины Большого Фредди. — И очаровательную Миньон, множество трюков которой поразит вас. — Ровена зашипела на Ирвина сквозь уголок, рта и сделала рыцарю изящный реверанс. — И, наконец, самый удивительный из всех — Фредди, танцующий медведь.

Большой Фредди глупо уставился на него. Ирвин сдернул медвежью голову ему на лицо и ударил по ней кулаком. Рыцарь вежливо взглянул на небрежное шарканье Большого Фредди и улыбнулся Ровене. Она ответила ему тем же, согретая доброжелательством, а также запахом жареного фазана, доносящимся из двери. Ее голод вновь возобновил свое жадное ворчание.

Рыцарь прислонился к косяку, поглаживая подбородок. Его стройные узкие бедра и широкие

плечи вырисовывались на фоне света, льющегося из зала.

— Как кстати! Мои друзья и я умираем от скуки. Судьба благоволит нам, посылая вас для нашего спасения.

— Все, что мы просим, — сказал Ирвин, — это комната, чтобы приготовиться к выступлению, немного мяса, немного золота...

— И немного корма нашим лошадям, — прорычал медведь.

Рыцарь сделал едва уловимый жест рукой, и из двери выскользнул оруженосец. Ровена с невольным трепетом наблюдала, как их лошадей уводят к стойлу. Но она отбросила свои страхи, когда рыцарь дружески положил руку на плечо Ирвина и повел их в зал, где тепло, наполнявшее воздух, было так же физически ощутимо, как объятие.

Их окружили прекрасные молодые рыцари, любопытство которых сдерживалось рамками хороших манер. После месяца, проведенного в побегах от крестьянских толп, Ровена особенно оценила одно качество рыцарей. Они были чистыми. Здесь не было и намека на запах немытых тел, смертельно непереносимый на пустой желудок. На очаге весело булькал котелок. В уютном зале тянуло ароматом корицы в сочетании с запахом приправленного специями эля. Внезапный страх овладел Ровеной. А она-то сама сегодня мылась? Или вчера? Ах, как бы не опозориться. Дружеские молодые лица склонялись к ней, чтобы запечатлеть нежные поцелуи на ее ладонях.

Рыцари собрались вокруг, и светловолосый рыцарь представлял им своих новых гостей одного за Другим. Когда он поклонился Ровене, особенно подчеркнув слова «множество трюков», улыбки мужчин стали еще шире. Некоторые из них хлопали рыцаря по спине с одобрительными возгласами: «Великолепно, Персиваль!» и «Множество трюков, да? Просто замечательно!»

Ровена едва успела бросить жадный взгляд на полусъеденный кусок мяса на столе, как их уже согнали в крошечную каморку для подготовки к выступлению.

Она сбросила свои рваные башмаки и размазала румяна по щекам. Разгладив свой потрепанный наряд, как могла, она причесала пальцами шкуры Большого Фредди.

Маленький Фредди бормотал про себя, натягивая дырявые голубые рейтузы. Он хмурился, думая о чем-то, но, прежде чем она успела спросить, что его тревожит, дверь распахнулась и их выгнали в зал. Рыцари устроились на скамьях и столах в расслабленных позах. Большинство из них были скорее юношами, нежели мужчинами. У Ровены потекли слюнки при виде ноги индейки, небрежно торчавшей из аристократических пальцев. Она придвинулась поближе к огню.

Персиваль своим примером пригласил рыцарей к аплодисментам, когда Ирвин выступил в центр зала. Он вертелся на каблуках, разбрасывая воздушные поцелуи. Ровена сморщилась от такого вступления.

— Добро пожаловать на наше чудесное действо. Я хотел бы начать вечер развлечений выступлением Фредди, танцующего медведя.

Большой Фредди, спотыкаясь, неуклюже протащился по залу, опрокинув стул, и, не видя ничего, выбил кубок из руки рыцаря. Он едва успел выполнить несколько поворотов и неловких прыжков, как зал взорвался громогласными аплодисментами.

— Превосходно!

— Чертовски великолепно!

— Какой танец! Что еще у вас есть?

Ирвин нахмурился, озадаченный, и пихнул Большого Фредди к стене. Один из рыцарей успел поймать его, прежде чем медведь налетел на стол. Ирвин пожал плечами.

— Если вам понравилось, я вызываю Маленького Фредерика, мастера кувырков и падений.

Маленький Фредди выскочил вперед с улыбкой, приклеенной к его лицу. Его номер изобиловал больше падениями, чем кувырками, и после особенно рискованного полета Персиваль ловко поймал его прямо в воздухе и аккуратно посадил на лавку.

Зал разразился криками восхищения и новыми аплодисментами. Ровена была в полном недоумении. Она никогда не видела столь благосклонной аудитории и столь же неприятельской. Она встряхнула головой. Тепло от огня вызывало у нее легкое головокружение. Персиваль продолжал дружески держать Маленького Фредди за плечи.

Ирвин кашлянул и сплюнул. Сверкание трубы, висевшей над очагом, вернуло ему утраченное было самодовольство.

— Можно мне? — спросил он, указывая на трубу. Персиваль коротко кивнул. Его улыбка казалась теперь уже не столь открытой. Неприятная складка его губ была скорее похожа на ухмылку.

Ирвин взобрался на скамью и поднес трубу к губам, но, прежде чем он начал играть, труба была выхвачена из его рук изящным движением. Та же рука дружески обняла его за шею.

Предчувствия Ровены, похоже, оправдывались, лица, бывшие только что приветливо-дружелюбными, стали более жесткими, повернувшись к ней. Подбородки высокомерно поднялись. Кончики языков облизывали губы. Незаметная перемена позы или положения каждого из них — и вот она уже в центре кружка мужчин, рожденных с осознанием своих привилегий и воспитанных почти без какого-либо ограничения их желаний. Она отступила к очагу, но жар его уже не был столь желанным. Пот начал стекать между ее грудей.

— Тот, кто коснется ее, станет мертвецом!

Это крикнул Маленький Фредди. Его тонкий, ломающийся голос вызвал у них лишь холодные улыбки; Фредди вырывался из объятий Персиваля. Персиваль весело взлохматил голову юноши и передал его рыжему рыцарю, который веревкой стянул его руки за спиной.

Огонь бросал золотой отсвет на шевелюру Персиваля, самодовольно подошедшего к Ровене.

— Не хнычь, крошка. Мы только хотим увидеть то, что нам обещали, — множество трюков очаровательной Миньон. Золота за это хватит на всех вас.

Ровена увидела, как порозовело, а затем побелело лицо Ирвина. Через мгновение Персиваль загородил ей вид, нежно проведя по ее щеке тыльной стороной ладони. Большой палец скользнул ласкающим движением по ее губам.

— Не дрожи, малая Миньон. Мы лишь хотим, чтобы ты исполнила для нас свой номер. Мы

щедро оплатим твоё время.

Ровена сделала очаровательное движение и провела по полу голыми пальцами ноги. Дыхание Персиваля участилось. Другая его рука поднялась к её волосам. Он вскрикнул от боли, когда Ровена, подпрыгнув, опустилась обеими ногами ему на ногу. Она уже на половину выхватила его меч из ножен, когда Персиваль ребром руки ударил её по запястью. Слезы боли наполнили её глаза. Мельком она увидела, как от удара свалился Большой Фредди.

Персиваль повернул Ровену спиной к себе, больно завернув назад её руку.

— Глупая девка, — процедил он сквозь зубы. — Ты дразнишь нас обещанием развлечения, а потом пытаешься перерезать нам глотки.

— Вы не так поняли, — пыталась объяснить она, пока он толкал её к столу. — Ирвин имел в виду не такие трюки. Я не шлюха.

— Но ты и не Дева Непорочная, если странствуешь с этим сбродом. Как ещё они могут зарабатывать на жизнь, если не торгуя твоим прелестным телом?

Ровена отбивалась изо всех сил, но руки Персиваля оказались крепкими, как сталь. Она с отчаянием оглядывала зал.

— Я прошу вас. Я невинна. Ведь вы же рыцари! Где же ваше благородство?

Жесткие молодые лица глядели на неё. Один из мужчин недвусмысленным движением отстегнул свои ножны, бросив их на пол. Персиваль швырнул её на стол. Вперед выступил темноволосый мужчина. Когда Ровена взглянула на него, он усмехнулся и подмигнул ей зеленым глазом. В её груди шевельнулась надежда.

В наступившей внезапно тишине прогремел его голос:

— Если она говорит правду, тогда ставки значительно повышаются.

Поднялся ропот. Пальцы Персиваля конвульсивно сжали её запястье. По залу прокатился странный рокот. Гром среди зимы? Ровене показалось, что она сошла с ума, но вскоре она поняла, что это был грохот дюжины кулаков, стучавших по дереву. Благородные рыцари дружно вопили: «Пари! Пари! Пари!»

Персиваль с отвращением отбросил её от себя. Ровена ухватилась за край стола, чтобы не упасть.

Голоса постепенно затихли. Персиваль ухмыльнулся.

— Если вы готовы довериться слову голоногой шлюхи, пусть принесут кости. Победитель может забрать её наверх и наверняка обнаружит, каким дураком оказался.

Игральные кости загремели по камням перед очагом. Ирвин, Большой Фредди и Маленький Фредди были связаны и брошены в угол. Рыцари возбужденно шумели. Стоявшие сзади вытягивали шеи, чтобы увидеть происходящее. В лихорадочном азарте они, кажется, вовсе забыли о Ровене.

Она потихоньку начала отступать к дверям, не смея вздохнуть, но её побег был решительно пресечен. Она, оказывается, не осталась без присмотра. Зеленые глаза приветственно

сверкнули, когда она оглянулась посмотреть, кто ее держит.

Мягкий голос зеленоглазого рыцаря медом вливался ей в ухо.

— Я не мог вынести, чтобы тебя пригвоздили к этому столу, как ягненка для заклания.

Ровена продолжала глядеть вперед, чтобы не привлечь внимания к их разговору.

— Вы поможете мне, сэр? — спросила она, не меняя выражения лица.

— Я мог бы. — Его руки скользнули вокруг ее талии. — Пойдем со мной, пока они играют. Клянусь, что буду нежен с тобой. После этого я помогу тебе убежать, прежде чем другие явятся за своим выигрышем.

Ровена закрыла глаза. Почему самые добрые слова, которые она услышала в этот вечер, должны были оказаться и самыми жестокими?

— А остальные? Вы поможете им освободиться?

— Для тебя, малышка, все, что угодно. — Его рука скользнула под изношенную ткань платья, поднимаясь по ее бедру. Его губы прижались к ее шее.

Ум Ровены бешено работал. Что бы сделала Марли с этим распутным мужчиной, вежливо предлагающим изнасиловать ее?

Она бы пошла с ним наверх и убила его.

Ответ пришел так неожиданно, что у Ровены вырвался короткий болезненный смех. Зеленоглазый нежно застонал, приняв этот звук за голос желания. Его рука проскользнула между ее бедер.

В центре круга играющих длинные пальцы Персиваля бросали кости. Может быть, он даже выигрывал. Ровена повернулась, чтобы избежать нетерпеливой руки зеленоглазого, и оказалась в его объятьях. Зеленоглазый воспринял это как согласие на все.

Прежде чем она смогла воспротивиться, он прильнул губами к ее рту. Странно, но его поцелуй был подобен поцелую соблазняющей женщины. Дразнящий и опытный, со страстью, которая как будто намеренно сдерживается во время неспешной разведки, производимой его языком. С другим мужчиной Ровена, может быть, и захотела бы узнать, что последует за таким поцелуем. Но не с этим и не здесь. Как Марли убила бы его? Ударила бы по голове? Или проткнула собственным мечом? Марли бы оценила иронию последнего. Блуждающая рука нырнула за ворот ее наряда, и Ровена зажмурилась в покорности. Все равно, неведомо для него, он был уже мертвец.

Погруженная в замысел убийства рыцаря, Ровена будто издали слышала стук в дверь, который казался ей эхом отчаянных ударов ее сердца. Она почувствовала ледяной ветер, коснувшийся ее. Затем наступила слишком долгая тишина, и рыцарь вдруг отпустил ее. Ровена подняла голову. Лица сгрудившихся у очага были повернуты к двери. На них застыло нелепое выражение мальчишеской виноватости, показавшееся Ровене забавным.

Слишком поздно она обернулась,

В дверях стоял снежный великан. Снег хлестал по его широким плечам, залетая в зал, чтобы

покружиться здесь одно мгновение, прежде чем растаять в тепле. Ветер насвистывал свой злоеший припев. Ровена схватилась за руку рыцаря, чтобы не пошатнуться под взглядом этих черных глаз темнее ночи и холоднее льда, — взглядом, от которого кровь стыла в жилах.

13

Гарет стоял в дверях, подобный окутанному снегом воинственному богу грома, только что одолевшему морозных великанов. Его темный взгляд так приковывал к себе, что Ровена не смогла бы уклониться, если бы даже молния сорвалась с его пальцев, чтобы поразить ее на месте. Снег блестел на его темных волосах. Крошечные льдинки вмерзли в бороду, утратившую свои аккуратные очертания. Он был в широкой меховой накидке, такой черной и пышной, что она казалась сшитой для очень богатых похорон. На какой-то страшный момент Ровена вообразила, что темные капли, падавшие на камни, были не таявшим снегом, а каплями крови с неотмытых рук недавнего убийцы. Тишину нарушил робкий кашель.

Гарет прошел вперед своей надменной походкой, оставляя за собой снежные следы.

Персиваль поднялся с колен — так было удобнее бросать кости, — чтобы встретить его.

— Сэр Гарет! Какой сюрприз! Что привело вас в Мидгард?

— Снег. — Гарет наклонился и дернул молодого человека за нос. — Твой отец знает, что ты здесь, Персиваль?

Персиваль поморщился:

— Нет, но, боюсь, узнает.

Как могла Ровена посчитать Персиваля красивым? Его классические черты бледнели до неузнаваемости в суровой тени Гарета. А походка была всего лишь напыщенной имитацией мужской походки.

Гарет охватил взглядом зал, фигуры, склонившиеся за игрой у очага, связанные — с завязанными ртами — тела у стены. Его глаза скользнули по Ровене бесстрастно, если не считать неуловимого, мгновенного движения брови. Она отступила от зеленоглазого, сложив руки сзади, как напроказивший ребенок.

Гарет дернул головой в сторону извивающихся тел.

— Они живы?

— Недостойны этого, — усмехнулся Персиваль, — но живы.

Гарет положил руку на плечо Персиваля.

— Да и бог с ними! Какое мне до них дело? Неужели у вас нет теплого эля, предложить мне в такой злой вечер?

Рыцари вскочили, стараясь опередить друг друга, отыскивая кубок и передавая бутылку по рядам, пока она не достигла руки Гарета. Он блеснул зубами, проворчав слова благодарности. Рыцари склоняли головы, бросая украдкой взгляды на массивный широкий меч, висевший у его пояса. Конец ножен царапал пол, когда он вошел в их круг.

Чья-то нога попыталась забросить кости под стол, но сапог Гарета помешал этому. Он сгреб

кости, взвешивая их в руке, как взвешивают золото.

— Опять играешь на замок своего отца, Персиваль?

— Нет, сэр. Я усвоил урок в прошлый раз.

— И хорошо сделал. Ты чуть не проиграл свое ухо Марли в тот вечер, если память мне не изменяет.

— Да, сэр. Счастье мое, что вы приехали домой вовремя.

Гарет облокотился на стол и подбросил в воздух сначала одну кость, а затем другую.

— Каковы же у вас ставки сегодня? Персиваль переступил с ноги на ногу.

— Ничего существенного, сэр. Обыкновенная шлюха.

Взгляд Гарета окинул Ровену с вежливым интересом. Персиваль указал в угол:

— Вон те парни пытались продать ее нам, обещая, что она мастерица «множества трюков».

Гарет прислонил ладонь к уху Персиваля и что-то прошептал. Персиваль в ответ громко расхохотался.

— На это я тоже поставлю. У нее хорошенький ротик для этого.

Щеки Ровены запылали новым жаром. Персиваль пожал плечами, как будто дело шло о мальчишеской шалости.

— Она утверждает, что невинна. Вот мы и решили бросить кости, чтобы решить, кто первым уведет ее наверх и докажет, что она лжет.

Гарет потер бороду и отошел от стола. Зеленоглазый смешался с толпой рыцарей, оставив Ровену одну. Она собрала все свои силы, чтобы не упасть, потому что Гарет шел прямо к ней. Сжав зубы, она упрямо глядела на серебряные звенья его кольчуги. Он не отходил, и ей пришлось поднять глаза к его лицу. Его уничтожающий взгляд обвел ее с головы до ног, не упустив ни голых, грязных ног, ни порванного платья, ни ее спутанных волос.

— Стоит ли она вашего золота? — бросил он через плечо.

Ровена сощурила глаза в выражении искреннего презрения. Зато от очага донесся ропот согласия.

С улыбкой, такой же сладкой, как любая улыбка Марли, Гарет пожал плечами.

— Ну, что ж. Продолжайте. Пусть мое присутствие не мешает вашей игре.

Он отвернулся. Задрожав и не веря услышанному, Ровена вцепилась в кольчугу и дернула ее. Никто этого не заметил.

— Гарет, пожалуйста, — прошипела она, сообразив, что это ее последний шанс.

Его рука мягко отцепила ее пальцы, и он оттолкнул ее, как будто боялся испачкаться. Он глядел на нее сверху сощуренными глазами, и жесткая линия его губ не обещала ничего

хорошего. Если бы Ровена владела искусством убедительной женской мольбы, она позволила бы своим большим голубым глазам очаровательно наполниться слезами. Но она не знала силы подобного трюка и поэтому изо всех сил мигала, прогоняя слезы, шмыгая покрасневшим носом.

Взмахнув своим меховым плащом, Гарет отвернулся от нее.

— Может быть, малютка предпочтет взять с собой наверх мужчину вместо мальчика. Ночь холодна. Я тоже не против, чтобы нежное молодое тело согрело мою постель. Включите мою ставку вместе с остальными.

Жалобный стон донесся из угла, где валялись связанные братья Ровены. Рыцари обменялись непонимающими взглядами.

Персиваль поднял одну бровь.

— Я не слышал, чтобы подобные развлечения были вам по вкусу, сэр Гарет.

Гарет мгновенно навис над Персивалем, как скала.

— Но зато ты наверняка слышал обо мне кое-что другое, не так ли, Персиваль?

Персиваль, скрывая досаду, разглядывал свои безупречные ногти.

— Ваша ставка ничем не хуже других, конечно. — Он обменялся неуверенным взглядом с приятелями. — Но я хочу, чтобы вы знали наши условия. Тот, кто возьмет ее наверх, будет лишь первым среди других.

Рука Гарета с любовной лаской погладила рукоять меча.

— Если выиграю я, я буду первым. И последним.

Взгляд, которым он окинул всех в зале, предлагал любому из них возразить ему. Никто не решался.

— Это потому, что он задушит меня, получив удовольствие, — пробормотала Ровена.

Никто не взглянул на нее, кроме Гарета. Уже один взгляд его мог убить, ему не нужны были неудобства, связанные с удушением. Ровена без сил опустилась в кресло.

Гарет опустился на колено в кружке остальных. Его приветствовали похлопыванием по спине и добродушными шутками, как будто они были давно не видевшимися братьями. Он ни разу не взглянул на нее.

Глаза Ровены пожирали его с тем фатальным любопытством, с которым обреченный разглядывает виселицу. Бросая первый раз кости, он скинул плащ. Его длинные волосы растрепались. Они черным каскадом рассыпались по плечам. Ровена наблюдала, едва дыша, как он уронил игральные кости в складках своего плаща. Он собрал их с улыбкой извинения за свою неловкость. Кости были брошены раз, второй и в третий раз расположились изящной дугой, вызвав у рыцарей стон разочарования и злобных поздравлений.

Она все еще сидела в оцепенении, когда он поднял ее лицо своей рукой в нарукавнике. Она проигнорировала это.

— Пойдем-ка наверх, прекрасная Миньон. Я горю от нетерпения испробовать множество твоих трюков — сказал он весело.

Она одарила его испепеляющим взглядом. Рыцари расхохотались.

Персиваль опрокинул свой кубок с утешительной дозой эля.

— Помочь вам доставить ее наверх? У нас есть веревка на случай, если она окажется строптивой. Мы могли бы даже поддержать ее, если это вам по вкусу.

— Надеюсь, не понадобится. — Гарет встал перед ней на колени. Он выдавливал слова сквозь зубы, сжатые в окаменевшей улыбке. — Ты будешь сопровождать меня или мне оставить тебя здесь, чтобы тебя разорвали эти самодовольные щенки?

— У меня только такой выбор?

— Только такой.

Он вновь протянул ей руку. Мгновение она смотрела на его ладонь, кожаный нарукавник, рукав кольчуги, но вечно это продолжаться, увы, не могло.

— Вы чудовище, — сказала она, принимая его руку.

— Твое, мнение не имеет значения для меня.

— И никогда не имело?

Она не сопротивлялась ему, пока они не подошли к куче спутанных тел. Маленький Фредди смотрел на нее унылыми глазами. Она остановилась, и рука Гарета сжала ее запястье железной хваткой. Ровена не подняла головы.

Он посмотрел на ее опущенную голову, затем повелительным жестом ткнул большим пальцем в сторону лежавших тел.

— Покормите их. Но пусть сидят здесь.

В его голосе ощутимо чувствовалось предупреждение. Рыцари в спешке заметались, выполняя его приказание. Ровена послушно последовала за ним вверх по лестнице.

Гарет притащил ее в комнату, где на решетке очага сияли угли. Не отпуская ее руки, он разломал стул и бросил его витые ножки в затухавший огонь. Ровена отпрянула, как будто ожидала, что следующим движением он бросит в огонь ее. Он дул на угли, как дракон. От него разлетались искры. Огонь оживился, схватив сухое дерево, быстро запылавшее в очаге. Комната наполнилась дурманящим запахом древесного дыма.

Гарет крепко держал ее, и она следовала за ним и когда он открывал сундук, колотя по нему ногой, пока не сломал замок, и когда распахивал ставни локтем свободной руки. В комнату ворвался снег. Гарет наклонился и зачем-то посмотрел вниз на нетронутый покров снега. Наконец он вынужден был отпустить ее, чтобы запереть ставни.

Затем повернулся к ней, и она невольно отступила, поскольку каждое его слово произносилось таким тоном, что хотелось отойти подальше.

— Если хотя бы один брат, или дядя, или какой-нибудь троюродный родственник троюродного

кузена выскочит на меня, размахивая мотыгой, мечом или трубой, клянусь, сначала я отсеку ему голову, а потом начну задавать вопросы. Это ясно?

Ровена кивнула. Пятясь назад, она наткнулась на что-то твердое и села. Гарет шагнул к двери и опустил деревянный брус, служивший засовом.

Прислонившись к двери, он срывал с рук свои перчатки, палец за пальцем.

— Не смотри на меня таким унылым взглядом. Прошу прощения, если оказался не тем рыцарем, которого бы ты выбрала сама.

Ровена отвела глаза, стараясь избежать его насмешливого взгляда. Комната была без углов, чтобы создать впечатление миниатюрной башни. В центре стояла кровать, а над нею на потолке, укрепленное в золотой витой раме, висело зеркало из кованого серебра. Ровена нахмурилась, представив, какое катастрофическое действие произведет падение этого зеркала на спящих. Ее пальцы задумчиво перебирали шелковые ленты, свисавшие с ручек кресла.

— Ты знаешь, что это за место? — Черты Гарета застыли, превратившись в непроницаемую каменную маску.

Ровена взглядела в тусклые изображения на расписных тканях, украшавших стены. Какие-то тела, искаженные лица.

— Замок, — произнесла она неуверенно. — Может быть, охотничий домик.

Гарет пересек комнату, направляясь к ней. Он наклонился, уперевшись руками в ручки кресла с обеих сторон.

— Да, Ровена, — сказал он тихо. — Замок. Хижина. Ты видела когда-нибудь зеркало, подобное этому?

В уголке зеркала Ровена увидела размытое изображение сверкающего золота ее волос рядом с его темными волосами. Она отрицательно покачала головой.

— А кресло, подобное этому? — Он провел ногтями по красному бархату на подлокотнике.

Ровена ощутила покалывание в руках, как будто Гарет провел так по ее коже. И вновь покачала головой,

— Это кресло, моя дорогая, было увезено из арабского гарема, возможно, каким-то набожным христианским рыцарем, привезшим его для своей любовницы. Оно очень дорогое и очень редкое. Видишь эти ленты? Они приспособлены для того, чтобы обхватить твои руки. — Она сидела, парализованная, видя, как алая лента мягкой петлей окружает ее руку, — А эти ленты приспособлены для того, чтобы закрепить ноги в удобной позе. — Его пальцы обвязали ее узкую щиколотку, потом другую, прижав их к ножкам кресла.

Ее нога резко дернулась. Она не сразу поняла, что он не завязал как следует ни одну из лент. Ее ступня ударила о его ногу, и он, наклонившись, схватил ее.

— Да, Ровена. Замок. Охотничья хижина. Дюжина скучающих молодых рыцарей. И какова же их охотничья добыча? Может быть, похотливая молодая вдова. Или невинная сельская девушка, похищенная из деревни. Если ты как следует разглядишь росписи, то получишь некоторое представление о том, что это за место.

Он взял ее за подбородок и заставил взглянуть на стену. Даже искажающие все слезы не могли скрыть изображения девушки, силой поставленной на колени у ног воина.

— Но они ведь рыцари... кавалеры... — произнесла Ровена чуть слышно.

Гарет встал на колени у ее ног.

— Добро пожаловать в реальный мир, леди Сокровище. Это тебе не романтическая легенда Ирвина. Мне крайне неприятно сообщать тебе это, но Пендрагон и Львиное Сердце умерли давным-давно. Рыцарство принадлежит теперь тем, кто достаточно богат, чтобы позволить себе его.

Ее глаза сощурились, превратившись в подозрительные голубые щелки.

— А как вы узнали об этом месте?

— Блэйн привел меня сюда однажды, когда мы были ненамного старше этих, внизу. А ты решила, что мне нравятся такие места?

Ровена пожала плечами.

— До какой развращенности я дошел, по твоему мнению?

Она глядела вниз, не отвечая.

Гарет сжал в ладонях ее лицо, разразившись проклятием, только подтвердившим ее мнение о нем. Когда он отнял руки, на его ладонях остались два круга темно-фиолетового цвета.

— Господь милосердный, — пробормотал он. Он стал стирать грим, нанесенный на ее лицо для выступления, пока бледность ее кожи не проступила сквозь слой щедро наложенной краски.

Она с визгом вывернулась из его рук. Он пихнул ее обратно в кресло и присел перед ней на корточки. Ровена ожидала, что ее колени окажутся притянутыми к ручкам кресла, а лента вопьется в щиколотки.

— Когда ты последний раз ела? — требовательно спросил он.

Ее лицо оставалось безразличным. Он потряс ее.

— Когда ты ела в последний раз, Ровена?

Она считала, шевеля губами. Затем вытянула четыре пальца.

— Три дня назад.

Гарет выругался коротко и выразительно. Он шагнул к двери, отбросив щеколду, наклонился вниз и прокричал:

— Принесите мне еды. Поскорей.

Внизу зашумели, потом послышались звон и гроыхание посуды. Гарет захлопнул дверь и встал возле нее, сердито глядя на Ровену. Она была избавлена от необходимости поддерживать беседу, поскольку почти сразу раздался стук в дверь. Не подозревая, что Гарет стоит с другой стороны, рыцарь ударил по ней со всей силой. Гарет дернул дверь, и рыцарь ввалился в

комнату, балансируя с полным подносом в одной руке. Он бросил любопытный взгляд на полностью одетую Ровену, сидящую, скромно сложив руки на коленях. Гарет выхватил поднос и выставил рыцаря наружу. Гарет поставил поднос на маленький столик. Ровена испугалась, когда он поднял ее вместе с креслом и опустил перед столиком.

Он оседлал стул напротив, глядя на нее поверх сложенных на груди рук.

Под его пронизывающим взглядом зверь голода в ее желудке, поскулив, свернулся и притих.

Она угрюмо смотрела на ломти соленого кабаньего мяса, политые коричневым соусом.

— Я должна есть?

— Да.

— Мне сегодня понадобится много сил?

— Хорошая мысль, миледи.

Дрожь, не имеющая ничего общего с холодом, охватила ее. Она решилась попробовать фасоль. Еда, имела вкус золы, поскольку именно такой вкус ей придавало присутствие Гарета, но Ровена съела все. Когда она закончила, Гарет схватил поднос, оставив лишь бутылку сладкого вина и кубок. Остальное выбросил за дверь. Поднос захлопотал вниз по лестнице. Дверь захлопнулась. Задвижка опустилась.

Ровена вздрогнула, увидев, как его сапог ударился в стену. Гарет сидел на краю кровати, стаскивая другой сапог.

— Начинать, — сказал он. — Пусть представление начинается. Я хочу увидеть твои трюки.

— Трюки, — тупо повторила Ровена.

Гарет снял кольчугу. В вырезе его рубахи были видны темные курчавые волосы.

— Да, да, трюки. Те, которые так легко продает Ирвин. Это он обучил тебя им?

— Некоторым из них.

Кольчуга зазвенела, с силой брошенная на пол. Гарет зловеще улыбался.

— Тогда покажи мне. Ты же знаешь, я не очень терпеливый человек.

Ровена пробормотала нечто нечленораздельное, затем встала, присев в реверансе.

— Как пожелаете.

Глаза Гарета потемнели, когда он оперся на локоть, глядя на игру огня, просвечивавшего сквозь ее изношенное платье. Она встала на колени, потом уперлась ладонями в пол. Гарет сел, выпрямившись, широко раскрыв глаза. Она быстро сделала стойку на руках. Ее стройные ноги сильно раскачивались в воздухе. Она почти минуту выдерживала эту позу, не обращая внимания на беспорядок в наряде. Затем, со вздохом усталости, упала на бок и, вскочив, отвесила грациозный поклон. Гарет глядел на нее как на сумасшедшую.

Ее улыбка исчезла.

— Вам не понравился этот трюк? Я умею еще кое-что. — Ее взгляд растерянно скользил по комнате. — Если бы вы потребовали веревку, я могла бы натянуть ее от камина до...

— Ровена!

— Сэр?

— Я имел в виду не эти трюки.

Она встретила его взгляд, не уклоняясь.

— Я знаю только эти трюки, милорд.

Гарет поднялся одним мягким движением. Ровена отступила на шаг.

— Я имел в виду трюки, которые ты показывала тому зеленоглазому щенку, когда я вошел.

Он медленно шел к ней. Ровена ударилась об арабское кресло и отскочила в сторону. Что толку было объяснять ему, что зеленоглазый мог уже считаться мертвым, когда она целовала его? Ее взгляд пробежал по комнате — вот меч Гарета, прислоненный к очагу. Но нужно быть совсем уж ненормальной, чтобы пытаться убить Гарета его же мечом. Даже Марли не стала бы шутить на эту тему. Поиски чего-либо массивного, чтобы ударить Гарета по голове, оказались тщетными. Ровена поняла, что он загнал ее в Угол. Шаг за шагом она неумолимо приближалась к кровати.

Его голос опустился до хриплого шепота.

— Я рассчитывал попробовать некоторые из твоих трюков, а затем показать тебе несколько моих.

Ровена весело спросила:

— Вы жонглируете, милорд?

Увидев, что никакие слова не замедляют его приближения, она перестала улыбаться. Наконец уперлась в каркас кровати. Она подняла руку, как будто ее хрупкая рука могла остановить его.

— Гарет, если вы верите, что моя семья пошла на то, чтобы продавать меня, а я — на то, чтобы зарабатывать таким образом на хлеб, то настало время признать, что вы жестоко заблуждаетесь.

Он пристально взглянул на нее.

— Может быть, утром я и смогу признать это. Высушить поцелуями слезы обиды и нежно просить твоего прощения.

Она решила вознаградит его за прямоту такой же откровенностью.

— Такие ухищрения, может быть, действуют на леди Алису, но не на меня. Я не прощу вас.

— Может быть, стоит рискнуть. — Он наклонился к ней. Его пальцы подхватили прядь ее спутанных волос и поднесли к губам. — Почему ты убежала из Карлеона?

Для Ровены было бы слишком опрометчиво признаваться в истинной причине этого, даже

самой себе.

— Потому что вы просили меня оставить вас в покое.

Он фыркнул, чуть не рассмеявшись.

— Если бы я попросил тебя остаться со мной в ту ночь, ты осталась бы?

Прядь ее волос выскользнула из его пальцев и шелковой паутинкой упала на лицо Ровены. Его рука скользнула под ее волосы, охватив шею сзади теплыми пальцами.

— Если я попрошу тебя лечь со мной сегодня, ты согласишься?

— Выбор ведь за вами, не так ли? За вами — сила. Никто не отзовется на мои крики о помощи. Персиваль и его приятели будут лишь рады им.

Палец Гарета нежно поглаживал мочку ее уха.

— Я ведь не о насилии говорю, Ровена.

— Рыцарь всегда имеет в виду насилие, касается ли это мужчин, подвластных ему, или женщины, которую он избирает, чтобы охранять из «рыцарских» побуждений.

Его пальцы стали более жесткими. Сердце Ровены испуганно колотилось. В его голосе послышалась горечь.

— Хорошо сказано, миледи. Ты заслужила бы похвалу Марли. Ты стала довольно опытной женщиной, находясь у меня.

— Я боюсь, что под вашим наставничеством стану еще более опытной до завершения этого назначенного года.

Его сильные пальцы ласкали ее шею с напряженной сдержанностью.

— Я потратил целый месяц этого года в погоне за тобой по всей Англии, в жестокий холод, лишь на шаг опережая толпу, которая желала видеть твою прелестную фигурку на виселице. Я мог бы лучше использовать это время, свернувшись в моей теплой, уютной кровати в Карлеоне.

— С леди Алисой?

— С тобой, — произнес он хрипло.

Ровена опустила глаза, страстно желая уткнуться лицом в мягкие складки его рубашки. Насытившись, она тем не менее чувствовала слабость и головокружение и страшную податливость на обольщения этого мужчины в черном облачении. Его пальцы заблудились в ее волосах. Желание поддаться обаянию мужчины, такого сильного и умелого, как сэр Гарет Карлеонский, было огромным искушением. Качнуться в его объятия, быть унесенной к кровати, отделанной горностаем, укрыться в тепле его тела. Она инстинктивно понимала, что такое подчинение ему обошлось бы наилучшим образом. Он был бы нежен и внимателен так, как только может быть мужчина.

Подчиниться ему!

Ровена повернула голову. Из-под руки Гарета она могла хорошо видеть окно. Под щеколдой,

запирившей ставню, осторожно продвигалось вверх лезвие охотничьего ножа.

— Боже мой! — завизжала Ровена, когда щеколда, загромыхав, упала и ставня распахнулась.

— Что случилось? — Брови Гарета сдвинулись в недоумении, когда она как безумная вскочила на ноги.

— Что случилось? — зло повторила она. — Что случилось? Неужели вы не можете как следует запереть ставню? Я провела месяц, бродя среди льдов и снегов. Не хватало мне еще снега в спальне!

Она схватилась за край ставни. Выглянув с отчаянием за окно, она увидела пару глаз, таких же серебристо-серых, как лезвие, зажатое между зубами. Маленький Фредди стоял на плечах Ирвина, Ирвин балансировал на спине Большого Фредди. Маленький Фредди схватился за ставню и тянул ее на себя. Ровена же упрямо тянула ее обратно, стараясь не поддаваться умоляющему взгляду серых глаз. В ее ушах все еще звучала клятва Гарета сначала убить, а потом задавать вопросы. Только услышав его шаги за спиной, она нашла в себе силы захлопнуть ставни, прищемив пальцы брата.

Ровена развернулась, громко хлопая в ладоши, чтобы заглушить крик боли и звук падения тел, донесшиеся снизу. Вероятно, она выглядела более чем странно.

— Все в порядке, уже все в порядке, — без умолку повторяла она.

Гарет подошел к ней медленными и осторожными шагами, как будто подозревал, что она может выскочить из окна.

— Я понимаю, что ты боишься, Ровена. Но не надо впадать в истерику. Я не зверь. Я могу быть добрым.

Она одарила его яркой улыбкой.

— Конечно, вы можете.

Послышались робкие скребущие звуки, как будто окно осаждала упорная и вдобавок летающая крыса. Ровена бросилась вперед и схватила Гарета за руку с силой, удивившей ее саму. Она толкнула его в арабское кресло.

— Вам удобно здесь, сэр? — спросила она, изобразив нежную заботу.

Щеки ее залились краской. Спутанные локоны рассыпались в беспорядке по плечам и лицу. Она не могла знать, какое очаровательное зрелище являла собой, наклонившись к нему подобным образом.

— Мне было бы удобнее в постели, — проворчал он.

Ровена лихорадочно подыскивала слова. Скребущие звуки за окном превратились в упорное громыхание ставни.

Гарет посмотрел через плечо.

— Ветер усилился.

Сердце Ровены лихорадочно колотилось. Ее взгляд метался по комнате в поисках чего-либо,

чем можно было бы отвлечь его внимание от окна. Она увидела одну из соблазнительных сцен, вышитых на декоративных тканях, украшающих стены комнаты.

Подражая этой сцене, она разгладила свои юбки, как будто они были из тончайшего атласа, и затем грациозно села на колени к Гарету. Его ноги были твердыми, как железо. Ровена, стараясь не растеряться раньше времени, взяла в ладони его лицо и прижалась губами к его рту.

Губы его тут же раскрылись в ответ на такую смелость, и его язык погрузился в упоительную сладость ее рта. Он рукой обхватил ее талию, прижимая Ровену к себе со всей силой страсти. Юбки как будто сами собой завернулись вверх, и только изношенное полотно рубашки осталось единственной преградой, отделяющей его жадные пальцы от ее мягкого тепла. Гарет застонал. Его рука прижимала ее все крепче. Ровена боялась, что даже одежда не воспрепятствует ему удовлетворить жажду, которую она сама так неосмотрительно возбудила.

Опьяненная незнакомыми ощущениями, ценная его прикосновениями, Ровена забыла причину, заставившую ее поступить так, как она поступила. Ей казалось, что грохот молодых кулаков по дереву был лишь отзвуком биения ее сердца. Но вот ставни поддались напору, рассыпавшись в щепки, и в башню влетел эльф с серебристыми волосами.

14

Гарет отшвырнул Ровену на пол в наиболее безопасное место, кинувшись сам — это укоренилось в нем с раннего детства, инстинкт воина, — туда, где был его меч. Он обнажил свой палаш и в три прыжка пересек комнату. Поднял меч над головой, готовый погрузить его в сердце убийцы, ворвавшегося через окно. Лезвие дрогнуло, затем замерло, не окончив своего движения вниз.

На него смотрели стальные серые глаза. Маленький Фредди лежал на спине с полусогнутыми ногами, опершись на локти. Зазубренный охотничий нож отлетел на пол в нескольких футах от него. Он глядел на Гарета без тени мольбы в серебристых глазах.

— Ты... — выдохнул Гарет.

Мольбой, отсутствующей в лице Маленького Фредди, были с лихвой наполнены глаза Ровены, которая бросилась к брату, накрыв собой его худое тело.

Она взглянула в лицо Гарета. Черты его были как будто вытесаны из камня.

Ее голос был тихим и настойчивым.

— Гарет, пожалуйста. Не отрубай ему голову. Я прошу тебя. Не трогай его. Я сделаю все, что ты потребуешь.

Краска прилила к лицу Гарета, когда он с некоторым опозданием понял причину внезапного проявления ее страсти к нему. Его глаза одарили ее презрительным взглядом, оскорбляя без слов. Он смотрел на копну спутанных золотистых волос, спадающих на лицо, на изгиб стройного бедра там, где задралась юбка, на ее раскрытые губы.

— Все? — услышал он свой холодный вопрос.

— Все, — повторила она. Ее глаза смело встретили его взгляд, хотя ей и пришлось для этого сжать зубы.

— Ровена! — Маленький Фредди извивался, придавленный ею. — Не заключай никаких сделок с дьяволом.

— Не шевелись! — взревел Гарет, с силой опустив свой меч. Его лезвие на двадцать сантиметров погрузилось в деревянный пол между коленями Ровены. — Я бы пронзил им ваши сердца, — прошипел он, — если бы думал, что у кого-либо из вас оно есть.

Две пары широко раскрытых глаз глядели, не мигая, на вибрирующую сталь. Слышно было, как Ровена сглотнула.

Гарет гордо прошел через комнату и плеснул вина в кубок.

— Актеры! Если бы вы заставляли вашу сестру выполнять в деревнях такое представление, какое она исполнила только что для меня, вы не знали бы, куда девать золото.

Щеки Ровены порозовели от смущения. Она и Фредди вскочили на ноги. Гарет поставил кубок и подошел к ним. Он чуть раскачивался на каблуках, заложив руки за спину. Его глаза светились странным огнем.

— Я хочу удостовериться, что правильно понял вас, леди Фордайс. За то, что я пощажу голову этого дерзкого юноши, вы позволяете мне требовать от вас всего, что я пожелаю.

Ровена смотрела ему прямо в глаза. Она кивнула, отмахнувшись от отчаянного шепота Маленького Фредди.

Гарет скрестил руки на груди.

— И никакого раскаяния. Никаких упреков. Никаких слез и обвинений назавтра.

— Никаких, — тихо сказала Ровена.

— Ты бессердечный негодяй! — Маленький Фредди бросился на Гарета, но Ровена поймала его сзади за шею и сжимала до тех пор, пока его ругательства не перешли в нечленораздельное мычание. Она не сводила глаз с лица Гарета.

Он тоже смотрел на нее с холодной улыбкой.

— Все, что от меня требуется, это оставить голову вашего брата на его же плечах.

Она торжественно кивнула, но вдруг заколебалась. В ее глазах мелькнуло что-то неуловимое.

— Ваше предложение принято, — сказал Гарет.

— Нет, — вдруг произнесла она. Маленький Фредди под ее рукой с облегчением обмяк. Гарет, подняв одну бровь, резко повернулся к ним.

— Нет?

— Нет. Жизни Маленького Фредди недостаточно. Я хочу большего. Вы должны обещать ему вашу проекцию. Даже после того, как я проведу у вас положенное время и вы лишите меня вашего общества, вы должны найти ему место у вас или у кого-либо другого. В качестве оруженосца. Когда же он достигнет должного возраста, вы поможете ему заслужить звание рыцаря.

Маленький Фредди снова стал вырываться, удваивая усилия с каждым ее словом. Его нога понемногу подбиралась к охотничьему ножу. Ровена безжалостно ткнула его локтем в живот, и он со стоном согнулся пополам.

Гарет закрыл наконец открытый в изумлении рот.

— Ровена Фордайс, я поражен! Я думал, что ваша жадность ограничивается лишь желудком. Но вы оказались драгоценным камнем со многими гранями. Вы потрясли меня, миледи.

Ровена никак не отреагировала на его издевательский тон. Цинизм Гарета соперничал с его восхищением перед лицом ее каменной сдержанности. На его щеке дернулся мускул. Он повернул лицо к огню, надеясь, что колеблющееся пламя скроет это.

— Ваша цена возрастает с каждой уходящей секундой. Я должен поспешить с согласием, если не хочу, чтобы меня принудили принять всю вашу семью и сделать вашего отца моим пажом. Что заставляет вас думать, что я желаю навечно обременить себя этим упрямым щенком? Он проявил себя чрезвычайно дерзким. И еще это нездоровое пристрастие к мученичеству.

— Он способный, — быстро сказала Ровена. Пальцы Маленького Фредди опять потянулись к ножу. Она схватила его за волосы и несколько раз приложила головой об пол, пока он не впал в состояние смиренной апатии. Тогда она устроила его голову у себя на коленях. — Он способнее всех нас.

Гарет погладил бороду.

— Я обещаю вам это.

— У него мог быть шанс стать рыцарем, если бы отец не повредил ногу. Ему просто не повезло. Он не виноват в этом.

— Да, верно. А вы теперь восстанавливаете справедливость. Как благородно! — Тон Гарета был просто невыносим. — Может быть, он слишком молод, чтобы стать оруженосцем.

— Может быть, и я слишком молода для вас. Его губы скривились. Удар был неожиданным.

Он любовно провел одним пальцем по рукояти меча, воткнутого в пол.

— Стоите ли вы этого, Ровена?

Ровена дерзко отбросила назад свои волосы.

— Вам придется самому судить об этом, не так ли, сэръ?

Гарет почувствовал возбуждение, проводя взглядом по изгибу ее шеи, вниз, до нежных возвышений груди.

— Очень хорошо. Дьявол принимает ваши условия.

Ровена поднялась на ноги одним мягким движением и встала лицом к лицу перед ним. Маленький Фредди застонал.

— Поклянитесь.

Гарет с удивлением глядел на нее.

— Моему слову обычно доверяют.

— Поклянитесь.

— Бог мой, вы просто ненасытны. Даю вам клятву как рыцарь, в том...

— На коленях.

С ворчанием Гарет опустился на колени у ее ног. Глаза его прожигали ее, как жаркие угли. Впервые Ровена была рада, что между ними — холодная сталь его меча. Он проскрежетал сквозь сжатые зубы обещание протекции Маленькому Фредди на протяжении всей своей жизни. Юноша стонал, корчась на полу, но Ровена удовлетворенно кивала.

Гарет выбросил руку и обхватил ее запястье железным обручем своих пальцев.

— Теперь вы можете дать свою клятву, миледи. На коленях, — быстро добавил он.

— Как пожелаете, милорд. — В ее глазах он увидел стальной отблеск, неведомый ему прежде.

Он поднялся на ноги и поднял с пола Маленького Фредди, взяв его за ворот туники. Ровена схватила его за рукав.

— Вы поклялись не причинять ему вреда.

Гарет отмахнулся от нее, как будто она была не более чем надоедливая муха.

— Я не причиню ему вреда. Я просто выставлю его вон. — Он шагнул к окну, переступая через обломки разбитой ставни. Маленький Фредди широко раскрыл глаза. — Он вполне может выйти тем же путем, каким вошел.

Ровена бросилась на спину Гарета, обхватив своей изящной рукой его шею.

— Вы не должны. Вы убьете его. Вы обещали.

Гарет со вздохом выпрямился. Ноги Ровены болтались в футах от пола.

— Женщина, ты испытываешь мое терпение. Даже не трудясь отцепить ее, он высунулся из окна.

Внизу бродили две темные фигуры.

— Кто там ходит? Ирвин, это ты? — позвал он. Сначала тишина, нарушаемая лишь шорохом падающего снега, затем — слабое:

— Да, сэр.

— У меня есть кое-что для вас. Ловите.

Ровена соскользнула со спины Гарета, закрыв лицо руками. Гарет отпустил Маленького Фредди вниз. Она ожидала предсмертного крика, но услышала лишь приглушенное пыхтение, за которым последовало робкое:

— Большое спасибо, сэр.

— Не стоит. — Гарет высунулся сильнее, глядя вниз на бледное, круглое лицо Ирвина.

Ирвин прочистил горло, прежде чем сказать:

— Мы должны идти, сэр.

— Не далее стойла, пожалуйста.

— Конечно, сэр.

Гарет стоял, погрузив пальцы в снег, скопившийся на подоконнике, глядя, как две темные фигуры бредут прочь, неся свой неуклюжий груз. Ровена перекрестилась, произнося молитву благодарности за то, что Маленький Фредди не убит и не изувечен.

Она наблюдала, как Гарет высвобождает меч. Он оторвал кусок драпировки и рукоятью меча прибил ее к зияющему провалу окна. Теперь оттуда на Ровену глядели персонажи выбранной ею для отвлечения Гарета сценки. Ровена стыдливо отвернулась от озорно подмигивающих и многозначительно усмехающихся лиц, запечатленных на гобелене. Гарет склонился перед очагом, подбрасывая остатки злополучной ставни в затухающий огонь.

Не поворачиваясь к ней, он сказал:

— Скажи мне, Ровена, скольким мужчинам ты предлагала себя ради спасения твоей незадачливой родни?

— Только одному. Вам.

Он яростно сунул в пламя последнюю доску.

— Если ты лжешь, я обнаружу это.

Ровена разглядывала свои потрескавшиеся ногти, бросая взгляды из-под опущенных ресниц на его широкую спину. Он подошел к столу и налил себе еще один кубок вина. Его движения были вкрадчивы и нарочито неторопливы. Когда он направился к ней, Ровена подумала, что не сможет удержаться от мольбы о пощаде. Но ведь она поклялась не жаловаться. Она продала себя так же, как любая шлюха, теряя право на нежность, которую он мог бы проявить к ней.

Он опустился в арабское кресло, зажав кубок в руке.

— Я ведь, кажется, сидел здесь, а ты устроилась у меня на коленях, очень очаровательно соблазняя меня. Продолжай.

Сердце Ровены опустилось. Она пересекла комнату и скользнула ему на колени. Он глядел прямо вперед, с непроницаемым и бледным, как мрамор, лицом.

Коротко вдохнув, она прижала свои губы к его рту. Ее поцелуй был неумелым, и она знала это. Его губы не раскрылись на ее поцелуй, но взгляд был теперь устремлен на ее лицо. Он изучал ее сузившимися глазами. Она решилась поцеловать его вновь, обняв за шею. Гарет оставался холоден, как статуя, в ее объятиях. Ее щеки горели, и она ненавидела себя за это.

— Вы насмехаетесь над моей неопытностью, сэр. Я не столь сведуща в искусстве любви, как вы.

Кубок с громким звоном покатился по полу. Гарет схватил ее за руки.

— Это ты насмехаешься надо мной. Я ничего не знаю о любви. И не хочу узнавать.

Глубоко в глазах Гарета Ровена увидела страх, более глубокий, чем ее собственный. Она ощутила угрозу в его словах, очень реальную угрозу, подобную кинжалу, приставленному к горлу. Но она с радостью бросилась бы на кинжал, чтобы разрушить стену, которую он так старательно возвел вокруг себя. Ее руки сплелись вокруг его шеи, обезоруживая покорностью. Она наклонилась вперед и нежно провела своим маленьким язычком по его сомкнутым губам, чувствуя, как они раскрываются, подчиняясь ее желанию. Он ответил на ее поцелуй, раскрыв губы и лаская ее язык своим языком. Его пальцы гладили ее ладонь, заставляя кровь приливать к ее животу. Она тихо застонала.

Он со смехом откинул голову.

— Хочешь устыдить меня своей покорностью?

— Я же поклялась не умолять и не просить пощады, не так ли?

— И ты, конечно, леди чести. — В словах Гарета чувствовалась странная нотка, как будто он смеялся над самим собой. Он мягко взял в ладони ее лицо и посмотрел в глаза. — Если бы я позволил тебе умолять меня, о чем бы ты просила?

— Если я нужна вам лишь для того, чтобы отомстить моему отцу, я просила бы вас бросить меня Персивалю или любому из них. — Ее взгляд не уклонился и сторону.

В его глазах застыло изумление.

— Боже праведный, я верю твоим словам. Неужели ты так ненавидишь меня?

Ровена опустила глаза.

— Мне легче было бы вытерпеть их жестокость, чем вашу.

Он притянул ее к своей груди, положив подбородок на ее голову.

— Непостоянное дитя. Чью же ласку ты предпочла бы моей? Может быть, зеленоглазого, которого ты целовала с тем пылом, в котором отказываешь мне? Или твоего дорогого помолвленного? — Его рука скользнула к ее груди. Палец круговым движением ласкал сосок под грубым полотном. — Ты бы хотела, чтобы неловкие руки Ирвина ласкали тебя так?

Ровена, задохнувшись, открыла рот, ощущая, как жар пальцев Гарета растекается по всему телу. Она уткнулась ему в грудь, опуская ворот его туники своим подбородком, пока не погрузила лицо в густые волосы на его груди.

— Ирвин предлагает мне почтенное единение, благословляемое богом. — Даже для нее самой ее благочестивые слова звучали не очень убедительно.

Гарет заставил ее поднять лицо, изучая его черты в мягком свете огня. Он подчеркивал каждое свое слово, скользя губами по нежнейшему овалу ее щеки.

— Что же предлагаю тебе я? Медленный путь в ад?

Его губы остановились на ее шее, там, где бешено бился пульс. Околдованная жаром его губ, Ровена откинула голову, как будто слишком ослабла, чтобы выдерживать вес собственных волос. Получив в безраздельное обладание ее нежную шею, Гарет проник рукой за ворот

платья. С нежностью, которую он не подозревал в себе, его пальцы гладили и дразнили отвердевший бутон ее груди, пока ее тело не охватил трепет.

Голова ее была в изнеможении откинута назад. Песочного цвета ресницы трепетали. Ноги слегка раздвинулись. Она казалась созревшей для любви. Гарет сам не ожидал той дрожи, которая охватила его. Его рука нежно погладила щеку Ровены, побуждая ее открыть глаза. Они засияли, как звезды в небе, заждавшемся конца ночи.

— Я испытывала такой холод и жажду без тебя, Гарет. — Ее пальцы касались его губ, как бы в попытке запечатлеть в памяти их контуры.

Его губы раскрылись, даря нежный поцелуй каждому ее пальцу. Рука, ласкавшая ее грудь, скользнула ниже, дразня плоскую поверхность живота. Ее голубые глаза неотрывно глядели на него.

Казалось, вся прошлая жизнь вела его к этому моменту. В его власти было освободить ее от заключенного договора. Но момент, когда Гарет был еще в состоянии остановить свою спускающуюся под ее рубашкой руку, уже миновал. Рука скользила между грубыми складками полотна, пока наконец не обрела покой в изумительной мягкости завитков между ее ног. Гарет опустил голову, отчасти чтобы успокоить Дыхание, отчасти — чтобы скрыть румянец, разлившийся по его щекам, подобный румянцу мужчины, впервые рождающегося из юноши.

Он прижал губы к изящному колокольчику ее уха.

— Я с тобой, моя леди. Я с тобой. Тебе никогда больше не придется испытать жажду вновь. — Его хриплый от страсти голос перешел в стон, когда один из его пальцев погрузился в нее, дотронувшись до теплого, влажного обещания экстаза, о котором он не позволял себе мечтать.

Она закинула руку ему на шею в страстном объятии. Гарет, подхватив Ровену на руки, понес ее к кровати.

Он положил ее на пуховое покрывало. Когда танцующее пламя отбросило на нее тень широких плеч Гарета, Ровена вздрогнула, больше от страха, чем от холода.

Гарет склонился над нею.

— Ты никогда больше не испытаешь холода. Ее нам суждено сгореть, мы сгорим вместе.

Его пальцы погладили ее шею, словно касаясь бархата. Рот отыскал шелковую мягкость ее губ и раскрыл их, не спеша наслаждаясь ими. Ровена ответила на его поцелуй с пылкостью, которой не знала ранее. Она с готовностью прижимала свое тело к его мускулистой груди, пока соблазняющий ритм движений его языка, находящего глубочайшие уголки ее рта, не разжег в ней неистового желания.

Он оторвался от нее со стоном, сдергивая мешающее платье с ее плеч. Ее руки вплелись в его буйные волосы, когда он опустил голову к ее груди, нежно лаская ее коралловый пик замедленными поглаживаниями губ и языка. Новая жажда рождалась внутри нее. Ровена с удивлением глядела на пряди серебра, вплетенные в его темные волосы. Она покорно приподнялась, когда он снимал с нее платье.

Розовый румянец покрыл ее груди и шею, когда она оказалась обнаженной перед жадным огнем его взгляда. Но ее глаза оставались открытыми и доверчивыми. Она взяла его руку и поднесла к губам. Ее зубы нежно прикусили его большой палец.

— Я жду, милорд, — сказала она с трепетной улыбкой. — Вы обещали мне утоление моего голода и жажды.

Он снял рубаху и обнажил зубы в улыбке.

— Я обманул тебя. Я сам намерен насыщаться тобой.

Ровена вновь вспомнила о волке, когда Гарет опустил голову к ее шее. За игривой лаской его языка последовало легкое покусывание зубами. Рот его скользил все ниже, следуя по впадинам и холмам ее нежного тела, дразня и возбуждая ее.

Наслаждение распространялось по ее телу, опутывая паутиной ее собственных желаний. Его руки охватили полушария ее ягодиц, затем скользнули ниже, с искусной нежностью приглашая ее раздвинуть бедра. Она закрыла глаза и повернула лицо к покрывалу, захлебываясь страстным стоном, в то время как его пальцы и губы наигрывали на ее теле неземную мелодию, заставляя каждый мускул включаться в эту песню любви.

Она дышала так, как будто долго бежала. Ее глаза стали огромными и туманными от ошеломляющих чувств. Гарет встретился с ней взглядом. Она инстинктивно поняла, что время игры прошло. Его глаза сузились в темные щелки страсти. Трепет пробежал по телу Ровены.

Руки Гарета дрожали, когда он встал на колени и начал расшнуровывать рейтузы. Ровена закрыла лицо руками.

Она крепко зажмурилась, когда он взял ее руку в свою.

— Ровена, — сказал он тихо.

— М-м-м?

Он потянул к себе ее руку. Ее ладонь раскрылась, и она обнаружила в ней нечто твердое как сталь, обернутое в бархат. Ее рука поглаживала это по всей длине с любопытством и удивлением. Из горла Гарета вырвался хриплый звук.

Ровена отдернула руку.

— О боже, — простонала она, — вы убьете меня этим, милорд.

Гарет прижался к ней со смехом.

— Ты льстишь мне, моя дорогая. — Он поднялся на локте и взглянул глубоко в ее глаза. — Клянусь тебе, что не убил этим еще никого.

По его лицу пробежал ряд неуловимо быстрых теней. Ровена взяла его лицо в свои руки и прижалась губами к его рту. Его язык нежно проник между ее губами, как бы приготавливая ее дрожащее тело к другому, более глубокому проникновению. Она оставила страх, не позволявший ей расслабиться. Ее колени раздвинулись, и она услышала стон наслаждения, вырвавшийся у Гарета.

Сначала ей казалось, что непреклонное лезвие входит с безжалостной медлительностью в ее самую нежную плоть. Она не позволяла стону боли сорваться с губ. Тяжелое тело Гарета дрожало, и Ровена понимала, чего стоит ему его медлительность. Он был мужчиной, привыкшим яростно отвечать на каждый вызов, который жизнь предлагала ему. Теперь же ему

приходилось сдерживать свою неистовую страсть, облегчая ее боль.

Ровена оторвалась от его поцелуя и прижала губы к его уху.

— Наполни меня всю. Сейчас, — прошептала она.

Ей не пришлось просить дважды. Гарет наполнил ее своей плотью, разрушая последнюю хрупкую защиту ее невинного тела. В течение долгого момента он наслаждался ощущением обладания ее телом. Ее дыхание стало коротким и отрывистым. Он вгляделся в ее лицо, ожидая знака, что она готова полностью принять его.

Она вопросительно взглянула на него.

— Это все? — Ее удрученное выражение растопило его сердце.

— Нет, мое сокровище. Это только начало.

С этими словами он начал двигаться глубоко внутри ее. Ее глаза закрылись, голова поворачивалась из стороны в сторону. Гарет проникал все глубже, ускоряя свои движения, пока Ровена не осознала, что существует голод, более ненасытный, чем голод желудка. Ее руки схватились за его плечи, ощущая игру мускулов, скрытых под жесткими шрамами. Она требовала от него вести ее дальше, к краю ада и обратно, пока не уверилась в том, что может видеть и с закрытыми глазами сияющие звезды самих небес.

Порыв ветра поднял расшитую занавесь на окне позади Гарета. Дерево ставни в огне вздохнуло в последний раз, умирая и разбрасывая веер ярких искр. Зеркало над кроватью выдавало свои секреты. Ровена видела напряженную спину Гарета. Вдруг он изогнул шею, его мышцы превратились в натянутые канаты. Гортанный вскрик вырвался из его горла, и затем он упал, истощенный.

Она глядела в зеркало на бледную светловолосую незнакомку, лежащую под удовлетворенным телом мужчины, которого она любит. Она наблюдала, как пальцы женщины нежно пробираются сквозь спутанные потные волосы мужчины. Ровена закрыла глаза и слабая полуулыбка замерла на ее губах.

15

Гарет несся вниз по ступенькам, перескакивая через две сразу. Его мысли все еще были возле спящего ангела, которого он оставил свернувшимся на кровати. Он не осознавал, что напевает что-то, пока не перепрыгнул через последнюю ступеньку и его низкий баритон не замолк, натолкнувшись на глубокое молчание.

На него глядели три мрачных лица. На мгновение Гарет увидел себя таким, каким видели его они, — волосы спутаны, туника измята, рейтузы в пыли, поскольку валялись на полу. Ирвин отодвинул в сторону блюдо, как будто внезапно лишился аппетита. На его плечах был накинут плащ, который Гарет сбросил прошлым вечером. Большой Фредди повернул угрюмое лицо к огню, а Маленький Фредди глядел в упор на Гарета, выдалбливая дырку на дубовом столе тупым концом своего ножа.

Гарет оглядел зал, который был пуст, и на лице его замер вопрос.

— Признавайтесь, парни. Вы напали на рыцарей Мидгарда? Они связаны и лежат в стойлах? — весело спросил он.

— Рыцари, — хмыкнул Большой Фредди.

— Рыцари убежали, — с презрением сказал Маленький Фредди. — Ирвин рассказал им, что значит Ровена для вас. Они разбежались, как крысы по норам, боясь, что вы можете проснуться в плохом настроении.

Гарет повесил железный котелок с водой над огнем. Ирвин, закутавшись поглубже в меховую накидку Гарета, хотел снова подвинуть к себе блюдо с едой, но его уже перехватил Гарет, подошедший сзади.

— Ну что ж — соленая рыба и сыр, недурно. Интересно, откуда эти ублюдки достают свежий виноград в это время года? Ровена любит виноград?

Ирвин открыл рот, чтобы ответить, но Большой Фредди опередил его:

— Она никогда не пробовала его. В Ревелвуде уже не было винограда к тому времени, когда Ро подросла.

Гарет поджал губы, как бы размышляя о чем-то.

— Как ты думаешь, Маленький Фредди, твоя сестра обрадуется винограду?

Маленький Фредди откинулся назад, сидя на скамье, и скрестил руки на груди.

— А вас это заботит?

— Несомненно.

Их глаза встретились в молчаливом сражении.

— Вода кипит, — проворчал Большой Фредди.

— Да, действительно.

Гарет бросился к очагу. Он обернул тряпкой руку и, сняв котелок, поставил его на камни охладиться. Положил блюдо на колени Большому Фредди.

— Понаблюдай за этим виноградом, ладно? — прошептал он, бросив искоса взгляд на Ирвина. — Я должен приглядеть за лошадей.

— Нет необходимости, — ответил Большой Фредди. — Это уже сделано.

— Премного благодарен. Ты не сделаешь еще кое-что для меня? — Гарет почти видел, как наострились уши Ирвина. Он наклонился ближе к уху Большого Фредди и прошептал: — Приготовь лошадей для возвращения в Карлеон.

Большой Фредди спросил, глядя по-прежнему прямо вперед:

— Вашу и Ровены?

— Всех лошадей.

— Да, сэр.

Гарет прихватил с собой небольшое полено, засунув его под руку, повесил на палец котелок с водой протянул ладонь. Большой Фредди подал ему блюдо. Гарет, к негодованию Ирвина, подмигнул ему и стал подниматься по лестнице, балансируя своими сокровищами с величайшей осторожностью. Лишь пройдя первый поворот закрытой лестницы, он продолжил пение.

Ровена прижала подушку к животу, мурлыкая имя Гарета. Подушка не отвечала. Ровена села, закутавшись покрывалом от пронизывающего холода. Голод тоже давал о себе знать. Честно говоря, ей казалось, что живот просто прилип к позвоночнику. Неужели Гарет уже забыл свои клятвы? Он обещал изгнать голод и холод из ее жизни навсегда. Неужели все было лишь красивыми пустыми словами, предназначенными для того, чтобы вернее удовлетворить его страсть? Эта ненасытная страсть заставляла его вновь и вновь обладать ею в эту ночь, порой нежно, порой неистово, пока они наконец не уснули в изнеможении в объятиях друг друга. Что он обещал леди Алисе за ее благосклонность? Мешок золота? Горсть жемчугов? Как он, наверное, смеется теперь над ней! Бедная Ровена Фордайс, завоеванная обещанием жареной ветчины и разведенного огня!

В отчаянии она оглядывала пустую комнату. Может быть, темный лорд уже оставил ее на милость веселой компании рыцарей, которые наткнутся на Мидгард? Она уже почти слышала их непристойные песенки.

Одна из них раздавалась все громче. Ровена так глубоко погрузилась в свои мрачные фантазии, что, когда дверь распахнулась, она в первую секунду замерла в страхе, разглядывая Гарета, как будто он был привидением, явившимся почему-то с утра. Но улыбка, игравшая на его губах, сияла как солнце, прорвавшееся сквозь гряды грозových туч. Ровена протянула к нему руки. Гарет остановился, прервав песню на половине вдоха. На его лице было выражение, неведомое Ровене ранее. У нее возникло ощущение, что она видит призрак молодого Гарета, стеснительного и смущенного, может быть, даже не уверенного в себе.

Когда он не сдвинулся с места, чтобы обнять ее в ответ на ее призыв, волна такого же смущения охватила и ее. Она сделала вид, что просто потягивается.

— Этот цвет вам к лицу, милорд, — промолвила она, имея в виду тонкую шерстяную ткань, переброшенную через его плечо. — Красиво оттеняет ваши волосы.

— Если будешь вести себя хорошо, — ответил он, — я, может быть, одолжу ее тебе.

Гарет сунул полено в ослабевающий огонь, а все прочее, принесенное с собой, сложил на стол. Он подошел к кровати и помахал перед веснушчатым носом Ровены замечательным платьем самых изысканных оттенков розового цвета. Она потянулась за ним, но он отдернул его, весело улыбаясь. Его глаза скользнули по ее обнаженным плечам, выглянувшим из-под съехавшего покрывала.

Ровена натянула покрывало до самого носа, поглядывая поверх него озорными голубыми глазами.

— Если будешь вести себя хорошо, я, может быть... — произнесла она приглушенным голосом, но не смогла закончить фразу.

Великолепный наряд полетел на пол, когда Гарет кинулся на нее. В воздух полетели перья, когда он перекатился на спину, а она оказалась наверху. Покрывало окутало их обоих. Теплые руки Гарета обхватили ее талию.

Его глаза сверкали.

— Какая бессердечность! Ты не знаешь, каким опасностям я подвергался, добывая эти сокровища для моей леди. Я столкнулся с тремя драконами, извергающими на меня огонь возмездия.

— Может быть, этих драконов звали Ирвин, Фредди и еще один Фредди?

— Может быть.

Ровена притихла.

— И ты убил этих драконов своим мечом?

— Увы! Я был безоружен. Мне пришлось смиренно выносить их кислые взгляды и оскорбительное бормотание. Силы моего могучего меча были истощены одной очаровательной дамой, которая теперь насмехается над моими скромными дарами.

Ровена уперлась ладонями в его грудь, тщетно пытаясь ускользнуть.

— Твой могучий меч вновь обнаруживает признаки жизни.

Глаза Гарета сузились от страстного желания.

— Такая красавица могла бы и мертвого возродить к жизни.

Он сжал в ладонях ее лицо и притянул к себе. Когда она наконец выпрямилась, руки ее дрожали, а дыхание никак не могло успокоиться.

— И это — единственный дар, который ты принес мне? Или есть еще что-нибудь?

Гарет усмехнулся.

— Неизменная практичность.

Он сбросил ее с себя, и она с притворным визгом полетела в мягкую перину. Удобно устроилась под покрывалом, наблюдая, как он идет к столу за своими приношениями.

Склонившись перед нею, он поставил железный котелок рядом с кроватью, притворяясь, что несет нечто очень тяжелое.

— Ваша ванна, миледи. Ровена нахмурилась.

— Немного маловата...

— Не жалуйся, а то я сам запихну тебя в нее.

Ровена взглянула на котелок, всего лишь в фут шириной, и мудро замолчала.

Широким жестом он преподнес ей блюдо с угощениями. Ее глаза зажглись неподдельным интересом.

— Эти сокровища были отвоеваны у очень прожорливого дракона, с хлопающими ушами и чрезвычайно негодующим взглядом.

— Конечно, негодующим, ведь тут его любимый сыр. Ты лишил его большого удовольствия.

Гарет сел на край кровати, глядя ее волосы.

— А также его помолвленной.

— Ты, конечно, сгорал от стыда. — Ровена с наслаждением поглощала сочные кусочки рыбы и сыр. Она успела изрядно проголодаться.

— Только тогда, когда самый маленький дракон пронзил меня своим взглядом. Если бы это было лезвие, оно отсекло бы мою распутную голову.

— Как ты хотел отсечь его голову прошлым вечером. — Пальцы Ровены сжали виноградину, и ягода выскользнула из кожуры на кровать.

— Вряд ли я сделал бы это. Я замечаю в себе все большую симпатию к этому парню. Он достойный противник, особенно когда вооружен котелком или ножом.

Ровена от неожиданности раскрыла рот.

— Так ты не хотел убивать его?

Гарет тут же сунул ей в рот виноградину.

— Ни в коем случае.

— Значит, ты провел меня!

Он вздохнул. Его пальцы гладили шелк ее щеки.

— Неужели мы будем до самой смерти обсуждать мои права на тебя? Сколько раз я должен завоевывать тебя, чтобы ты убедилась, что принадлежишь мне?

Ровена проглотила виноградину целиком.

— Ты и перед этим не выиграл меня у рыцарей. — Она отвела его руку. — Ты перевернул кости в своей мантии. Ты надул их.

Гарет встал.

— Последний человек, который сказал мне такое, получил хороший удар копьём в горло.

— За что? За то, что сказал правду?

Гарет пнул ногой котелок, перевернув его.

— Да, я обманул их! А ты бы предпочла, чтобы я позволил этому негодю Персивалю унести тебя наверх? Или чтобы я убил его только за то, что он взглянул на тебя?

— Но, может быть, ты надул и отца ради меня, с самого начала?

Ее безмятежность выводила его из себя.

— В противоположность твоему чудовищному мнению обо мне, я не занимаюсь надувательством идиотов. Или убийством мальчиков.

— А убийством женщин? — Эти слова были произнесены прежде, чем Ровена успела понять, что она сказала.

Губы Гарета изогнулись в странной улыбке. Ровена ощутила озноб, когда он провел пальцем по ее носу сверху вниз и поцеловал ее.

— Только время может сказать, моя любовь. Только время может ответить на это.

Он оставил ее сидящей, прижавшейся щекой к коленям, размышляющей над его словами и жаждущей его новых прикосновений. Она так и сидела, пока Ирвин не заколотил в дверь, объявив недовольным голосом, что лошади готовы для возвращения в Карлеон.

16

Марли перескакивала с ветви на ветвь, как неуклюжая обезьяна. На вершине древнего дуба ветви становились более хрупкими и далеко расходились друг от друга. В конце концов ей пришлось взбираться по стволу. Она ободрала колено о грубую кору, но почти не почувствовала боли. Последняя ветвь, до которой она дотянулась, оказалась-таки слишком тонкой и обломилась под ее рукой. Несколько лет назад Марли легко могла пробираться чуть ли не по самым верхним ветвям, не выдавая себя даже хрустом. Ворча от отвращения к своей нынешней неловкости, она пристроилась наконец в тонком переплетении ветвей. Почему она, черт возьми, так изменилась: вес, рост, фигура. Это несправедливо.

Она сидела среди голых ветвей, надежно скрывающих ее облаченную в черное фигуру. Марли оперлась щекой на влажную кору. Она любила зиму за то, что это время года не обещает ничего, чего не смогло бы дать.

Утренний дождь превратил снег в грязное месиво. Небо и земля объединились в единое полотно, окрашенное во все оттенки серого. Лишь дальние башни Ардендона оживляли унылый пейзаж. Алые стяги Блэйна развевались в воздухе, являя своим великолепием упрямый контраст блеклым тонам неба. Марли знала, что, будь жив ее отец, она была бы госпожой в том замке. И даже теперь лишь милосердие Гарета спасает ее от подобной судьбы.

Еще ребенком она часто спасалась на этом дереве от няни, которая наставляла ее «вести себя как леди, а не как дикарка». Спасалась от разочарования в глазах отца, желавшего только сыновей. Спасалась от привлекательности брата, пленявшего всех. В этих ветвях она не чувствовала на себе этих вечных оков детской неловкости. Видя ястребов, парящих в невидимых потоках воздуха, она мечтала унести с ними из Карлеона, скользя над полянами туда, где никто не воспитывает, не кричит, не дергает, дразня, за нос, как любил делать ее брат.

Теперь же небо было пустым. Ястребы улетели в те лучшие места без нее... Ногу сковала судорога. Растерев ее и подняв голову, она увидела несколько черных точек, появившихся на дальних лугах. Пульс ее ускорился. Она начала считать. Пять лошадей. Четыре всадника. Хотя нет. Так же нелепо, как коричневое стеганое одеяло на гордо гарцующем Фолио, выглядело и пятно желтых волос на черном фоне. Черной была, несомненно, грудь Гарета. А значит, желтые волосы — Ровены. Марли впиалась ногтями в кору дерева.

Она не могла видеть на таком расстоянии улыбку Ровены, лишь ее голову, склонившуюся в немом обожании к мужчине в черном. Марли захотелось задрать голову и завывать по-волчьи, хотя до появления луны было еще далеко. Она видела, как они пересекли луг и исчезли в тени леса.

Марли бросилась вниз. Возле самой земли каблук ее за что-то зацепился. Она упала на спину, досадливо вскрикнув. Раньше с ней такого не случалось.

Она долго лежала в листве, ощущая, как сырость проникает сквозь одежду. Когда дыхание, сбитое ударом, возвратилось к ней, с ним пришли рыдания, глубоко сотрясающие ее тело. Когда плакать не осталось сил, она села и стала стирать волосами дорожки еле со щек. Ветер хлестал ее дождем, ветки цеплялись, не желая отпускать. Но Марли спешила в Карлеон приветствовать прибытие домой брата и его леди.

Ровена со вздохом погрузилась в воду. Бочка была выслана внутри полотном. Теплая вода плескалась возле самого подбородка. Ее губы изогнулись легкой улыбке, когда она вспомнила свое первое купание в Карлеоне. Теперь Данла не будет скрести докрасна ее кожу. Улыбающаяся старушка тактично исчезла, наполнив бочку и прокричав что-то вроде «пожаловать домой» в ухо Ровены. Теперь она купалась не в кухне, а в покоях Гарета.

В очаге ревел огонь, и тепло наполняло комнату. Ровена лениво водила руками в воде. Ее взгляд остановился на огромной кровати, напоминая ей о ночах, когда они с Гаретом лежали в ней, как статуи, боясь коснуться друг друга, из опасения, что не смогут остановиться. Лишь когда одолевала усталость, во сне тела их искали тепла. Тогда они просыпались в объятиях друг друга, все еще ощущая сладкое дыхание сна, связывавшего их. Сегодня все будет по-иному. Когда Гарет возвратится после обхода Карлеона, он найдет ее закутавшейся в его меха, влажной и чистой и жаждущей его прикосновений.

С того момента, когда они оставили Мидгард, ночи проходили под бдительным оком ее братьев кузена. Им приходилось довольствоваться лишь случайными прикосновениями и взглядами. Только однажды им удалось уединиться, пока другие собирали тент после ночевки. Гарет увел ее в лес и, прижав к сосне, целовал с такой страстью, что она подумала: «Наверное, он не сможет совладать с собой». Но Гарет все же оторвался от нее, со стоном запустив пальцы в свои волосы. Они возвратились к лошадям с глупой улыбкой на губах. Сидя с нею на лошади под плащом, который ему с трудом удалось отнять у недовольного Ирвина, Гарет позволял своим рукам совершать такие беззастенчивые вылазки, что смех Ровены порой сменялся стоном, и она шепотом просила его прекратить эти утонченные пытки. Сегодня она будет просить его продолжать их.

Ровена задержала дыхание и нырнула, чтобы смыть остатки мыла. Вынырнув, она увидела Марли, стоящую рядом со скрещенными на груди руками.

Волосы Марли висели влажными мотками. Ее туника тоже была влажной, отдавая запахом мокрой гончей. Ровена вспомнила их последнюю встречу и доброту Марли, помогшей ей бежать. После стольких бессонных ночей на мерзлой земле Ровена так и не решила, что на самом деле руководило тогда сестрой Гарета. Может быть, это было совсем другое чувство.

— С прибытием домой, щеночек.

— Привет, Марли. Странно, как это наш приезд обошелся без твоего прыжка с дерева. — Ровена потянулась за мылом, сохраняя безразличное выражение лица.

Марли первая схватила скользкий шарик мыла и подбросила его в воздухе.

— Я видела вас.

— Ты всегда все видишь, не так ли?

Слезы чуть не брызнули из глаз Ровены, когда Марли, запустив пальцы в ее волосы, дернула спутанную прядь.

— Сколько недель ты не расчесывала эти космы?

— Я могла бы то же самое спросить у тебя, — возразила Ровена.

— Их надо распутать.

Ровена оттолкнула руки Марли.

— Я не хочу стать лысой к тому времени, когда возвратится Гарет.

Марли бросила мыло в воду и взяла со стола гребень из слоновой кости. За вуалью ее темных волос сверкнула ослепительно белая улыбка.

— Доверься мне.

Марли встала на колени возле кадки и взяла в руку прядь спутанных волос. С поразительной мягкостью она начала пропускать сквозь них гребень. Ровена закрыла глаза, испытывая удовольствие при движении гребня по голове.

Голос Марли был столь же мягок и успокоителен, как и движения ее руки, сжимающей гребень.

— Где вы ночевали, возвращаясь в Карлеон?

Ровена не открывала глаз.

— В полях, в рощицах. Когда начал таять снег, это было довольно приятно.

Марли отложила гребень.

— Жаль, что он не мог останавливаться у своих друзей. Я думаю, что его репутация и так достаточно темная, чтобы еще возить по всей Англии шлюшку с яркими глазами.

Ровена устало вздохнула. В последний раз, когда она представила себя шлюхой, она залилась слезами. Но тогда это не было правдой. Теперь Ровена вряд ли могла наброситься на Марли за то, что та выразила словами ее новое положение, как бы жестоко это ни было.

Марли собрала ее волосы в узел.

— Глупо было позволить Гарету поймать тебя.

— Разве ты видишь какие-либо шрамы или синяки на моем теле? Твой брат не обидел меня. Он лишь согревал и кормил меня.

Марли засмеялась.

— Да уж, конечно. Видя, как его руки дрожали, когда он снимал тебя с Фолио, я подумала, что он согреет тебя прямо там, во дворе.

Глаза Ровены были непроницаемы.

— Почему ты захотела, чтобы я убежала?

— Ты уже становилась без ума от него, не так ли? Как все другие до тебя. — Руки Марли сжались в кулаки, зацепив нежные волоски на шее Ровены. — Ты хотела бы так провести свою жизнь? Угождая человеку, который никогда не ответит на твою любовь?

— Именно такую жизнь выбрала и ты, так ведь?

Без предупреждения Марли погрузила голову Ровены под воду. Ровена вынырнула, задыхаясь и захлебываясь, и вновь оказалась под водой. В следующий раз она размахнулась, вынырнув, и Марли получила крепкий удар кулаком прямо в губы.

Брызги разлетелись в разные стороны, когда Ровена отбросила волосы с глаз и вскочила на ноги.

— Ты хочешь утопить меня?

— В этом больше сострадания, чем в том, что ты получишь от Гарета, когда ему надоест твое мяуканье. — Марли засунула руки в рукава и отошла к окну. Она отбросила ставню и подставила лицо под дождь.

Ровена резко села.

— Вот, оказывается, как больно колет правда о твоей ревности! Я слышала, как ты разговариваешь с Гаретом. Пока ты убеждаешь его в виновности и заставляешь чувствовать себя недостойным любви, он принадлежит тебе. Ты можешь удерживать его Карлеоне, отрезав от общества, и любоваться им до одури. Он будет отправляться на турниры, спать со своими женщинами, но всегда будет возвращаться тебе, потому что будет верить, что только ты любишь его, несмотря ни на что.

Марли захлопнула ставню.

— Конечно, я люблю его. Все любят Гарета. Я слышала это с детства. Я больна от этого. Моя мать любила его. Я разорвала ее лоно, торопясь на свет при рождении, но с последним дыханием она шептала имя Гарета. Мой отец любил его. Все надежды отца были в нем. И мы оба знаем, как любила его Илэйн.

Ровена встала, гордая и прямая. Не выказывая следов стыдливости, она вышла из кадки и прошла взять льняное полотенце, висевшее перед огнем.

Она наклонилась, вытираясь.

Руки Марли бессильно висели.

— Он не оставил ни одной отметины на тебе. Если, конечно, не наградил ублюдком в животе.

Ровена выпрямилась, парализованная ядом в голосе Марли.

— Надейся, что он не сделал этого, чтобы не повторилась судьба ребенка Илэйн.

Ровена замерла. Дверь распахнулась. Ах, как расцвечивало пламя ее обнаженное тело всеми оттенками персика, золота, подчеркивало бледно-голубые тени. Но Ровена не признавала этого.

— Выйди, Марли. — В дверях стоял Гарет, держа в руке чашку, над которой поднимался пар. —

Сейчас же.

Выражение его лица не допускало возражений. Ровена закрылась полотенцем, внезапно ощутив смущение. Марли отдала ей насмешливый поклон и вышла из спальни. Гарет захлопнул за нею дверь.

Ровена, казалось, была полностью поглощена вытиранием ног. Она не могла встретиться взглядом с Гаретом. Слова Марли все еще звучали в ее сознании. Вновь этот ребенок Илэйн. Она наклонила голову, стараясь за упавшими волосами скрыть свое смятение.

Звякнула чашка, поставленная на очаг. Рука Гарета скользнула по обнаженному изгибу ее спины.

— Она насмеялась над тобой?

— Иногда я думаю, что она должна ненавидеть меня так же как ненавидела твою мачеху.

Глаза Гарета потемнели.

— Напротив. Марли боготворила Илэйн. Ходила за ней по пятам, как щенок. Я думаю, ей надоело ходить за мной.

Ровена вздрогнула. Гарет снял две шкуры с кровати. Одну он расстелил у ног Ровены. Другую держал, как накидку, перед собой.

Она подняла бровь.

— Это моя постель, милорд? Я надеялась больше не спать у ваших ног.

— Дерзкая девушка. Одно купанье, и ты вообразила себя готовой для моей кровати. — Он набросил мех Ровене на голову, прежде чем привлечь к себе на колени. Мягкий мех щекотал ее нос, вызывая желание чихнуть. Гарет заглядывал через верхний край, пока оттуда не появилась золотистая головка. — Посмотрите только, что я обнаружил! Дикий зверек среди моих шкур. — Он вздохнул ее мокрые волосы. — Какую чудесную пару перчаток можно сделать! Или муфту для моей леди.

— Ваша леди натерпится страху с такой странной муфтой. Она может засунуть в нее свои руки и не вытащить их обратно.

Гарет приложил ее ладонь к своим губам.

— Мы не должны допустить такой беды, потому что ее ручки драгоценны для меня.

Рука Ровены задержалась у его лица. Ее пальцы скользили по его теплым губам. Оказавшись в его объятиях, она не вспоминала больше о тех сомнениях, которые посеяли в ней слова Марли. Ее окружил приятный аромат корицы и гвоздики, исходивший от чашки, которую Гарет поднес к ее губам.

— Я почти забыл, — сказал он. — Выпей это.

Ровена отпрянула:

— Что это?

— Яд, конечно. Чего же еще ты ожидала от меня?

Ровена неуверенно засмеялась. Она сделала глоток, и чудесный горячий напиток заскользил вниз по ее горлу.

— Ты с готовностью выпила бы яд, полученный от меня. — Услышав печальные нотки в его голосе, Ровена наклонилась, чтобы увидеть выражение его лица, но он уткнулся подбородком в ее макушку. — Какая отрезвляющая мысль.

— Какой приятный яд.

Он нежно потрепал ее золотистые волосы.

— Это всего лишь посееет [7], который Данла сварила для тебя. Я велел ей не жалеть вина, в надежде, что ты потеряешь разум и я смогу наслаждаться твоим телом день и ночь.

Отставив чашку в сторону, Ровена бросилась на Гарета, повалив его на спину. мех соскользнул с ее плеч. Она наклонилась, проводя своей голой грудью по его рубашке дразнящими движениями.

— Я уже потеряла разум. Не нужно и посееета, чтобы убедиться в этом.

Гарет обхватил ладонями ее голову и потянулся к ее рту. Их губы надолго задержались в пламенном единении, дышащем сладостью, теплотой и ароматом корицы.

После нескольких поцелуев задыхающийся Гарет приподнялся на локтях.

— Ровена, эти камни довольно твердые. Она ответила ему хитрой улыбкой.

— Терпите, сэр. Вы ведь не купались еще и потому недостойны моей кровати.

Она прижалась к нему своим благоухающим телом. Дождь все еще бил по ставням. Гарет забыл в ее объятиях и о твердых камнях, и о чем-либо другом, все равно, важном или неважном. Ровена вся дрожала, когда его бархатная твердость наполняла ее. Она крепко зажмурилась, и в этот бесконечный миг ей было безразлично, убил ли он сотню вероломных и их хныкающих детей.

Марли стояла, прижавшись спиной к двери Гарета. Ее стон, низкий, как рычание, сменился звонким колокольчиком смеха.

— Да, мой нежный щеночек, — тихо сказала Марли, закрыв лицо руками. — Ревную.

Сквозь дверь послышался стон, полный агонии наслаждения. Марли заткнула уши и побежала по коридору, пытаясь скрыться от нестерпимого света, исходящего от влюбленных. Перед этим светом она казалась себе тенью, которая может исчезнуть... Марли упала на кровать, зажав губами одеяло, чтобы заглушить рыдания.

Часть III

17

Ранняя весна летела на крыльях марта. В один из ленивых полдней большой зал огласился визгом Ровены, мчавшейся вниз по лестнице, — Гарет преследовал ее. Ее волосы описали в воздухе золотистую дугу, когда она пронеслась по залу, прячась от Гарета за большим

деревянным столом. Гарет бежал за нею, похожий на лохматого людоеда-великана, в измятой тунике и с всклокоченными волосами.

— Милорд! — закричала она, уперевшись руками в столешницу и пытаясь справиться с дыханием. — Клянусь вам, я думала, что это цветы. Разве вы не видели там крошечных цветочков?

Лоб Гарета был грозно нахмурен, но глаза сияли весельем.

вернуться

7

Поссет — горячий напиток из молока, вина и пряностей.

— Мне было не до цветочков, когда я выдергивал шипы из своей...

Ровена ехидно усмехнулась.

— Я же предлагала вам помощи...

Гарет зарычал и вновь кинулся в погоню. Ровена завизжала и бросилась прочь. Ее волосы скользнули по его ладони мягкой волной и унеслись прочь. Она мчалась к открытой двери, зажав в руках свои голубые шерстяные юбки.

— Чертополох! — орал Гарет. — Это чудовище кладет чертополох мне в кровать!

Ровена исчезла в ореоле солнечного света. Ее ответные слова долетели до него чуть слышно:

— Но Маленький Фредди клялся...

— Сколько раз должен я предупреждать тебя не слушать Маленького Фредди? Этот парень презирает...

Пройдя пустой двор и забравшись на низкую каменную ограду, окружающую угодыя замка, Гарет увидел Ровену уже внизу, в саду у подножия холма, кружащуюся вокруг яблоневых деревьев, как фея. Сидя задумчиво на стене, Гарет с улыбкой наблюдал за живой, полной радости Ровеной. Ее юбки раздувались вокруг щиколоток голубым облаком. Гарет поднял глаза, небо было такого же цвета. Солнце ласкало лицо весенним теплом. Как ему хотелось бы навсегда сохранить эту ее детскую живость, которая и ему возвратила заново его мальчишескую радость.

Однако глупо было думать, что он мог бы остаться с нею навсегда. Если она узнает истину, она возненавидит его. А пока Линдсей Фордайс жив, истина эта в любой момент может ворваться в Карлеон. Гарет только сейчас осознал, что в последний месяц он ни разу не подумал о Фордайсе. Все эти мечты о торжестве справедливости не мучили его, наслаждавшегося нежным светом глаз Ровены. Теперь же он стал вновь страшиться увидеть, как ее доверие обратится в ненависть, когда его обман раскроется.

Может быть, бог не спешил использовать Фордайса для отмщения. Может быть, бог вместо этого послал ему Ровену, как последний шанс искупить его прошлые ошибки, стать таким, каким воспитывал его отец. Но плотские чувства могут и теперь привести к поражению, так же

как и с Илэйн. Лучше сразу разрушить связи, которые становятся все крепче. Он должен найти ей мужа и отослать ее до конца лета. Но как он сможет спать, когда она уйдет?

Отбросив темные мысли, Гарет соскользнул со стены и спустился с холма. Ровена пыталась найти убежище за деревом, но его рука успела обхватить ее за талию, прежде чем она отскочила. Он держал ее в своих объятиях. Его рот скользил по сочной полноте ее губ.

Гарет целовал ее нежно и осторожно, пока ее гибкие руки не обняли его, и он ощутил на своих губах вздох покорности. Острый запах старых яблок, оставшихся с осени, донесся до него. Его глаза открылись помимо воли. Весна раскрывала крошечные зеленые почки на фоне голубого неба. Он крепко зажмурился, чтобы не видеть этого, и прижал к себе Ровену, как будто мог остановить приближающееся лето. Защищал он ее или обманывал? Его разум отбросил этот вопрос, отступив перед потоком желаний, затопивших его тело.

Солнце медленно соскальзывало в розовую даль, когда Гарет перенес Ровену через ограду сада. Дальше они отправились легким шагом прямо к замку. Его рука обнимала ее за плечи, ее руки обхватили его за пояс. Гарет толкнул железную калитку внешнего двора, Ровена повернула к нему лицо за последним поцелуем, пока тени сумерек еще скрывали их.

Мирная тишина взорвалась вдруг могучим хором труб.

Ровена схватилась за руку Гарета.

— Такое случается первый раз во время нашего поцелуя.

Гарет улыбнулся.

— Ты льстишь моим способностям, но я боюсь, что причина этого — не во мне. — Он поцеловал кончик ее носа.

Трубы зазвучали вновь. Гарет и Ровена пробежали через большой зал к главному входу, все еще держась за руки, как дети. Марли сидела на стене верхом и зловеще улыбалась, как дикий кот. Ирвин во все глаза смотрел на трубачей, оглашающих двор, подобно ангелам Страшного суда. На их плащах была эмблема, изображавшая сокола с пронизывающим стальным взглядом.

Гарет хмыкнул.

— Я должен был сразу догадаться. Только Блэйн может послать трех трубачей сопровождать единственного глашатая.

Мужчины с суровыми лицами вновь подняли трубы. Лицо Ирвина сморщилось от разочарования, когда Гарет, не дожидаясь, когда они затрубят вновь, выхватил кремевой пакет из руки глашатая. Он вскрыл восковую печать своим кинжалом.

— Блэйн хочет, чтобы мы прибыли к нему на Пасху. Отпраздновать вместе с ним окончание Великого поста. Что скажешь, Ровена, следует нам...

Гарет не окончил вопроса. Ровены рядом не было. Без ее золотистой головки двор сразу потемнел. Гарет кивнул глашатаю.

— Заходите, все. Отужинайте с нами. На рассвете вы сможете отвезти мой ответ своему господину.

Суровые лица мужчин разгладились, когда Гарет пригласил их в зал. Марли все сидела на стене в сгущающихся сумерках, пока в спальне Ровены не зажглась единственная свеча.

Было уже далеко за полночь, когда Ирвин постучал и дверь спальни Ровены.

— Сэр Гарет хочет видеть тебя.

Ее звали в помещение, которое Гарет использует для общения со своим сенешалем [8]. Они обсуждают хозяйственные вопросы: тельные коровы, зараженная болезнью пшеница. А также воров. Только на прошлой неделе сенешаль рекомендовал наказать отсечением руки ведьму, укравшую круг сыра. Ровена не стала задерживаться, чтобы выслушать вердикт Гарета.

Она спустилась вниз. В большом зале перед очагом грелись люди, присланные Блэйном. Увидев их, Ровена побледнела. Она без стука толкнула дверь. Гарет сидел на стуле перед столом, разглядывая резную шкатулку. Его пальцы в шрамах касались содержимого шкатулки с бесконечной нежностью. Ровена успела увидеть лишь кусочек шелка цвета слоновой кости.

Услышав скрип двери, он захлопнул шкатулку и спрятал ее, бросив на Ровену виноватый взгляд, будто она застала его с другой женщиной.

— Не надо так огорчаться, милорд. Если вы ничего не можете сделать, чтобы отвратить мою судьбу, я пойму.

Он в недоумении поднял бровь.

— О чем это ты?

— Я давно ожидала этого. И могу лишь благодарить бога, что сэр Блэйн дал нам это короткое время, чтобы побыть вместе, прежде чем прислал за мною. Очевидно, меня ждет виселица. Я думаю, что более достойно быть повешенной за кражу лошадей, чем за плохую комедию.

Гарет обошел вокруг стола и прижал ее к себе.

— Глупышка. Неужели ты думаешь, что я позволил бы Блэйну повесить тебя? Лошади, которых ты забрала тогда, были куплены и оплачены моим золотом.

— Так эти люди приехали не за мной? Я останусь с вами? — Ровена с надеждой посмотрела на него.

Гарет отпустил ее и вернулся к столу, избегая ее взгляда. Он вертел в руках гусиное перо.

— Эти люди приехали за нами обоими. Нас всех приглашают в Ардендон на Пасху.

Что-то в его тоне заставило Ровену пожелать, чтобы ей предстоял арест, а не это приглашение,

— Разве нам обязательно ехать? — Она сжала край стола. — Мы чудесно могли бы праздновать здесь, в Карлеоне. — Она ясно ощущала опасность, грозящую их хрупкому счастью.

— Мы не должны оскорблять его, отказываясь от приглашения.

— Каким ты стал воспитанным, — пробормотала Ровена. — Почему не поговорить об этом позже, вечером, у тебя в комнате?

Он неловко засмеялся.

— Боюсь, что твое присутствие в постели не способствует ясности мысли, необходимой для того, чтобы сказать что должно.

Внутри Ровены что-то оборвалось. Она присела на дубовую скамью.

— Я решил, что будет лучше, если ты и я не будем жить в Ардендоне в одной комнате. Я не вижу необходимости еще больше подрывать твою репутацию.

— Какую репутацию? Никто и не слыхивал обо мне, пока ты не увел меня из Ревелвуда.

— Я говорю о твоей будущей репутации. Тебе нужно подумать о своей жизни после того, как закончится лето.

Какая может быть жизнь без него! Ровена успела сдержать эти слова, неестественно рассмеявшись.

— Жизнь в погоне за зайцами в торфяниках и выкапывании репы не требует репутации. Зайцы не снобы.

вернуться

8

Сенешаль — управляющий хозяйством средневекового господина.

Он встретил ее взгляд через стол.

— Я обязан устроить твою судьбу.

— Ты не обязан мне ничем.

Он рассеянно перебирал пачку пергамента.

— Одинокая женщина легко подпадает под власть любого мужчины. И не говори мне, что твой отец позаботится о тебе. Если я пошлю тебя назад в Ревелвуд, то, как ты думаешь, сколько времени потребуется ему, чтобы продать тебя другому мужчине? Год? Месяц? Неделя?

Ровена вздохнула, зная, что он прав. Гарет с заметным трудом продолжал:

— Я хочу найти тебе мужа этой весной, Ровена. Не развратного мальчишку, как сэр Блэйн, но настоящего мужчину. Хорошего мужчину, который будет заботиться о тебе, а не оставлять дома, пока сам задирает юбки других женщин.

Ровена склонила голову.

— Я боюсь, что мне нечего предложить такому мужчине.

Гарет с досадой ткнул пером в стол, расщепив перо окончательно.

— Ерунда. У меня есть замок на юге Шотландии, доставшийся нашей семье от второй женитьбы моего отца. Он небольшой, но составит неплохое приданое.

— Марли как-то говорила мне, — сказала задумчиво Ровена, — что ты отправишь меня

восвояси с братским поцелуем и мешком золота. А ты предлагаешь мне целый замок и хорошего мужа. — Она встала. — Неужели я имею такую высокую цену, Гарет? Если я нравилась тебе, почему ты так быстро устал от меня?

Гарет выглядел так, будто она только что ударила его по лицу, причем за дело. Он заранее ожесточил свое сердце, приготовившись или к полному смирению Ровены, или к мягкому упреку, который увидит в ее глазах. Но воспротивившаяся Ровена затронула в его душе неожиданные струны. Лицо ее пылало гневом. Она выглядела наполовину ребенком, наполовину феей, пойманной, но не укрощенной.

Слезы сверкали в ее глазах.

— Отец по крайней мере выгадал бы что-то на мне. Вы же отдаете меня просто так. Скажите, милорд, достаточно ли замка в оплату за то, что один мужчина принимает в свою брачную постель шлюху другого мужчины?

Гарет встал. Ровена разрыдалась и бросилась к двери. Прежде чем она успела убежать Гарет обогнал ее и загородил дорогу. Его мускулистые руки крепко держали Ровену.

— Что бы ты хотела, Ровена? Хотела бы ты, чтобы я предложил тебе мою брачную постель? Этого ты хочешь? Стать невестой лорда Карлеонского? Томиться под косыми взглядами тех, кто следил бы за каждым твоим движением? Знать, что каждый раз, когда ты улыбнешься оруженосцу или дашь Блэйну свой платок, все будут гадать, в эту ли ночь я убью тебя в постели?

Она прижала пылающий лоб к двери, как будто желая помешать его словам проникнуть в ее разум.

Пальцы Гарета впились в ее плечи.

— Этого ты желаешь, Ровена? Пробуждаться каждую ночь, не зная, когда тень моего меча упадет на тебя. Делить свою жизнь с убий...

Ровена повернулась к нему. Она впила свои пальцы в его волосы и, наклонив голову, прижалась губами к его рту, прерывая темный поток слов, прежде чем он сметет и ее, и его самого, и все, что было между ними. Гарет застонал более от страданий, чем от наслаждения, когда ее поцелуй заставил его прекратить жестокие речи. Его губы металась от ее рта к шее, к неземной нежности кожи на плечах. Он притянул ее к себе резко и грубо, встретив лишь ее нежную податливость.

Ровена глядела глубоко в его глаза, взглядом таким же жгучим, как и его собственный.

— Гарет, я люблю...

Он положил ладонь на ее губы.

— Нет, Ровена. Это слово — для других мужчин, не для меня. Не говори его. Никогда.

Она поцеловала его ладонь, и еще раз, и еще, пока он нес ее к ковру, расстеленному перед теплыми камнями очага. Он был готов отказаться от слов, перенес их битву туда, где он был уверен в силе своего оружия. Он закрыл своим поцелуем ее рот, приглушая крик, который могла бы слышать даже Данла за тремя футами камня, когда его тело говорило ей то, что невозможно сказать словами.

Ровена выскользнула из спальни Гарета, держа под рукой маленький сундучок, приготовленный к поездке в Ардендон. Она закрыла глаза и толкнула дверь в комнату Илэйн. Протестуя скрипнув, та поддалась. Комната была все такой же пустой и безжизненной, как гробница. Она и была гробницей для одной женщины, напомнила себе Ровена. И тот, кто отправил Илэйн в могилу, оставил имя Гарета, написанное кровью, как проклипающее обвинение. С посуровевшим лицом Ровена закрыла дверь.

Она спустилась по задней винтовой лестнице. Комната, где Гарет говорил ей такие ужасные слова, была пуста, угли в очаге догорели до золы.

Она опустилась на колени около стола, найдя шкатулку там, куда Гарет ее спрятал. Тонкие пальцы прошли по контуру искусно вырезанной розы на светлой сосновой крышке. Ее вырезали руки Гарета. Гарета, чьи глаза были еще яркими и чистыми, не омраченными тенями прошлого. Гарета, чья улыбка была искренней, чьи губы еще не знали горькой усмешки. Ровена отдала бы десять лет жизни, чтобы вернуть ему утерянное.

Она подняла крышку, почти готовая обнаружить крошечные косточки, покоящиеся в выложенной атласом глубине. Лоскуток цвета слоновой кости лежал на потускневшем атласе, одинокий и безобидный. Ровена взяла его, боясь ощутить тонкий запах розмарина. Ее любопытные пальцы теребили шелк. Ровена рукой разгладила это непонятное сокровище Гарета. И оно приобрело свою форму. Вдруг стало ясно, что это не лоскут и не платок, а крошечный, пожелтевший от времени чепчик, который надевают младенцам.

Ее руки нежно сложили детскую шапочку. Она хотела положить ее обратно в шкатулку, но, поколебавшись мгновение, открыла свой сундучок и положила ее туда. Вздохнув, она поспешила присоединиться к другим, тоже собиравшимся в Ардендон.

18

Решив, что лошадь не сможет везти все его вещи в Ардендон, Ирвин затребовал у Гридмора телегу и погрузил на нее шесть сундуков, восседаая на самом верхнем, он походил в своем облачении, сшитом из квадратов темно-фиолетового и желтого цвета, скорее на шута, чем на оруженосца. В отличие от Маленького Фредди, преданность Ирвина была куплена ценой нескольких туник, серебряной пряжки и меховой накидки, являвшейся точной копией плаща Гарета. За золотой медальон и кольцо с печаткой он уступил бы не только Ровену, но и еще шесть невест, если бы они у него были. Появился Маленький Фредди, чтобы взять у Ровены ее сундучок. Солнце блестело на его серебристой шевелюре. Рейтузы и туника были светло-зелеными, что очень ему шло. Щеки его округлились, да и вся фигура заметно окрепла.

Ровена улыбнулась, увидев украшенную камнями рукоятку кинжала в аккуратных ножнах у него на поясе. Она знала, что это был подарок Гарета.

— Почему ты не занимаешься своими обязанностями?

— Какими обязанностями?

Она взяла его за плечи, думая о том, что скоро для этого ей придется тянуться вверх.

— Ты же теперь оруженосец. Ты должен служить своему господину. А может, ему трудно зашнуровать нарукавники без твоей помощи?

Маленький Фредди угрожающе выпятил челюсть.

— Он может отправляться ко всем чертям. Я ни о чем его не просил.

— Но тебе никуда не деться. Потому что я заплатила за твое обучение.

Сзади на них упала тень Гарета. Маленький Фредди взглянул через плечо, зло сощурился.

— Может быть, цена была слишком высока.

Вывернувшись из-под ее рук, Фредди отправился в конюшни. Ровена предвкушала тепло рук Гарета, наконец он ее обнял. Потом он массировал ее плечи, и она с наслаждением ощущала нагретые солнцем пальцы на своем нежном теле.

— Не ругай его. — Дыхание Гарета шевелило тонкую паутину шелковой вуали персикового цвета. — Он, может быть, прав.

Ровена не сопротивлялась, когда он прижал ее спиной к себе. Плавные изгибы ее тела изумительно сочетались с его твердой мускулатурой.

Ее щеки вспыхнули, когда она увидела Ирвина, наблюдавшего за ними с телеги. Большой Фредди чистил щеткой гнедого, на котором должен был ехать в Ардендон, пряча лицо за лошадь. Ровеной овладело смущение при воспоминании о ее громких столах в ответ на ласки Гарета этой ночью.

Во двор прискакала Марли.

— С нашими сборами Блэйн умрет от старости, прежде чем мы доберемся до его замка, братец. — Марли пустила свою лошадь вперед. Ровене пришлось быстро отскочить, чтобы копыта не раздавили ее ноги. — Чем будешь заниматься, Гарет? Оседлаешь свою сучку или, может быть, все-таки жеребца?

Ровена глядела вслед Марли. Грустно, но их едва возникшему чувству товарищества пришел, кажется, конец.

Гарет вскочил на Фолио и протянул ей руку в перчатке.

— Поехали? — Его глаза сверкали на солнце подобно алмазам.

Ровена оглянулась на двор замка и увидела сающихся на лошадей Большого Фредди и Маленького Фредди.

— Я думала, что тоже поеду на своей лошади.

— В этом нет необходимости. Фолио отлично доведет нас обоих.

Она приняла его руку и оказалась на Фолио, впереди Гарета. Он дернул поводья, на уздечке зазвенели колокольчики. Телега Ирвина застучала сзади, когда они выезжали из ворот, оставляя Данлу, отбивающуюся ложкой от гончей, и Гридмора, блаженно махавшего в сторону рва.

Близился полдень. Ровену стало потихоньку укачивать. Когда они остановились, чтобы набрать воды, она решила устроиться сзади Гарета. Она прижалась щекой к его широкой спине и закрыла глаза. Гарет поднес ее руку к губам, а потом крепче прижал ее рукой, придерживая в седле.

Ровена открыла глаза и увидела небывалое зрелище: башни и арки дрожали в зеркале воды. Она мигнула, ожидая появления темноглазого водяного из окна подводного дворца, с трезубцем в руке. Когда же копыто Фолио наступило на замок, разбив его укрепления, Ровена поняла, что это всего лишь отражение. Она подняла голову. Замок Ардендона нависал над озером, вырисовываясь миражом со своими изящными парапетами и грациозными аркадами. Клонящееся к закату солнце скользило лучами по черепичным крышам, удлинняя тени башен. Ровена протерла глаза. Она с удивлением увидела, что Фолио стоит по колено в воде.

— Почему ты решил ехать вокруг? Боишься, что под мостом водятся тролли?

— В некотором роде да.

Каменный мост пересекал нетронутую голубизну озера. К нему подплывала золоченая лодка, нос которой был выполнен в виде грациозной шеи лебедя. Солнце светило в глаза Ровены, и она не могла разглядеть сидящих в лодке. Лодка лениво приближалась к мосту, и женщина, сидевшая в ней, наклонилась ниже, оберегая свою сложную прическу от низко нависающего моста.

— Смотри, на мосту тоже тролли.

Ровена взглянула туда, куда указывал палец Гарета, и увидела телегу Ирвина, стоявшую на самой середине моста.

Рядом с ним сидели на лошадях братья Ровены. Они наклонились, ожидая появления проплывавшей лодки-лебедя с другой стороны.

— Любопытные тролли, — заметила Ровена. — Кажется, образование Маленького Фредди продвигается быстрее, чем я надеялась.

— Действительно. Надо поспешить, чтобы он не попал в руки Блэйна, если мы хотим спасти остатки его невинности. Держись.

Золотые шпоры тронули бока Фолио. Ровена крепче обхватила Гарета, когда лошадь пустилась в легкий галоп.

Она видела другие лодки на поверхности озера, кучку оруженосцев, игравших на берегу в мяч, яркие Шафрановые и вишневые цвета нарядов леди, прогуливающих вдоль зеленых прокосов на лужайке, как будто двигались кусты роз.

Они проскакали вдоль озера к небольшой пристани, возле которой покачивались на слабой волне лодки.

Гарет остановил Фолио. Ровена выглянула из-за его спины и увидела подплывшую лодку-лебедь. На ее лежал Блэйн, удобно пристроив голову на сложенных руках. Из лодки выглядывала леди Алиса несколько покосившейся прической. Шея ее была такой же грациозной, но бесконечно более гибкой, чем шея деревянного лебедя.

Блэйн загородился рукой от солнца.

— Привет, Гарет. Я думал, что ты — еще один крестьянин, несущий мне яйца для Пасхи. — Увидев Ровену, Блэйн заулыбался, отчего у него вокруг глаз появились веселые, очень идущие ему морщинки. Но ты, кажется, привез мне дар более драгоценный. Он вышел из лодки, помогая выйти Алисе. Не дожидаясь позволения Гарета, Ровена соскользнула с Фолио в

ожидающие руки Блэйна.

Блэйн дерзко провел руками по ее стану, вовремя остановившись, когда его пальцы оказались на волосок от округлости ее груди.

Ровена вывернулась из его объятий.

— Ваша память вас подводит, сэр Блэйн.

Он, усмехнувшись, потер свой гладкий подбородок.

— Ну что вы, что вы. Моя челюсть до сих пор побаливает, когда собирается гроза. — Гарет вклинился между ними, и Блэйн вновь дотронулся до подбородка, с осторожностью поглядывая на своего друга. — Мы говорили о боли, — объяснил он.

— Она может стать еще сильнее, если ты не будешь держать при себе свои руки, — заметил Гарет. Он обнял Блэйна за плечи и повел к замку. — Кто знает, где эти руки побывали?

— Спроси у Алисы, — раздался насмешливый крик с моста. На каменных перилах сидела Марли, болтая над водой ногами в башмаках.

Глаза Блэйна сузились при виде сестры Гарета, сидевшей, как стервятник, на его мосту.

Ирвин весело помахал ему со своей телеги. Появился Маленький Фредди, уведший Фолио. Все направились к замку вверх по некрутому склону и затем — по аллее распускавшихся дубов.

Ровена взяла Гарета за руку и шла рядом с ним. Руки их раскачивались, как у обрадованных детей.

— Сэр Гарет не говорил вам, зачем мы приехали в Ардендон, сэр Блэйн? — Она не обращала внимания на то, что Гарет предостерегающе сжал ее пальцы. — Сэр Гарет ищет мужа для меня.

Гарет отпустил руку Ровены, послав ей взгляд, не обещавший ничего хорошего. Блэйн взял ее под руку и наклонил к ней голову.

— Какой же муж устроил бы вас, леди Ровена? Ровена задумчиво поджала губы.

— Добрый и благосклонный. С приятной речью и манерами. Спокойный. Не предающийся мрачности или бесконечным капризам.

Блэйн бросил усмешку шедшему сзади Гарету.

— Любящий котят? — проворчал Гарет. — Уважающий невинность?

— Значит, Блэйн не подходит, — промурлыкала Алиса.

— Откуда ты знаешь? — возразил Блэйн. Он прижал к губам косу Ровены. — Если вы добавите Достаточные средства и щедрость в гостеприимстве, то я знаю такого человека.

Ровена невинно взглянула на него.

— Я упомянула верность?

— Черт! — Сэр Блэйн отпустил ее косу. — Если мужчина не подходит всего лишь по одному качеству... — он задумчиво погладил подбородок, — например, не особенно любит котят, неужели вы разобьете его сердце?

Ровена, пританцовывая, взошла на подъемный мост.

— А он красив?

— Очень.

— С мягким характером?

— С мягчайшим.

— Молод?

Блэйн пожал плечами.

— Тридцать три года.

— Тридцать три? — вскричала, ужаснувшись, Ровена. — Но его мускулы будут мягки, как каша, а его способности ни на что не годны! Мне нужен муж, а не ковыляющая мумия.

Она обернулась, чтобы отметить воздействие ее слов. Гарет смотрел на нее таким раскаленным взглядом, который был способен, казалось, испепелить ее косы.

— Осторожно, миледи! — Блэйн протянул руку, увидев, что ее шлейф зацепился за доску моста.

Она потянула юбку обеими руками, забыв, что атлас не так прочен, как ее обычные одежды. Шлейф разорвался, и Ровена чуть не упала. Она зашаталась на краю моста в последней отчаянной попытке удержаться на ногах и не рухнуть в темную воду.

Руки в кожаных нарукавниках вовремя схватили ее. Какой-то бесконечный момент она висела над водой, удерживаемая в воздухе этими руками, прежде чем Гарет оттащил ее назад. Прошел еще долгий момент, прежде чем она осознала, что лицо Гарета уткнулось ей в шею, Блэйн стоит бледный, как пергаментный свиток.

Маленький розовый язычок Алисы облизывал пересохшие губы.

— Теплая погода позволила Блэйну заселить ров своими рыбами ранее обычного. Еще один шаг, и мы обнаружили бы лишь одни ваши кости.

Ноги Ровены подкосились. Гарет опустил рядом с нею на колени. Она закрыла глаза и потерлась щекой о мягкую кожу его перчатки. Он взял ее за плечи и отстранил от себя с усилием, заметным даже слепому.

— Это чудо, что я своими ковыляющими шагами вовремя подросел к вам. Мои способности уже не те, что были когда-то.

С этим ядовитым упреком он оставил ее сидящей на краю подъемного моста. Ровена сбросила успокаивающую руку Блэйна со своего плеча. Он и Алиса исчезли в замке, переговариваясь о чем-то друг с другом. Ровена положила голову на колени, печально созерцая блеск солнца на водной ряби озера.

Знакомая рука легла на ее шею сзади.

— Пошли, щеночек. Если не желаешь спать в конюшне с Большим Фредди, нам надо поспешить занять спальню.

— Почему ты только тогда добра ко мне, когда все остальные отвернулись?

Оставив этот вопрос без ответа, Марли помогла Ровене подняться. К тому времени, когда они достигли входа в замок, Ровена уже улыбалась, слушая в исполнении Марли непристойное, но очень детальное описание того, что происходило в лодке Блэйна, с использованием латинских терминов, непонятных для Ровены.

19

Хотя Ровена и ожидала, что ее флирт с Блэйном вызовет недовольство Гарета, она не думала, что это недовольство будет выражено полным пренебрежением. Он не проявлял к ней никакого внимания. Черты его лица затвердели, подобно изображению, высеченному в скале, красивые внешне, но лишённые всех человеческих эмоций.

Каждый час, казалось, возвращал его обратно к тому темному лорду Карлеона, который похитил ее из Ревелвуда. Его настроение постоянно ухудшалось с тех пор, как они прибыли в Ардендон. Чем более благожелательна была толпа вокруг него, тем более груб становился он. На каждую вежливую попытку завязать беседу он отвечал краткой репликой или вспышкой сарказма.

Блэйн, сидя в кресле, с благосклонной улыбкой принимал своих людей, проходивших мимо него с традиционными приношениями в ознаменование окончания Великого поста и начала празднования Пасхи в Ардендоне.

— Что беспокоит тебя? — спросил он сидящего рядом Гарета. — Представляешь свое маленькое очаровательное дитя, которому ты оказываешь благотворительность, в руках какого-нибудь распутного лорда. Неужели ты и впрямь рассчитываешь найти для нее мужа, когда единственный свадебный дар, который он может ожидать от тебя, — это кинжал в горло?

Гарет откинулся в кресле, закрыв глаза.

— Ты слишком много общался с Мортимером и стал от этого циничным и подозрительным.

— Прекрасное обвинение от человека с таким дьявольским характером, как у тебя. Ты приехал в Ардендон нападать почему зря на моих гостей и бросать свою мрачную тень на нашу радость? Твой угрюмый облик может быть привлекательным для дам, но и здесь я наблюдаю ослабление твоих и без того сомнительных чар.

Гарет открыл глаза. Тень улыбки тронула его губы.

— Ты говоришь так только потому, что Алиса прошлым вечером пришла сначала в мою спальню, а потом уж в твою.

— Все по той же причине. Ей не понравилось у тебя, и она перебралась в мою постель.

— Как будто бы ты отказал, если бы ей у меня понравилось.

Уже произнося это, Гарет пожалел о своих словах. Блэйн встал. Губы его были бледны и

поджаты в выражении, которое Гарет помнил еще с детства. Блэйн сощурил глаза, увидев Ровену, спускавшуюся с лестницы в облаке пурпурного бархата. Его губы раздвинулись в жесткой улыбке.

— Блэйн, я... — начал было Гарет.

— Не извиняйся. Я бы тоже был раздражительным, если бы моя возлюбленная спала в покоях моей сестры. Особенно если бы моей сестрой была Марли.

Блэйн пересек зал и предложил руку Ровене.

Гарет поднялся из своего кресла. Путь ему преградил какой-то оборванный человек. Он ворвался в зал, оттолкнув пажу, стоявшего в дверях.

Упавший паж едва успел подняться, как был снова сбит орущим мужчиной, гнавшимся за оборванцем с криком:

— Вор! Проклятый вор!

Один глаз преследующего был закрыт повязкой. Другой же сверкал обещанием смерти тому, за кем он гнался с дубиной в руке. Ровена отступила назад, когда убежавший бросился вниз лицом к ногам Блэйна, упав при этом на мешок, который он нес и в котором что-то отвратительно захрустело.

Его пальцы цеплялись за сапоги Блэйна.

— Милосердия, милорд! Я умоляю вас. Я желал лишь чести принести вам дары, когда этот еретик набросился на меня у ваших дверей.

Одноглазый резко остановился. Гарет перехватил его волосатое запястье, прежде чем тот успел обрушить дубину на голову лежавшего человека и забрызгать юбки Ровены его незадачливыми мозгами.

Одноглазый вырывался, но, глянув через плечо на рыцаря, удерживающего его, опустил дубину с уважительным поклоном.

— Он — лживый негодяй, милорд, — произнес он, обращаясь к Блэйну. — Я стоял, ожидая очереди предстать перед вами, когда эта подлая собака выхватила мой мешок и проскочила сюда. Я знал вас с тех пор, когда вы еще были парнишкой, сэр Блэйн. Я, конечно, приволокнуться не дурак, но я не лжец. — Он поднял свою дубину. — Дайте мне позволение, и я разобью его череп.

Блэйн вытянул руку в сдерживающем жесте.

— Нет, Джек. Предоставь это мне. — Он намеренно понизил голос. — Это обязанность вашего господина, вершить правосудие там, где необходимо.

Гарет закатил глаза. Человек, распростершийся у ног Блэйна, покрывал поцелуями его сапоги.

— Иди, Джек, — мягко сказал Блэйн. — Прежде чем мы осудим любого человека на повешение, необходимо учесть мотивы, приведшие его к такому отчаянному шагу. Особенно в Пасху, — добавил он, глядя с благосклонной улыбкой на Ровену.

Услышав об угрозе виселицы, человек у ног тихо заскулил. Яичная скорлупа хрустела под ним,

когда он пополз к Ровене и начал целовать дамастовый край ее юбок. Гарет начал подозревать, что Блэйн заплатил этому человеку за его отвратительную комедию.

— Я умоляю вас, миледи, — жалобно ныл незнакомец. — Ходатайствуйте за меня перед вашим благородным мужем. Я предаю себя на вашу милость. — Он цеплялся за юбки Ровены.

Резкая перемена в лице Ровены изумила Гарета. Его глаза расширились, когда она резко выдернула свою юбку из рук ползающего человека. Нога Ровены опустилась на его пальцы с такой силой, что у него вырвался сдавленный визг. Человек отпрянул. Блэйн был просто потрясен, когда Ровена вновь подступила к лежавшему, изо всех сил толкая его ногой, как будто человек этот был пауком, выползшим из-за стеной обшивки.

— Я тебе дам нежность, — шипела Ровена. — Я тебе дам доброту. Я явлю тебе такое же милосердие, которое ты показал мне, когда я приползла к тебе, умирая с голоду, и умоляла об убежище.

Гарет схватил человека за драный воротник туники и поднял его, спасая от Ровены. Человек медленно повернулся. Гарет одарил его леденящей улыбкой, забыв про все свои благородные идеи.

Вися между улыбающимся Гаретом и яростно сверкающей глазами Ровеной, Линдсей Фордайс выдавил, обращаясь к Блэйну:

— Повесьте меня, сэр. Пожалуйста.

20

— Тебе не кажется, Ровена, что ты была немножко жестковата с дядей Линдсеем?

Ровена поглубже зарылась лицом в подушку, сжимая кулаки. Чья это была идея послать Ирвина умолить ее? И Марли, и Гарет способны на подобное извращение.

— Оставь меня в покое, — сказала она голосом, охрипшим от плача. — Я надеюсь, что Блэйн повесит его.

Ирвин погладил ее по плечу, от чего Ровена передернулась.

— Вряд ли, при таком защитнике, как сэр Гарет. Он даже дал ему одежду со своего плеча! Ты бы видела своего отца. Теперь он одет как король и развлекает сэра Гарета горестными рассказами о своих несчастьях.

— Тогда, я надеюсь, Блэйн повесит Гарета.

Ирвин вздохнул, и его рука погладила теперь ее шею.

— Странно подумать. Если бы все пошло по-иному, ты и я могли бы делить такую же постель, как эта.

Ровена, фыркнув, выскользнула из кровати и села у стены, скрестив руки на груди.

Ирвин пожал плечами.

— Может, это и к лучшему. Поскольку мы — родня, наши дети могли бы родиться с четырьмя руками или слабоумными.

— Или толстыми, — злобно добавила Ровена. Ирвин растерянно улыбнулся.

— Прислушайся, Ро. Слышишь, что ты упускаешь?

Он склонил голову. Сквозь пол доносились раскаты отдаленного смеха. Слышался ритм барабана, в который вплетались звуки гобоя и песня лютни.

Ровена потерла свои распухшие глаза. Их резало так, как будто под веками была насыпана соль.

— Я не хочу. Я отказываюсь спускаться, пока праздник не кончится или папа не уедет. Не могу видеть его и Гарета мирно беседующими. Унизительно уже то, что Гарет принял его, как будто он — его собственный блудный отец. Бедный папа. Он не поймет, что Гарет способен отрезать ему голову, пока эта голова не покатится с плеч. Но тогда он уже точно ничего не сможет понять.

Ирвин улегся поперек кровати, положив подбородок на руки.

— Гарет задает дяде Линдсею много вопросов, Они обсуждали твою будущую помолвку.

— Они нашли мне подходящего дряхлого рыцаря?

— Упоминалось несколько имен.

Ровена глядела на пол. Сменявшиеся, как песок под ветром, чувства читались на ее лице. Когда она подняла глаза, в них было больше серого, чем голубого.

— Может быть, мне следует сойти вниз и узнать насколько искренне Гарет стремится избавиться от меня.

Ирвин дружески шлепнул ее по руке.

— Вот хорошая девочка. — Он скатился с кровати. — Если ты решишь сказать им всем, чтобы они отправлялись к дьяволу в ручной тележке, я сразу женюсь на тебе.

Когда он ушел, Ровена подошла к тазу и плеснула в лицо холодной водой. Даже не вытершись, она поспешила расстегнуть кожаные ремни на своем сундучке. Роясь в его содержимом, нашла тот самый шелковый детский чепчик из шкатулки Гарета. Она долго смотрела на него, затем заткнула за лиф своего платья.

Если Гарет хотел, чтобы ее отец был в Ардендоне, по какой-то лишь ему известной причине, она не будет возражать, но Гарету тоже придется ответить на вопросы, которых будет не меньше, чем он сам задает папа.

Гарет взболтал вино на дне кубка, увидев в г отражение своего скучающего лица. Линдсеи Фордайс уже в пятый раз повествовал ему о горестном везении, которое привело его к ногам Ровены. Фордаису, опустошившему уже пять кубков бургундского и принявшемуся за шестой, достаточно было лишь чувственных кивков со стороны Гарета, чтобы продолжать говорить безостановочно. Это облегчало задачу Гарета, поскольку ему отвратительно было все время изображать понимающую улыбку.

Круглые голубые глаза Фордайса, когда-то напоминавшие ему глаза Ровены, теперь были испещрены красными прожилками. На отвисшей губе висели капли слюны. Если этот человек

был настолько глуп, чтобы принимать притворство Гарета за искренность, то, право же, настоящее чудо, что Ровена не родилась круглой идиоткой.

Ровена же была далеко не глупа. Гарет хорошо ощущал укол ее взгляда, брошенного на него, когда он взял ее отца под свою защиту.

Фордайс продолжал бубнить что-то о грабителе, обобравшем его в лесу. Он остановился в Ардендоне, чтобы добыть пропитание для дальнейшего пути в Карлеон. До него докатились слухи о счастье его дочери, и он спешил к ней, чтобы разделить ее радость. Гарет задумчиво отбивал пальцами на столе ритм песенки, наигрываемой Мортимером. Ему следовало еще раньше понять, что слухи о везении Ровены могли заманить Фордайса в его ловушку скорее, чем слухи о плохом обращении с нею. Каким же он был глупцом, Думая иначе!

Танцующие хлопали в ладоши, проносясь мимо Гарета головокружительным смещением цветов. Марли скакала сквозь их ряды, весело расталкивая со своего пути как дам, так и кавалеров. Ирвин беспомощно потыкался, следуя за нею в вихре веселой музыки.

В центре зала Блэйн кружил Алису, отпуская ее изящные руки только затем, чтобы хлопать в такт ритму, отбиваемому барабанами.

Фордайс тоже колотил по столу своими короткими толстыми руками, как веселящийся ребенок. Опасаясь, что его отвлечет этот водоворот цвета и музыки, Гарет схватил бутылку и направил струю вина в кубок Фордайса. Вино перелилось через край.

Внезапно на лестнице появилась Ровена. Темно-красный бархат ее платья с высокой талией был собран под грудью и закреплен золотой цепочкой. Волосы спадали вокруг лица мягкими пшеничными волнами, схваченные сзади филигранной брошью. В противоположность тонким оттенкам лимонного и голубого цветов, преобладавших среди танцующих, Ровена сияла подобно рубину, освещенному огнем изнутри.

Гарет вскочил, сдерживая проклятия. Это чертово вино нашло трещину в столе и капало ему на колени. Он потер пятно на рейтузах. Ровена была нежелательной помехой, если он и вправду рассчитывал вытянуть истину из ее не в меру разговорившегося отца.

— Ровена, мой ангел! — Фордайс кинулся было вперед, но его болевшие после вчерашнего сустава напомнили ему, что в ее последнем приветствии было больше ярости, нежели теплоты. Гарет воспользовался его заминкой, усадив опять в кресло.

— Папа!

Взгляды всех обратились к очаровательной фаворитке темного лорда, бросившейся с лестницы прямо к столу, волоча за собой длинные рукава, извивавшиеся у ног танцующих, подобно бархатным змеям. Она грациозно обошла Гарета и уселась на колени своему отцу.

Линдсей Фордайс поначалу съезжился, но, когда она начала осыпать его нежнейшими поцелуями, он понял, что ему не угрожает новое нападение, и придал ее к своей груди. По его щекам в сетке красных вен струились пьяные слезы. Гарет понял, что, несмотря на многие недостатки Линдсея Фордайса, часть его души истинно любила единственную дочь. Руки Гарета сжались в кулаки. Он не мог не чувствовать себя преданным при виде этой пары. Они прижались друг к другу щека к щеке, их светлые волосы слились в одно золотистое облако. Гарет готов был увидеть за их спинами призрак Илэйн, насмехающийся над его надменной уверенностью, что он может разрушить узы этого колдовского круга.

Толпа аплодисментами приветствовала трогательное зрелище. Мортимер отметил это единение премилой балладой. Когда глаза менестреля встретились с глазами Гарета, между ними возникло какое-то загадочное взаимопонимание. Светлая голова Мортимера, незаметно для других, наклонилась в согласии.

Блэйн появился позади Гарета, как вредный, проказливый мальчишка.

— Не каждый день наши пресытившиеся души являются свидетелями таких нежных родственных чувств. Трогательно, не правда ли?

— Поразительно, — ответил Гарет.

— Дорогой, дорогой папа, — ворковала Ровена. — Я молюсь, чтобы ты простил меня за мою выходку. Я была расстроена и буквально вне себя. — Она разгладила его тунику и достала из своего лифа кусочек кремового шелка, чтобы вытереть его слезы. — Подумав о своих действиях, я ужаснулась их несправедливости. Я — твоё дитя. Не мне судить тебя. Скажи, что ты простишь меня. Я умру, если ты этого не сделаешь.

Фордайс счастливо икнул и похлопал ее по спине.

— Ну, ну, девочка, ты знаешь, что я никогда не мог долго сердиться на тебя. Мы вместе, и с нами — бутылка вина. — Он нахмурился, озадаченный, обнаружив, что бутылка почти пуста. Потом вытер лоб куском материи, который Ровена дала ему. — Самое главное, дитя мое, твой добрый рыцарь предложил мне поддержку и свое общество на этом пасхальном празднике.

Фордайс улыбнулся Гарету. Не обращая внимания на хмурый вид Гарета, Ровена обхватила рукой шею отца.

— Будь осторожен, папа. Его поддержка — это роза с ядовитыми шипами, которой следует остерегаться больше, чем враждебности других людей.

Фордайс взмахнул подборием платка в сторону Гарета.

— Я всегда любил этого парня. Учил его, как кидать кости в игре. Да.

— Мне следовало бы знать об этом раньше, — мягко сказала Ровена.

Гарет нахмурился. Его взгляд не отрывался от кусочка шелка, которым Фордайс махал перед его носом. Он молча потянулся за ним. И в тот же самый момент блестящий шелк привлек внимание и Фордайса. Он пригляделся к нему, разглаживая благоговейными пальцами. С кривой улыбкой Фордайс уронил кусочек ткани на голову Ровены.

— Смотри: этот чепчик выглядит так же чудесно на твоих маленьких локонах теперь, как и в тот день, когда Данла сшила его для тебя. — Прежде чем Гарет успел остановить его, он поднял к ее лицу свой кубок, чтобы она посмотрелась в него, как в зеркало.

Гарет наблюдал через ее плечо, как взгляд Ровены медленно обратился к своему отражению. Она недоуменно дотронулась пальцем до полированного серебра. Светлые волосы. Голубые глаза, припухшие от плача. Смешной кусочек ткани на голове. Кубок отразил все с щемящей ясностью, сведя ее лицом к лицу с дочерью Илэйн де Креси. Гарет задержал дыхание, ожидая, что она выплеснет содержимое кубка ему в лицо.

Ровена подавила истерический смех, глядя на свое отражение.

— О боже. По крайней мере, он не закопал меня в саду.

Гарету хотелось немедленно взять ее на руки, но он знал, что не смеет оставлять Фордайса идти одного дальше по темным тропинкам его пробудившейся наконец памяти. Такая возможность может не представиться вновь. Если он сможет очистить имя де Креси, чтобы иметь право дать его Ровене как своей жене, у него впереди будет еще много лет, чтобы выпросить у нее прощение за свое молчание о том, что он знал.

Блэйн в нетерпении затопал ногами, услышав, как пальцы Мортимера понеслись по струнам в бесшабашном ритме.

— Пойдемте, миледи. Если ваш отец не возражает мы отпразднуем это воссоединение танцем.

Гарет схватил Ровену и буквально сунул ее в руки Блэйна. Она была мягкая и безвольная, как тряпичная кукла.

— Ее отец и я еще не закончили наши дела. Забирай ее.

Блэйн злорадно усмехнулся:

— С радостью.

Когда Блэйн увлекал Ровену в танце, на ее лице сияла улыбка. Гарет опустил в кресло, поглаживая бороду и раздумывая о том, чего же ожидать от нее теперь.

Линдсей Фордайс рассеянно похлопывал себя по коленям, как бы удивленный тем, что Ровена больше не сидит на них. Его взгляд следовал за Ровеной, жадно отыскивая ее среди танцующих. Гарет наблюдал за лицом этого человека с чувством, похожим на жалость.

В танце Ровены ощущалась примитивная грация, дразнящий намек на существо с торфяников, кем она и была. Кулаки Гарета сжались, когда Блэйн прижал свои губы к ее шее. Его напряжение не исчезло и после скромного взгляда, который Ровена обратила к Блэйну, когда они снова сошлись лицом к лицу в танце.

Фордайс дрожащей рукой поднял полный кубок к губам.

— Она напоминает мне ее мать.

Гарет затаил дыхание, не смея двинуться. Сначала он даже подумал, что эта вероломная мысль слетела невзначай с его собственных губ. Фордайс задумчиво кивал в такт музыке.

— Все еще напоминает? — спросил Гарет с притворным безразличием. О том, чего ему это стоило, можно было судить по подергиванию щеки.

Ровена и Блэйн шли сквозь толпу танцующих рука об руку, продвигаясь по направлению к арке лестницы.

— Моя Алтея никогда не наказывала Ровену. Ее адская деликатность не позволяла мне любить ее так, как я мог бы.

— Алтея? — глупо повторил Гарет, видя, как его планы рушатся на глазах.

Блэйн уводил Ровену в тень под лестницей. Они, кажется, спорили. Ровена взглянула в их сторону с мольбой в глазах.

Фордайс бессвязно продолжал:

— Да, моя дорогая жена была очень болезненной с самого начала. Это требовало от меня жертв. Я ограждал ее от сквозняков и всегда советовал ей стирать только при ярком солнце. Я давал ей несколько месяцев передышки между сыновьями и искал в это время у других удовлетворения тех потребностей, на которые обречен мужчина.

Гарету становилось тошно от всего этого.

— Ну, а Ровена не болела ни одного дня в своей жизни. Она могла бы выдержать внимание самого похотливого рыцаря. — Он, хитро подмигнув, толкнул Гарета локтем.

Ровена забросила свои изящные руки за шею Блэйна и притянула его к себе для поцелуя. Гарет встал, оттолкнув кресло с такой силой, что оно едва не перевернулось.

Увидев, куда Гарет направился, Мортимер резко прервал мелодию, которую наигрывал. Барабаны замолкли. Танцующие заспотыкались, вынужденные внезапно остановиться.

Менестрель склонил голову. На гладких волосах сверкали блики. С особой утонченностью и грацией его длинные пальцы нежно перебирали натянутые струны, извлекая из них первые томительные звуки баллады, которую все слышали до этого лишь однажды.

Гарет замер на месте. Отбросив назад свои длинные волосы, Мортимер возвысил голос до сладкого тенора, звучащего той невинностью, которую он утратил, будучи еще мальчишкой, в руках самого доверенного рыцаря его отца:

Илэйн наша прекрасная

Заколота напрасно...

Даже пламя, танцующее в очаге, казалось, замерло при звуках этой мелодии. Тени, метавшиеся по стенам, казалось, вдруг подвинулись ближе и стали тенями прошлого. Сердца слушавших сжались. Все глаза обратились к высокому, темному мужчине, стоявшему среди них.

Ее рукой нетвердой

Убийца выдан гордый...

Гарет услышал металлический стук позади себя. Вокруг его ног, как кровь, разлилось вино. Он повернулся.

Лицо Линдсея Фордайса стало смертельно бледным, когда ложь, которую он рассказывал так часто и так правдиво, что сам поверил в нее, зазвучала здесь в этом зале. Его горло мучительно двигалось, но из него исходил лишь бессмысленный стон.

Неистовая песня победы пробудилась в крови Гарета. Он встретил пораженный взгляд Ровены на другом конце зала и на короткий момент ощутил раскаяние. Но даже это не могло ослабить того взрыва восторженной радости, который чуть не ослепил его.

Он отвернулся от Линдсея Фордайса. Будет еще время для выяснения истины между ними. Он спрятал улыбку под презрительной гримасой и положил руку на рукоять меча. Ему придется выступить еще один, последний раз в роли Темного Лорда Карлеонского. А завтра им всем

придется искать нового актера для сочиняемых ими мелких драм.

С рычанием, которое посеяло бы ужас в храбрейших мужчинах, он прошел сквозь толпу, холодно сдвигая людей со своего пути. Мортимер продолжал пение, как будто не подозревая, что над его головой готова нависнуть грозовая туча. Темноволосый оруженосец бросился загородить Мортимера, но Гарет легко отодвинул его, как досадную мелкую помеху.

Его рука сжала струны лютни. Последняя диссонирующая нота задрожала в воздухе, и песня менестреля стихла, оставив тишину настолько глубокую, что тяжелое дыхание Гарета было слышно всем в зале. Гарет выхватил лютню. Он поднял ее над головой, как будто хотел разбить, но, увидев, как незаметно для всех поморщился Мортимер, швырнул ее оруженосцу, стоявшему за ним. Его кулак схватил Мортимера за тунику, толкнув его назад, пока тот не оказался прижатым к стене.

— Идиот! Ты не внял моему предупреждению, когда я последний раз слышал эту непристойность от тебя?

— Это хорошая мелодия, милорд. Я просто забыл вашу просьбу, — проскрипел менестрель.

— Я предупреждал тебя, что ты расстанешься с жизнью, если она когда-нибудь вновь раздастся из твоих уст.

— Люди, сэры, они жаждут новых мелодий. Мой долг — удовлетворять их желания.

Толпа вздохнула и отступила на шаг, когда Гарет бросил Мортимера и повернулся. Он слегка вытащил свой меч из ножен.

— Кто-нибудь желает послушать эту песню? Широкое лезвие мерцало в свете факелов. Никто не смел даже почесаться. Гарет повернулся к Мортимеру, увидев, как тот тихо пробирается на четвереньках к двери.

Он пнул его в зад.

— Убирайся, мошенник, и не пой в моем присутствии сегодня. Любая нота, услышанная от тебя, будет последней.

Гарет подавил безумное желание расхохотаться, увидев, как Мортимер, опустив голову между ног, подмигнул ему. Шелковый кошелек менестреля, раздувшийся от золота Гарета, был его вознаграждением за это представление.

Гарет вложил меч в ножны и отряхнул руки, как будто прикосновение к дрожавшей плоти Мортимера испачкало их.

Перед ним волшебным образом расступалась толпа, когда он шел обратно к столу. Впервые косые взгляды интереса, смешанного с осуждением, не злили, а развлекали его. Скоро он освободится от этих взглядов навсегда, предоставив им всем сокрушаться по поводу их столь длительного заблуждения. Может быть, Мортимер даже сочинит прекрасную балладу обо всем этом. Гарет бессознательно улыбался.

Но улыбка сошла с его лица, когда путь к столу полностью освободился. За столом никого не было. Детский чепчик лежал смятый среди камыша, которым был устелен пол. Линдсей Фордайс исчез.

Затащить отца было так же трудно, как раненую лошадь. Его приземистое тело было как будто без костей. От Ровены потребовались все ее силы, чтобы вытащить его из кресла и заставить понять, что они должны бежать немедленно, пока Гарет отвлекся.

Раньше она думала, что сможет бросить своего отца на милость Гарета, не чувствуя угрызений совести. Но когда его руки обняли ее с таким чувством, она поняла, что, несмотря на все его пороки, он был ее отцом. Теперь она не могла вынести мысли, что ему несдобровать, так же, как не могла оставить его, зная, что опасность исходит от человека, которого она любит.

Сначала Ровена хотела отвлечь Гарета, возбудив ревность и направив его гнев на себя. Но ее план не удался. Когда Мортимер начал петь эту проклятую балладу, мысли Гарета вновь обратились к прошлому вместо будущего, которого им, может быть, никогда не удастся разделить.

С огромным трудом поддерживая Фордайса, она вывела его через двор замка к конюшням. Дверь в конюшню была широко раскрыта, впуская внутрь теплый весенний ветер. Большой Фредди и Маленький Фредди оторвались от игры в кости и с удивлением увидели ввалившегося к ним отца, поддерживаемого Ровеной. Она покачнулась. Большой Фредди подхватил ее. Ровена уткнулась в его тунуку, вдыхая знакомый, домашний запах его пота, который был для нее слаще, чем любые духи.

Она схватилась за тунуку Большого Фредди.

— Лошадь. Нам нужна лошадь. Нет времени объяснять, но отцу нужна лошадь.

Большой Фредди почесал голову.

— Он пришел сюда без лошади.

Ровена трясла его, пытаясь справиться со своей истерикой.

— Неважно, что он пришел без лошади. Мне нужна лошадь сейчас же.

Маленький Фредди схватил ее за локоть:

— Гарет?

Она безмолвно кивнула и благословила его ум, когда он побежал от стойла к стойлу, открывая двери.

— Здесь нет жеребца, которого бы не догнал Фолио, — объявил он наконец.

Ровена думала лишь мгновение.

— Тогда дай мне Фолио.

Большой Фредди побледнел.

— Я не могу отдать лошадь моего господина.

— Ты предпочитаешь увидеть, как на твоих глазах убьют твоего отца? — спросила она.

Лицо Маленького Фредди посуровело.

— Я знаю, что он не подарок. Но он — наш отец. Я не могу допустить, чтобы Гарет хладнокровно убил его. Это будет смерть и для меня, — сказала Ровена.

Маленький Фредди открыл последнюю дверь. Мощные белые ноги коня переступали по сему. Другие лошади нервно заржали в своих стойлах. Бросив отчаянный взгляд на них двоих, Большой Фредди снял с колышка уздечку, украшенную изумрудами и ониксом, надел ее на Фолио.

Маленький Фредди положил седло на спину лошади.

— Боюсь, что Гарету не придется убивать отца. Фолио сбросит и затопчет его, прежде чем он спустится с моста. Этот жеребец признает только своего хозяина.

Ровена решительно сжала зубы.

— Он знает меня.

Рука Маленького Фредди замерла на седле.

— Ты поедешь с ним?

— Только до того места, где он будет в безопасности. После этого я вернусь и приведу назад Фолио.

— Вернешься к нему? К кипящему маслу? К виселице?

Ровена опустила глаза.

— Я не должна бояться Гарета. Я должна верить, что он не тронет меня.

— Я молюсь, чтобы твоя вера не обманула тебя.

— Я тоже. — Ровена твердой рукой взялась за уздечку.

Братья усадили стонущего Фордайса на Фолио позади нее.

Маленький Фредди держал ее за щиколотку.

— Я задержу Гарета насколько смогу.

Затем он убрал руку. Не дожидаясь команды Ровены, жеребец рванулся вперед. Фордайс с отчаянной силой держался за ее талию.

Жеребец понесся по мосту через озеро к лугам.

С каждым ударом копыт Ровена ожидала, что соскользнет под живот лошади и неминуемо окажется под копытами. Когда Фолио стал вязнуть в мягком торфе на вершине холма и встал на дыбы, Ровена завизжала, почувствовав, что лошадь ускользает из-под них. Оба седока скатились по крутому склону, сцепившись в один клубок.

Она лежала на спине, глядя вверх на звезды, рассыпанные по темной синеве неба. И вспомнила ночь из далекого прошлого, когда она лежала в колыбели ее любимого торфяника

под пологом такого же неба, в блаженном неведении о смертоносных чарах рыцарей и прочем зле мира.

Она вспомнила, как маленькой всюду ходила за женщиной, которую считала своей матерью. Цеплялась за ее нагретые солнцем юбки, когда она гнула свою изящную спину над кадкой для стирки. Фигура ее была не хуже, чем у любой знатной дамы. Отец попросту угробил ее, загнав своих сыновей в оскверненный им замок и волочась за шлюхами, подобными Илэйн де Креси.

Ровена закрыла глаза. Ей вдруг не захотелось жизни ничего, кроме возможности лежать во влажной траве вечно и наблюдать, как несутся, закрывая луну, облака. Фолио уже, несомненно, умчался, и им ничего не оставалось делать, как лежать здесь, пока Гарет не придет и не убьет их. Фордайс вдруг захихикал.

— Ну, ну, перестань, Илэйн. Вечно ты щекочешься и дразнишься да прижимаешься носом. Брось свои похотливые штучки.

Потусторонний холодок пополз по спине Ровены.

Она медленно повернула голову, ожидая увидеть полусгнивший скелет Илэйн, склонившийся над отцом.

Увидела же она Фолио, тыкавшегося губами в его шею. Папа отталкивал его голову с тем самым дурацким смехом. Конь взглянул на нее с таким кротким выражением, что Ровена едва не рассмеялась.

Она перекатилась на живот и подползла к отцу. Фолио ткнулся и в ее шею своим бархатным носом.

— Папа? — прошептала она.

— Да, дитя?

— Ты убил мою мать?

— Конечно, нет. Алтею убил Маленький Фредди. Но он не виноват в этом. Она просто не была достаточно сильной, чтобы рожать еще раз.

— Не Алтею, папа. Мою мать — Илэйн.

В этот момент он бросил на нее совершенно трезвый взгляд и удрученно вздохнул.

— Мне следовало бы свернуть ее хорошенькую шейку. Но я не мог. Все, что я мог сделать, это кричать и скулить, а потом — рискуя сломать мою собственную шею, убежать от этого глупого мальчика. Кто может обвинить меня за это? Хоть он был еще мальцом, я видел смерть в этих дьявольских глазах.

Ровена откинулась на спину. Они лежали так, подобно давним товарищам, наблюдая за облаками, несущимися по звездному полю. Что ж, ничего удивительного. Он лишь подтвердил то, что она знала всегда: Линдсей Фордайс не смог бы убить даже таракана.

— Чего же ты хотел, отец? Он был влюблен в нее. И вдруг застать вас...

Фордайс вздохнул:

— Глупости. Мы просто ругались. Она отказывалась уйти со мной. Она не видела причин не стать леди Карлеона во второй раз, выйдя замуж за сына собственного мужа. Тогда я захотел забрать тебя. Я хотел отдать тебя Алтее. Она так долго желала дочку. Мы тянули тебя в разные стороны, как пара гарпий, когда парень ворвался к нам. — Давно забытый стыд мелькнул в его глазах. — Я бросил тебя.

— Уронил на голову, очевидно.

Отец бросил на нее укоризненный взгляд.

— Я выскочил из окна. Я думал, что твой плач будет вечно преследовать меня.

Внезапная идея сверкнула во тьме ее мыслей, подобно луне, прорвавшейся сквозь облака.

— Папа, а как же ты получил меня потом? Кто принес меня к тебе?

Ответом ей было лишь сбивчивое бормотание. Фордайс вновь погрузился в полубессознательное состояние и тихо напевал что-то. Внезапный крик, донесшийся до них из башенки над подъемным мостом, нарушил безмятежную тишину окружающей природы.

Ровена заколотила кулаками по отцовской груди.

— Отец, послушай меня, я должна знать это. После того как Илэйн убили, кто принес меня к тебе? Вспомни!

Он поморщился, вспоминая тогдашнюю боль.

— Проклятый мальчишка сломал мне ногу. Он обрезал веревку, когда я был еще на высоте пятнадцати футов от земли. Я еле вполз на лошадь. Коновал сломал ее снова, прежде чем вправить. Мясник.

Она трясла его за тунику. Голова барона моталась из стороны в сторону по мягкому торфу.

— Отец, пожалуйста! Как я оказалась в Ревелвуде? Кто отдал меня тебе?

Чистый напев трубы заставил Фолио поднять голову. Жеребец дергал головой, взмахивая гривой, похожей на волны атласа.

Живот Фордайса вдруг затрясся, и Ровена с ужасом поняла, что он плачет.

— Я не мог поверить, что моя прекрасная Илэйн мертва. Не имел сил подняться с койки. Сунули ребенка мне. — Его дрожащая рука нащупала ее локон, чтобы вытереть слезы. — Я так хотел забрать мою маленькую Ровену. Забрать от ее матери, прежде чем ее пороки передадутся ребенку.

Ровена подняла голову.

— Кто, отец? Кто рассказал тебе то ужасное, что случилось?

Она наклонилась вперед, напрягаясь, чтобы разобрать его свистящий ответ.

Темнота разорвалась громким топотом копыт. Фолио пронзительно заржал, когда темная фигура выехала из ворот замка и понеслась в ночь.

Много лет потом Ровена будет помнить свои кошмарные усилия усадить отца на лошадь, а затем вскочить и самой. Пот лился по ее лицу, со слезами, когда, усевшись наконец на лошадь, она обнаружила, что Фолио отказывается подчиниться ей. Его уши наострились. Он повернул голову в том направлении, откуда приближался всадник. Ровена в отчаянии ругалась и колотила по его спине кулаками. Всадник приближался, низко пригнувшись к спине боевого коня. Намерения его были ясны, и он был глух к любым оправданиям. Ровена знала, что жизнь вялого человека, сидящего позади нее, висит на волоске.

Удары ее каблуков сдвинули наконец Фолио с места. В его конском мозгу возникли, очевидно, отголоски давней памяти о жеребьячьих играх, погонях друг за другом. Он развернулся и бросился прочь от своего приближающегося хозяина, размахивая хвостом, как дразнящим белым султаном. Ровена одной рукой ухватилась за поводья, а другой пыталась удержать отца, чтобы тот не дай бог не свалился.

Фолио мчался галопом, вытягивая свои длинные ноги. Ветер свистел в ушах Ровены. Она осмелилась бросить взгляд назад и с изумлением увидела, что дистанция между ними и их преследователем увеличивается. Даже с грузом двух всадников Фолио обладал достаточной силой, чтобы беспрепятственно лететь сквозь тощие весенние травы.

Ровена повернула Фолио к лесу, неспособная отличить биение сердца где-то у себя в горле от стука копыт мчавшегося Фолио. Они погрузились в тень леса. Ровена натянула поводья, и Фолио нехотя остановился.

У них было очень мало времени. Ровена соскочила с коня и удержала отца, хотевшего последовать за нею.

— Папа, ты слышишь меня?

Он лег на шею лошади и приоткрыл мутный глаз —

— М-м-м?

Ровена схватила его за уши и притянула его лицо к своему.

— Ты должен держаться! Ты должен ехать! Скачи, пока не доедешь до замка или деревни. Ни в коем случае не останавливайся. Ты понимаешь?

Она отпустила его. Голова Фордайса ударилась о луку седла. Он застонал.

— Сломаю шею, — пробормотал он.

— Это еще неизвестно. Но Гарет точно отрубит тебе голову, если поймает.

Он предпринял отчаянные усилия, чтобы выпрямиться. Ровена одобрительно похлопала его по бедру.

— Вот так. Спешу, папа. Мчись как ветер.

Губы Линдсея Фордайса изогнулись в подобии той солнечной улыбки, которая когда-то очаровала Илэйн.

— Я вернусь к тебе, девочка. Как только поймаю свою фортуна. Я привезу тебе лент и золота

столько, сколько смогут унести твои маленькие лапки.

Его жидкие волосы и выцветшие голубые глаза поплыли перед взглядом Ровены.

— Да, папа, я буду ждать.

Ровена знала, что должна предпринять что-то для того, чтобы жеребец не бегал по кругу на одном месте, ожидая настоящего хозяина. Она порывлась в своей изорванной юбке и нашла булавку, зловеще сияющую в лунном свете. Затем приложила щекой к шелковому крупу Фолио, шепча извинения, и воткнула острие в нежную часть его задней ноги.

Жеребец встал на дыбы. Ровена отскочила от его Молотящих по воздуху копыт. Фордайс схватился за неожиданно цепко.

— Вперед, мой конь! — закричал он. — Мы поразим этих арабских язычников и возвратим Святой Крест в Иерусалим!

Взмах белого хвоста, и они исчезли. Землю сотрясал гром других приближающихся копыт. Топот почти стих, когда Гарет въехал в лес. Не тратя время на раздумья, Ровена забралась на широко раскинувшиеся ветви прочного ильма, жалея, что у нее нет шлема Марли.

Она схватилась за ветвь своими потными ладонями в тот момент, когда кошмарная фигура в черном и в серебре появилась в поросли под деревом. Ровена зажмурилась и бросилась вниз, используя силу инерции, обрушиваясь на всадника. Она обхватила ногами его плечи в падении вместе с ним с гигантского боевого коня. Пока они катились по земле, ударила по ногам коня, вспугнув его и заставив помчаться обратно, откуда он прискакал.

Рука в перчатке схватила ее за горло и швырнула на спину. Мускулистая рука занесла над нею меч. В какой-то ужасный момент Ровена подумала, что Гарет может не узнать ее, прежде чем опустится это сверкающее лезвие. Но в следующий, еще более страшный момент она увидела по его холодным глазам, что он ее узнал, но меч по-прежнему опускается. Девять дюймов стали просвистели рядом с ее ухом, когда Гарет воткнул меч в рыхлую лесную почву совсем рядом с ее щекой, издав крик ярости и муки, заставивший лес со всеми его ночными звуками погрузиться в мертвую тишину.

Она лежала, стиснутая его рукой, пальцы которой не обнаруживали ни намека на милосердие. Слеза скатилась из уголка ее глаза по испачканной землей щеке.

Гарет схватил ее за ворот платья и рванул вверх.

— Как ты могла? — Он тряс ее, как куклу, затем вновь опустил на землю.

Он резко выпрямился, наклонив голову и прислушиваясь к звукам. Лишь одинокий крик козодоя насмешливо отозвался в ночи.

— Гарет? — прошептала она.

Грубым движением руки он заставил ее замолчать.

— Двадцать лет я искал человека, который обесчестил мое имя. Человека, бросившего тень на все надежды, мечты и планы, которые вынашивал мой отец, думая обо мне. Человека, который лишил меня сочувствия всех, захлопнул передо мной все двери. Я потратил полжизни в поисках этого слезливого труса.

— И его златовласой дочери?

Он круто повернулся к ней.

— Да. Ребенка, которого Илэйн привезла в Карлеон, выдавая его за законное потомство ее умершего мужа. Вскоре вслед за ней появился ее любовник, предлагая свою службу Карлеону. — Он сделал шаг к ней, Ровена не хотела показывать страха перед его черным взглядом. — Марли считала достаточной мезтью послать эту златовласую дочь домой, к отцу, изнасилованной и с ублюдком в животе.

Ветерок в лесу казался холодным разгоряченным Щекам Ровены.

— Слишком милосердно для тебя, да? Ты предпочел нечто более дьявольское, — сказала она.

— Все, что я хотел, это истины. Я лгал всю мою жизнь, чтобы найти ее.

— Не говори мне об истине. Это слово звучит издевкой в твоих устах. Нет, Гарет. Ты ищешь не истину. — Она встала на ноги. — Ты хочешь очистить свое имя. Ты хочешь обвинить кого-либо в убийстве, в котором обвиняли тебя. Ты хочешь наказать кого-либо за вынесенную тобой боль.

— Я думаю, твой веселый папа уже убедил тебя в полной своей невинности, — прошипел он.

— Отец сломал ногу, когда ты отрезал веревку, по которой он лез из окна. Он на лошадь-то еле-еле взобрался, не говоря уж о том, чтобы вернуться по лестнице и вонзить меч в грудь Илэйн.

Гарет хмыкнул:

— Еще одно семейное предание Фордайса. Ты лжешь почти так же хорошо, как твоя мать. — Ровена не думала, что это возможно, однако его лоб нахмурился еще больше.

— Скажи мне тогда, моя дорогая... — Он угрожающе подступил к ней. — Если твой драгоценный папа не убивал Илэйн, кто же тогда сделал это?

Лунный свет, пробившись сквозь облака, осветил Ровену. Она не была готова ответить на вопрос Гарета и не хотела, чтобы он видел ее глаза. С хитростью пойманного зверька она повернулась, чтобы убежать, но его руки обхватили ее прежде, чем она успела сделать шаг. Ровена не сопротивлялась. Сердце Гарета билось в сумасшедшем ритме, когда он держал ее, прижав к себе спиной.

В ее ухо вливалось шелковое тепло его голоса.

— Значит, он убедил тебя, что я — убийца.

Она откинула голову к его плечу, выбрав молчание. Жаркие слезы выступили из-под ее век.

Его руки медленно скользили вверх по ее плечам, волосам, к ее шее. Пальцы в перчатках ласкали гладкую кожу с такой невыносимой нежностью, что Ровена сжалась, как будто ждала, что он ударит ее.

Его тихий странный смех вызвал дрожь страха, прошедшую по ее спине.

— Непостоянное создание. Теперь ты сжимаешься от моего прикосновения. А давно ли с радостью встречала его? Не две ли ночи назад ты лежала подо мной, прося меня...

— Гарет, не...

— Что «не»? Не продолжай? Или не останавливайся? Почему ты не позволяешь мне показать тебе, каким любящим сводным братом я могу быть? — Его пальцы поглаживали округлость ее груди, затем проникли под ее платье, лаская нежный бутон ее соска. Горло Ровены сжималось одновременно от страха и желания.

— Прекрати эту попытку! — закричала она, отбрасывая его руку. — Я не хочу, чтобы ты оттачивал на мне свое искусство. — Она вывернулась из-под его рук и отскочила в сторону.

Он следовал за ней шаг за шагом, протягивая к ней руки.

— Почему же ты убегаешь, маленькая сестренка руки убийцы еще совсем недавно доставляли тебе наслаждение. Тебя не беспокоило, что с них, может быть, капает кровь.

Ровена отбросила назад свои волосы. Грубая кора врезалась в ее плечо, когда она, отступая, прижалась к дереву. Она заставила себя рассмеяться, чтобы не выдать истину. Она знала, кто убил Илэйн, но если Гарет узнает об этом — мир его рухнет окончательно, может быть, схоронив под обломками и его самого.

— Ты хочешь овладеть мною сейчас, Гарет? Как ты овладевал всеми другими женщинами, которые осмеливались смотреть на тебя с подозрением? Хочешь использовать свое главное оружие, заставляющее меня молчать? Или, может быть, ты закроешь глаза и представишь себе, что перед тобой моя мать? Может быть, ты так и поступал с самого начала?

Он подходил все ближе и ближе. Его губы изгибались в усмешке.

— Я уже владел тобой. И должен сказать, ты упала в мою постель быстрее, чем большинство других. Я думаю, тебе, у которой струится в жилах кровь шлюхи, труднее было удержаться.

Ровена забыла, что все это устроила она сама. Забыла все, кроме ярости, застилавшей глаза красным туманом. Ее кулак, выброшенный вперед, нанес в его челюсть такой удар, который заставил его пошатнуться и непременно свалил бы мужчину послабее.

Каждый сустав ее руки мгновенно заныл, как будто она стукнула по железу, но это не могло омрачить своеобразного чувства победы, наполнившего ее. Чувство это было приятным, но кратковременным. Когда Гарет схватил ее за плечи и еще сильнее прижал к дереву, она задумалась о последствиях. К ее удивлению, он всего лишь усмехался, как проказливый демон, выгнанный от самых врат ада. Его лицо не было лицом любящего человека, которого она когда-то знала. Перед нею стоял молодой человек, почти мальчик, — страстный в увлечении и болезненно ревнивый.

— Ты, золотоволосый маленький ублюдок. Я всегда знал, что ты принесешь больше беспокойства, чем стоишь сама.

Его губы припали к ее рту. Он пропустил свои пальцы сквозь ее волосы, отбрасывая ее голову назад, пока ее рот не оказался совсем беззащитен перед безжалостной атакой его поцелуя. Привкус крови ожег ее язык. Видимо, ее удар поранил ему щеку о его же собственные зубы. Ровена ощутила, как невольно втягивается в водоворот его темной страсти, как будто каждый момент ее прошлой жизни вел ее к тому, чтобы навсегда раствориться в любви к этому человеку.

Она стонала, когда его язык лихорадочно ласкал тайники ее рта. Его колено проскользнуло

между ее ног, проталкиваясь вверх с грубой настойчивостью, пока ее собственные пальцы не вцепились в его волосы. Он оторвался от нее, чтобы взглянуть ей в лицо. На земле не существовало такой тьмы, которая смогла бы ослабить свет чувств, горевший в глазах Ровены.

Он тяжело дышал.

— Вы поступили глупо, миледи. Вам следовало бежать с вашим отцом. — Он грубо схватил ладонями ее лицо. — Если я убил вашу мать, не думаете ли вы, что я способен убить и вас? Ваша переменчивость ранила меня гораздо глубже, чем могла ранить Илэйн. — он погладил пальцем ее дрожавшую нижнюю губу.

Ровена сплела свои пальцы с его и опустила руки. Она прижала его ладонь к бешено пульсирующей жилке на шее и крепко держала, хотя он пытался отдернуть руку.

— Давай, — сказала она. — Убей меня, если ты так хочешь этого. Ты ненавидел меня, когда я была ребенком. Ты ненавидишь меня теперь. Ты можешь сказать всем, что я убежала с отцом. Здесь достаточно листвы, чтобы навсегда скрыть мое тело. Никто никогда не узнает об этом. Я попытаюсь не сопротивляться. Давай. Тебе будет легче, если я закрою глаза?

Пальцы Гарета слегка сжались.

Ровена закрыла глаза, стараясь сдержать дрожь.

— Почему ты колеблешься? Ты хотел убить отца, ведь так? Ты не можешь отрицать этого. Ты готов был обвинить его, лишив права на допрос и на суд, так же, как был обвинен сам. Я освободила его. Не должна ли я занять его место в руках палача? — Ее руки опустились вдоль тела. Она покорно стояла, отдавшись во власть мужчине, который мог переломить ее шею единственным движением сильных пальцев.

Руки Гарета ослабли. Трепещущие веки Ровены поднялись, вновь открывая мир ее взгляду.

— Нет, дорогая леди. Я не дам тебе свободу смерти. — Его губы захватили мочку ее уха в издевательской ласке. — Эти руки палача могут изобрести тысячу приятных дел, которыми можно заняться с тобой. Но не с твоим отцом. Ты хорошо послужишь мне живая. Уж я позабочусь об этом. — Его глаза злобно сверкнули, когда он склонился к ее ногам и оторвал подол юбки. — Дай мне руки.

Ровене показалось, что повторяется сцена, происходившая между ними как будто столетия назад.

— В этом нет нужды.

— Ты все время убегаешь от меня с тех пор, как сказала эти самые слова в первый раз.

Ровена вытянула руки вперед, и он несколько раз обернул полосу парчи вокруг ее запястий.

— Если я попытаюсь сбежать, ты можешь ударить меня чем-нибудь по голове, — пробормотала она.

— Я предпочитаю женщин в полном сознании, — резко бросил он в ответ.

Ровена ощутила вспышку искренней ненависти.

— Благородный рыцарь, нечего сказать.

Он дернул за узел так, что она ударилась о его грудь.

— Ты украла у меня всякую надежду на благородство и честь, отпустив своего отца. Мне остается лишь оправдывать свою мрачную репутацию. Если ты скажешь еще что-либо о рыцарском благородстве, клянусь, я заткну тебе кляпом рот.

Ровена предусмотрительно воздержалась от каких-либо замечаний.

Они вышли из леса и увидели лошадь Гарета, пасущуюся на лугу. Боевой конь поднял массивную голову. Несмотря на его размеры, он не обладал нервозностью нетерпеливо гарцующего Фолио и спокойно стоял, пока Гарет привязывал веревку к куску ткани, связывающей запястья Ровены. Наконец он сел в седло. Даже не взглянув на нее, Гарет пустил лошадь шагом. Ровена подумала, что для него не имело значения, идет ли она, спотыкаясь, сзади или давно уже упала и тащится за ним полумертвым грузом. Она заставила себя плестись за ним.

Ардендон показался вдали подобно дымчатому алмазу, украшающему темную корону. Его башни четко вырисовывались на фоне черных туч. Она поразились, что замок оказался так близко. Страх сильно преувеличил в ее сознании расстояние, на которое они убежали. Почему сияние замка все равно казалось чудесным, когда вся ее жизнь разбилась вдребезги? Порывы ветра доносили до них пение горна, проносящееся над шуршащими травами, слегка искаженное расстоянием. Она отерла слезу со щеки связанными руками.

Копыта лошади застучали по изящной арке моста Блэйна. Ветер и луна превратили поверхность озера в серебристую рябь. Подъемный мост маячил перед ними, как черный язык, выставленный наружу, чтобы втянуть их в зияющую утробу замка. Когда они проходили под аркой, Ровену покорило от спертого и тяжелого дыхания развратного кутежа, оскверняющего это грациозное сооружение.

Во дворе пахло вином, потом и отвратительной смесью иных земных запахов. Гарет спешил, и ее взгляд невольно обратился к конюшням у подножия холма. Он отдал поводья оруженосцу, которого она не узнала. Глаза парня расширились, когда он увидел веревку, связывающую ее с Гаретом.

Гарет дернул за веревку, не обращая на Ровену внимания, как будто на другом конце поводка он вел беспородную собаку.

— Неужели ты... Где... — Ровена не находила слов, чтобы завершить вопрос.

— Ты ожидала увидеть головы своих братьев на воротах? Жаль, но приходится разочаровать тебя. Я решил не возлагать на них ответственность за деяния их родственников.

Ровена сдержала вздох облегчения. Было еще не так поздно, как ей показалось в лесу. Оруженосцы все еще бросали кости на камнях двора. Увидев Ровену и Гарета, они стали подталкивать друг друга и шептаться между собой.

Ровной и уверенной походкой Гарет вошел в зал. Он спокойно шел среди танцующих, неуклонно продвигаясь к лестнице, ведущей наверх. Когда Ровена задерживалась, он дергал веревку, не обращая внимания на взгляды окружающих, полные ужаса. Ровена потеряла свои туфли. Ее спутанные волосы висели в беспорядке вдоль спины. Краем глаза она видела, что нос ее испачкан в грязи. Красное платье порвалось, и юбка висела клочьями вокруг щиколоток.

Ровена слышала голоса, раздававшиеся вокруг:

— Как он смеет!

— Бедное дитя!

— Бессердечный негодяй!

— Он может обращаться с ней как с животным на своей собственной земле, но сэр Блэйн не позволит этого в своем замке.

Гарет глядел прямо перед собой, как будто внезапно ослеп и оглох.

Они подошли к лестнице, и Блэйн вышел из толпы, встав перед ними. В выражении его лица было столько сочувствия, что Ровена ощутила, как слезы жгут ее глаза. Алиса вертелась сбоку, как встревоженная птица.

Толпа затаила дыхание, напрягаясь, чтобы услышать тихие слова Блэйна:

— В конце концов, они правы, Гарет. Я не могу позволить этого.

Но чтобы услышать ответ Гарета, не нужно было особенно напрягаться.

— Она украла моего коня и отдала его другому человеку, — объявил он во всеуслышанье.

Даже Блэйн поморщился от этих слов. В толпе послышался говор пораженных ужасом людей. Алиса улыбалась.

Блэйн опустился на колени у ног Ровены и взял ее связанные руки в свои.

— Дорогая леди, скажите, что это не так! Разве вы не знали, что означает конь для рыцаря? Сколько стоил жеребец?

Ровена выдавила кислую улыбку:

— Очевидно, больше, чем я.

Гарет прервал их:

— Если ты кончил пресмыкаться у ног воровки, мы пойдем дальше.

Блэйн встал. В его изящной фигуре было больше достоинства, чем ожидала Ровена.

— Гарет, я прошу тебя. Ради нашей дружбы ты мог бы проявить милосердие к этой...

Слова Гарета прозвучали раскатами грома в нависшей тишине:

— ...преступнице. Она украла моего коня. Позволишь отвести ее наверх или сам повесишь ее? — Он протянул конец веревки Блэйну, как будто ему было безразлично, какой оборот примут события.

Алиса дернула Блэйна за рукав.

— Повесь ее, Блэйн. Давай повесим ее.

Гарет бросил на Алису взгляд, полный откровенного презрения. Она скрылась за спиной Блэйна, который отшатнулся от предложенной Гаретом веревки, как будто она могла укусить

его.

Гарет прошел мимо них, и Ровена ощутила сочувственное прикосновение руки Блэйна к ее плечу. Наверху узкой лестницы Гарет резко остановился. Ровена ткнулась ему в спину.

Он пропустил ее вперед.

— Я никогда не встречал столько препятствий, проводя женщину в свою спальню. Может быть, ты спрятала еще кого-нибудь под кроватью?

В конце коридора сидела на корточках Марли, подобная горгулье [9], высидивающей яйца. Между прядями ее волос проглядывало лицо, бывшее в этот раз мертвенно-бледным.

Ее голос утратил обычные нотки самоуверенности.

— Я должна поговорить с тобой, Гарет. Его пальцы слегка погладили шею Ровены.

— Позже.

— Сейчас.

Глаза Ровены сверкнули бриллиантово-голубым светом, сузившись в предостережении и в мольбе. Она легко рассмеялась.

— Если ты пришла умолять за меня, не трать силы. Блэйн очень старался, но его ходатайства не проникли в каменное сердце. Боюсь, что для удовлетворения уязвленного тщеславия твоего брата требуется нечто большее, чем просьбы.

— Человеческое жертвоприношение? — не преминула съязвить Марли.

— По крайней мере, жертва очаровательна, — любезно сказал Гарет.

Марли вдруг разрыдалась, вскочила и бросилась мимо них вниз по лестнице.

Гарет вошел с Ровеной в спальню и запер дверь на засов.

Ровена в растерянности стояла у двери. Гарет прошел к окну.

— Ходатайства твоих друзей трогательны, не так ли?

— Но бесполезны, — пробормотала она.

Сердце ее упало, когда она увидела полотняные простыни, смятые и сбитые на постели. Она предпочла бы, чтобы он сразу убил ее, но не укладывал с собой на перину, которая, может быть, еще с прошлой ночи хранила отпечаток тела Алисы, лежавшей под ним. Она повернулась, сдерживая плач, рвавшийся из ее горла, и прижалась лбом к двери.

Гарет поднял голову, услышав жалобный звук, пронзивший его сердце. Он подошел к ней. Его грубые руки ласкали ее плечи, а хриплый голос погружал ее в дрожь.

— Твой страх и робость были бы более убедительными, если бы мое тело не хранило память о твоём добровольном подчинении мне. Я не могу спать. Я не могу есть. Я не могу ни о чем думать, не представив твой образ, невольно возникающий передо мной. Твой яд сладок. Я не могу найти противоядия от него, кроме как принимать его вновь и вновь, пока не очищу от

него мою душу либо погибну в этих попытках.

Ровена откинула голову. Слезы стекали по ее щекам.

— Чего ты хочешь от меня, Гарет? Чтобы я кричала так, чтобы услышали другие? Чтобы я опустилась на колени, умоляя тебя о милосердии?

Он повернул ее к себе и прижал к двери. Его губы терзали ее рот. Его язык ласкал, раздувал жаркие угли желания, вызывая к жизни голодное пламя с неистовством, граничащим с помешательством. Его колено втиснулось между ее ног, открывая ее для грубой ласки пальцев. Он даже не снял перчаток. Его ладонь гладила ее тело сквозь обрывки платья. Он взял ее на руки и отнес на кровать. Он стащил с себя тунику, открывая взору Ровены темные волосы на своей груди.

— Ты такая же бесхребетная, как твой отец, — рычал он. — Ты отдаешься без борьбы мужчине, который ненавидит тебя.

Его слова были как ледяная вода, выплеснутая на пламя ее любви. Она лежала, оглушенная их несправедливостью. Гарет потянулся к шнуровке на рейтузах. Если бы его руки не успели вовремя прикрыть мужское достоинство, он сполна бы ощутил силу ее удара.

Однако его рука быстро рванулась вниз, схватив ее стройную ногу.

Он язвительно засмеялся.

— Ну вот и славно. Я знал, что в тебе есть кое-что от твоей матери. Нужно только хорошенько раздразнить тебя.

Ровена села, выдернув ногу из его руки.

— Вы двое стояли друг друга.

Она отодвинулась назад, и Гарет пополз к ней.

— Ты унаследовала ее притворство, предательство и непостоянное сердце. Мне остается лишь преподавать тебе несколько сладких уроков.

— У тебя был отличный учитель! — отрезала Ровена.

Она перевернулась, намереваясь соскочить с кровати и попытаться убежать от этого злобного демона, которого она считала раньше своим возлюбленным. Рука Гарета обхватила ее талию. Он прижал ее вниз лицом к кровати всем своим весом. Она быстро вдохнула, чтобы закричать, но его рука успела зажать ее рот. Ровена ощутила вкус кожи его перчаток на своих зубах.

— Если ты будешь кричать, может прийти Блэйн со своими друзьями, — прошипел он ей в ухо. — И если думаешь, что его рыцарское заступничество дается бесплатно, ты заблуждаешься. Хочешь быть шлюхой одного мужчины или двух?

Ровена бессильно лежала на перине, придавленная его телом. Когда Гарет повернул ее лицом к себе, ее глаза были так же темны от горечи, как и его собственные.

вернуться

Горгулья — фантастическая фигура в готической архитектуре.

Его пальцы скользили по ее щеке, лаская ее с томительной нежностью. Его губы касались ее виска, пробуя на язык крошечные волоски.

— Как смогу я когда-либо простить тебе это? — спросила она.

Его губы погрузились в ямку между ее ключицами.

— Если я убийца, какая мне разница?

Ровена жаждала сказать ему правду, но сдержалась, хотя и знала, какую цену придется ей заплатить за свое молчание.

Когда он отстегивал крючки ее лифа, Ровена покорно лежала в его объятиях, стараясь лишь сдержать дрожь, когда он обнажил ее перед своим жгучим взглядом.

Она вздрогнула от незнакомого ощущения. Он ласкал соски ее груди, не снимая перчаток. Эти чувствительные бутоны твердели и сжимались вопреки ее воле. Гарет опустил свои горячие губы сначала на один из них, потом на другой, обволакивая их в нежных поцелуях, пока ее руки в томлении не впились в его волосы. Он поднял свою косматую голову и встретил ее свирепый взгляд между двумя этими пиками, посеребренными лунным светом и блестящими от влаги, даруемой его языком.

Он снял перчатки.

У Ровены захватило дыхание, когда его обнаженные пальцы скользнули между ее ног, вызывая в ней дикое желание с утонченностью, которую нельзя было представить. Гарет наблюдал за ее лицом, лоя на нем пробегающие проблески наслаждения, которого она не в силах была более скрывать. Ее тело сотрясалось, когда он погружал в нее палец, с мучительной медлительностью подготавливая ее к другому внедрению, которому вскоре суждено было произойти. Ее ресницы бились, как бабочки, на ее пылающих щеках. Голова металась из стороны в сторону. Коралловая мягкость ее губ изливалась беззвучными словами. Пальцы Гарета творили с ней что хотели. Наконец Ровену охватило содрогание, более сильное и глубокое, чем прежде.

Шея ее выгнулась, и она упала на спину, еле сдерживая крик. Гарет раздвинул коленом ее бедра. Распустил шнуровку своих рейтуз, спустив их с бедер, и Ровена ощутила, как его живой меч вошел в ее нежное лоно. Она прижала лицо к его груди, а он мучительно дразнил ее, сдерживая себя. Ее зубы покусывали его кожу, ее стон звучал в его ушах. Его пальцы переплелись с ее пальцами.

Каждое новое его движение внутри ее продолжалось дольше, он проникал все глубже, пока Ровена не перестала осознавать, где кончается ее тело и начинается его. Его дыхание ускорялось по мере его раскачивания между ее бедрами, пока тонкая нить его собственного контроля не оборвалась, и из его горла вырвался глубокий стон. Ровена изогнулась под ним, когда он вливал в нее свое семя, прижимая ее к кровати со всею силою своей страсти.

Луна скрылась за облаками, собиравшимися на дальнем горизонте. Ровена лежала, зарывшись лицом в согнутую руку Гарета. Его рука рассеянно рисовала что-то на ее плоском, сверкающем от пота животе.

— Ты не будешь искать мне мужа, правда? — спросила она губами, прижатыми к его руке.

Мягкие движения пальцев Гарета прекратились. Он покачал головой.

— И ты не отпустишь меня летом, правда?

Она подняла голову, глядя на него. Рука Гарета на ее шее сжалась.

— Я никогда не отпущу тебя.

Тон, которым были сказаны эти слова, заставил ее глаза потемнеть от отчаяния. Когда-то она молилась, желая услышать их, но не таким тоном, не как угрозу, наполненную больше ненавистью, чем любовью. Она загнала обратно свои слезы, когда Гарет перевернул ее на живот и овладел ею с таким диким неистовством, после которого она, к счастью, была не способна к дальнейшим размышлениям.

Ровена безучастно смотрела, как серый рассвет просачивается через узкое окно. Дальнее одинокое пение петуха закончилось на печальной ноте. Она глядела на мужчину рядом с собой как на чужого. На его лоб спадала прядь спутанных волос. Сон смягчил горькие складки вокруг рта, однако, пока она наблюдала за ним, тень снова упала на его лицо, как будто мира не было даже в его сне. Ровене не было больше дела до его боли. Ей самой предстояло многое решить. Она сдвинула его ногу, переброшенную через ее бедро, и освободилась.

Она надела тунику Гарета. Тяжелый камлот ощущался непривычно грубым на ее голом теле. Это одеяние укрывало ее до колен.

Спящие тела заполняли большой зал, подобно жертвам безжалостной чумы.

Проходя через двор, Ровена вдыхала влажный утренний воздух, не загрязненный запахами кислого вина и грязных тел. Наверху подъемного моста она остановилась, с печалью глядя на конюшни. Она хотела искать утешения в компании своих братьев, но подумала, что теперь ее отделяет от них не только богатство и грязь замка.

Между ними образовалась пропасть — пропасть, углубившаяся за эту длинную ночь, когда Гарет использовал ее любовь как оружие для ее укрощения, использовал свое темное искусство, чтобы вырвать у нее крики, которые ей самой казались чужими. Смелость, которая заставила ее воспротивиться Гарету покинула ее при мысли о встрече с Маленьким Фредди в таком виде: полуодетая, с распухшими губами и спутанными волосами. Она знала, что знаки, которые оставил на ее теле Гарет, были слишком свежи.

Она поежилась, жалея, что не захватила шаль. Утро все еще дышало зимой. Тучи окутывали горизонт, и издали доносился запах дождя.

Она прошла по узкому бортику на краю рва и присела на уступ над темным зеркалом воды. Через озеро скользили клочья тумана, закрывая, словно белыми вуалями, мост. Если она уйдет сейчас, сколько времени понадобится, чтобы добраться до Ревелвуда? И как скоро за нею явится Гарет, чтобы утащить в свою преисподнюю?

«Я никогда не отпущу тебя».

Его ледяные слова эхом отзывались в ее душе. Гарет де Креси был могущественным человеком. Он мог запереть ее, сделать пленницей Карлеона навсегда, если захочет. Она представила себя сидящей в одинокой башне, где наблюдает из окна, как он приводит в Карлеон жену, увядает и

седеет, пока он растит сыновей и медленно забывает ту ослепляющую страсть, которая когда-то связывала их.

Ровена прижала ладони к лицу, молясь, чтобы ее покинуло это мучительное видение. Когда она открыла глаза, она увидела что-то молочно-белое, покачивающееся на поверхности воды во рву. Она моргнула, убеждаясь, что глаза не обманывают ее.

Опустившись на колени, наклонилась над водой. Край белого предмета приближался к ней. Она поколебалась, прежде чем протянуть к нему руку. Бог его знает, какими были эти злобные рыбы Блэйна — длиной в дюйм или больше, как киты. Задержав дыхание, она схватила приплывший к ней предмет.

В ее руке оказался гладкий цилиндр, и она вытащила его из воды. Это была кость с длинными тонкими суставами пальцев, застрявшими в струнах деревянной лютни. Пронзительный визг вырвался из ее горла, разорвав утреннюю тишину. Она визжала и визжала, пока Блэйн не вынул это из ее руки и не обнял ее, прижав лицом к своему плечу.

23

Ключи звенели на поясе сенешаля, когда он прибежал в донжон [10]. Он бросил удивленный взгляд на очаг, возле которого примостилась Ровена. Она ответила ему немигающим взглядом.

— Милорд, милорд! За дверью собралась толпа! Они кричат! Что мне делать? — Он бегал по пятам за расхаживающим Блэйном, сжимая в отчаянии свои пухлые руки.

— Скажи им, пусть убираются к чертям, — проскрежетал Блэйн.

Сенешаль не отставал:

— Они не слушают, сэр Блэйн. Прежде всего, их подняли рано утром и выбросили из замка, как вчерашнюю капусту. Половина из них еще не протрезвела. Они в отвратительном настроении, а слухи, которые ходят среди них, еще отвратительнее. Двери Ардендона никогда ни от кого не запирались — ни от рыцаря, ни от крестьянина. — Он зловеще понизил голос: — Дела плохи. Они чуть ли не собираются использовать таран.

Блэйн повернулся к нему, очевидно истощив запас своего терпения, и схватил его за ворот:

— Ты сенешаль или нет? Подними подъемный мост. Опустит решетку.

Сенешаль ошарашено замигал.

— Решетку. Конечно. Я забыл, что она у нас есть. Побегу туда. Может быть, она не заржавела.

вернуться

10

Донжон — главная, отдельно стоящая башня замка, служащая убежищем при нападении врага.

Блэйн отпустил его, и тот убежал, радуясь, что получил конкретный приказ. Блэйн глубоко вздохнул, ероша свои волосы. Он казался в эту минуту похожим более на встревоженного тринадцатилетнего мальчишку, чем на уверенного тридцатитрехлетнего господина. На его

щеках ярче выступили веснушки.

Из кухни появилась служанка с глазами, опухшими после ночного разгула. Одной рукой она расчистила стол и шлепнула на него поднос. Она умудрилась еще лукаво подмигнуть Блэйну и, повернувшись, грохнулась о дверной косяк с такой силой, что Ровена вздрогнула. Блэйн присел перед Ровеной, гревшейся на камнях очага, и вложил в ее ледяные ладони теплую кружку.

— Эль был бы лучше для вас. Я мог бы сказать, чтобы его приправили корицей, если это вам по вкусу.

Ровена с благодарностью обхватила кружку ладонями, вдыхая поднимающийся из нее пар.

— Нет, не надо. Я хотела молока, — промолвила она, стуча зубами.

Она сдула пенку с поверхности и сделала большой глоток. Тепло спустилось по ее горлу, поднимая упавший дух. Блэйн подправил кран одеяла вокруг нее, робко потрепав ее по плечу.

Снаружи слышался грохот огромных цепей и вибрирующий стон железного блока, прокручивавшегося с большим трудом. Массивная решетка выползла из своего укрытия с таким скрежетом, что у Ровены мурашки побежали по коже.

— Поосторожней с рукоятью, Оуэн, — раздался дрожащий от напряжения крик.

— Пошла, ребята! О, черт!

— Не подходи!

— Побереги ноги!

Послышался скрежет заостренных брусьев, ударивших в камень.

— Она не заржавела, — сказала Ровена, стараясь подбодрить Блэйна.

Оказавшись в безопасности за железными брусьями решетки, сенешаль и его незадачливые помощники открыли настежь главные двери. Дождь стучал по камням мостовой. Раздался гром. Ровена покраснела, услышав рев недовольной толпы, долетающий в замок. Она глубже закуталась в одеяло, слыша отдельные выкрики.

— Отдайте нам убийцу!

— Отомстить за Мортимера!

— Повесить Темного Лорда! Блэйн вышел из комнаты.

— Закройте дверь! — закричал он. — И запирайте ее. Если вы откроете ее вновь, толпа подучит ваши останки, которые я пропихну им сквозь решетку. Его люди повиновались с угодливыми криками:

— Как пожелаете, сэр.

— Боже милостивый, сэр Бродер, идите сюда. — Блэйн появился вновь с седовласым рыцарем, шедшим за ним.

Рыцарь протирал свои покрасневшие глаза и наконец разглядел Ровену. Он был не так

взъерошен после попойки, как большинство других гостей Ардендона, хотя и на нем был лишь один нарукавник, а туника явно была надета задом наперед. Ровена подобрала свои голые ноги под одеяло, подумав, что не стоит ей осуждать других, когда она сама была в тунике Гарета и под одеялом Блэйна.

— Это и есть та девушка? — спросил вошедший.

— Она, — ответил Блэйн.

Сэр Бродер отдал ей вежливый поклон. Блэйн не стал задерживаться на церемонии представления их друг другу.

— Я в растерянности, сэр Бродер. Что мне делать?

— Будучи самым старым и самым мудрым распутником здесь, я думаю, что бремя совета придется нести мне. Можете вы позвать своего отца?

— Боюсь, что нет. Он умер.

— О боже. Я забыл. Хм-м. — Сэр Бродер пригладил седые волосы с редкими черными вкраплениями. — Ситуация неприятная. Сэр Брайан точно знал бы, что делать. Он принял хорошее решение в прошлый раз, когда Гарет влез в подобную историю.

Ровена вспыхнула от возмущения.

— Почему все решили, что Гарет виноват в чем-то? Может быть, кто-то другой подставил его?

Сэр Бродер прищурился на нее, как будто увидев впервые.

— Видите ли, дитя, вы должны понять. Люди верят в это. А в то, что сэр Гарет — элодей, они вообще верили не один год. Все слышали, как он угрожал Мортимеру. И не первый раз. Его нрав так же черен, как и его репутация.

Добрые серые глаза рыцаря и его полное спокойствие пугали Ровену больше, чем бурное возмущение толпы. Она встала. Одеяло соскользнуло с ее плеч.

— Ваш нрав тоже мог бы стать черным, если бы вы прожили всю свою жизнь под тенью пересудов и намеков.

— Кости менестреля — это не пересуды, Ровена, — сказал Блэйн. — Человек этот погиб прошлой ночью.

Ровена повернулась к нему:

— И вы верите, что Гарет убил его?

Блэйн на секунду нахмурился.

— Я не знаю, он ли это сделал, — сказал он наконец. — Но я не отдам его возмущенной толпе.

— Правильно. Я тоже за это. — Сэр Бродер хлопнул его по плечу. — Мы будем судить его, прежде чем толпа его повесит. Мы пошлем за лучшими рыцарями короля.

— С тем, чтобы они смогли повесить меня? — Гарет стоял, облокотившись о притолоку,

скрестив Руки в небрежном высокомерии. Ровена гадала, сколько времени он стоял так, незамеченный.

Они встретились взглядами. Его глаза окутали ее бархатной лаской. В его чертах читалась неуверенность. Эта ночь стояла теперь между ними, такая же темная, как его глаза. Ровене пришлось отвести взгляд. Она заставила себя вспомнить, как он плел из наслаждения сеть наказания для нее. Стальные нити этой сети душили ее сердце, и она сдержала свое стремление кинуться к нему. Она села и укрылась одеялом, как плащом.

Губы Гарета искривились в горькой пародии на улыбку.

— Каких же добрых рыцарей вы призовете для моей защиты, сэр Бродер? Из моего окна, мне кажется, я видел сэра Дамьена и сэра Лейтчвилда, присоединившихся к требованию моей крови. Они возглавят трибунал?

Блэйн опустил в кресло, а Гарет гордо вступил в комнату и оперся бедром на край стола.

Сэр Бродер прочистил горло, прежде чем заговорил:

— Гарет, ты должен попытаться понять. Мортимер был очень популярным менестрелем. Сокровищем двора с самых юных лет. Баловнем короля.

— И еще большим любимцем его баронов, — улыбнулся Гарет.

— У него были свои слабости. Как и у всех нас. Но его пороки бледнели перед его талантами.

— Талантами, чрезвычайно многогранными.

— Черт побери, Гарет! — взорвался Блэйн. — Сдержи хоть немного свой дерзкий язык. Сэр Бродер пытается помочь тебе.

Руки сэра Бродера дрожали, когда он взял бутылку с подноса и наполнил бокал. В какое-то мгновение Ровене хотелось грубо встряхнуть Гарета, чтобы он понял наконец, что происходит.

Сэр Бродер сморщился в гримасе отвращения, обнаружив в своем кубке козье молоко, и поставил его на стол нетронутым.

— Люди чувствуют, что Мортимер принадлежал им. С его балладами и с тем мастерством, с которым он сплетал слова и музыку, он стал их голосом, певшим об их жизни. Они прощали ему его развлечения, его детские капризы...

— Его безудержное пьянство, — тихо добавила Ровена.

Сэр Бродер быстро повернулся к ней.

— Эта мысль приходила и мне тоже, дитя. Он мог просто сам свалиться в ров. — Сэр Бродер встряхнул головой, как бы проясняя ее. — Но сотня свидетелей слышала, как Мортимер пел свою последнюю балладу и как сэра Гарета угрожал ему.

Гарет иронически зааплодировал.

— Какой драматический дар пропадает в рыцаре! Ровена заговорила скорее с тем, чтобы остановить саркастические выпады Гарета, чем из стремления защитить его:

— Сэр Гарет не мог убить Мортимера. Он был со мной всю ночь.

Бродер глядел на нее с такой жалостью, как будто она призналась, что спала с троллем.

Ее щеки загорелись, когда Гарет коротко и зло рассмеялся в ответ на ее слова.

— Ваша преданность трогательна, миледи, но не надо лгать. Все видели, как я покинул зал один. Так же, как все видели, что мы возвратились вместе.

Сэр Бродер сказал, тщательно выбирая слова:

— Чем меньше имя молодой леди связывается с этим делом, тем лучше. И так ходят некоторые очень — скажем деликатно — неприятные слухи. Напоминание о них лишь еще больше повредит твоей репутации и раздует пламя возмущения.

Гарет презрительно хмыкнул:

— Что эти образцы добродетели осмеливаются шептать о Ровене?

Взгляд сэра Бродера оставался непреклонным.

— Что ты увел ее в Карлеон против ее воли. Что ты держишь ее прикованной к кровати, рабыней твоих неестественных страстей.

Надменная маска Гарета соскользнула с его лица. Теперь он вынужден был осознать цену слухам, которые распространял сам, чтобы терзать Линдсея Фордайса. Подобно слепому, он нащупывал угол стола, чтобы опереться. Во взгляде, который он бросил на Ровену, было горестное сознание того, что его гнев, обратившийся на Ровену в эту ночь, сделал слухи действительностью.

Ему первому пришлось отвести глаза.

— Это все не ваше дело. Если они так хотят взять меня, пусть идут с осадой на Карлеон.

Блэйн выпрямился в своем кресле.

— А если они приведут с собой армии Эдуарда? Что тогда, Гарет? Гражданская война? Ты не сможешь сражаться с целой Англией.

— Почему бы и нет? Я делал это всю мою жизнь.

Бродер положил руку на плечо Блэйна и обратился к Гарету:

— С большим сожалением, сын мой, я предложил бы задержать тебя до прибытия рыцарей. Это удовлетворит и утихомирят самых кровожадных из тех, кто собрался снаружи.

Гарет повернулся к нему лицом. Угроза едва сдерживаемой силы ощущалась в каждом мощном мускуле его тела, отчего он казался еще громаднее, чем был на самом деле. Предложение задержать его казалось столь же смехотворным, как попытка усмирить раскаты грома, перекатывавшиеся в тот момент над крышей донжона.

Он отошел от стола походкой еще более высокомерной, чем всегда, и протянул Блэйну запястья.

— Отправляй меня в темницу, друг. Неужели не найдется цепей в этом дворце наслаждений?

Блэйн шлепком отбросил руки Гарета, и даже сэр Бродер выглядел смущенным.

— Достаточно заключения в твоей комнате. Я доверю охранять тебя своему сыну. Он молод и не особенно прислушивается к сплетням и мнениям других.

Когда взгляд Гарета упал на склоненную голову Ровены, его губы осветились улыбкой скорее печальной, нежели насмешливой.

— Превосходное качество. Пусть сохранит его надолго.

Подняв голову, Ровена увидела Гарета, дружески обнявшего за плечи сэра Бродера. Они выходили из комнаты, обсуждая недавно введенные правила турнирных состязаний.

Блэйн закрыл лицо рукой, бросая на Ровену взгляд отчаяния сквозь пальцы. Внезапно за дверью послышался предупреждающий крик и за ним — звук падения тяжелого тела. Сбросив одеяло, Ровена кинулась к двери. Крик отчаяния вырвался у нее, когда она увидела тело Гарета, распростертое на камнях.

Она бросилась на колени и приподняла его голову.

— Что ты сделал с ним?

Над Гаретом стоял ошеломленный молодой рыцарь. Он смущенно глядел на палаш, зажатый в руке.

— Я увидел, как он схватил отца за горло. И ударил его по голове.

— Негодяй. Ты мог убить его! — Она отвела волосы со лба Гарета, тихо шепча какие-то слова, которых он не мог слышать. Грудь его равномерно поднималась и опускалась, темные ресницы были опущены. Он выглядел столь мирно, что казался спящим.

Сэр Бродер потирал горло, конвульсивно глотая.

— Было так, как сказал мальчик. Он поступил правильно.

— Он, конечно, хотел убить и вас тоже. Может быть, у него припадок безумия, и он хочет устроить всеобщую резню. — Ровена тихонько поцеловала Гарета в ухо.

Блэйн опустил на колени рядом с нею.

— Конечно, он не хотел убивать сэра Бродера. Я знаю Гарета. Он хотел бежать и отвести беду от Ардендона. Уверю тебя, Ровена, если Гарет выйдет за ворота, кто-то непременно погибнет. И скорее всего это будет он сам. — Резкость его слов смягчила ладонь, мягко коснувшаяся ее щеки. — Позволь мне защитить его. От самого себя.

Руки Ровены опустились. Никто из троих мужчин, осторожно поднявших Гарета, старался не встретиться с нею взглядом. Они унесли его по тускло освещенному коридору.

Дрожащая улыбка Ровены убедила сына сэра Бродера в том, что ей немедленно нужно видеть Гарета. Юноша даже подумал, что ему следует изменить свое отношение к сэру Гарету. Человек, который способен вызвать преданность к себе столь очаровательного существа, не может быть таким злобным, как о нем говорят. В общем, он отошел за угол, чтобы не мешать

свиданию.

Лучшее, чем располагал Ардендон в качестве темницы для заключенного, было изолированное помещение возле кухни. Это была одна из немногих комнат замка, снабженная железным замком и предназначенная для хранения соли и других драгоценных специй. В отверстие, прорубленное в толстой дубовой двери, была вделана железная решетка.

Ровена стояла на цыпочках и глядела сквозь решетку. В камере горела сальная свеча. Ее глаза не сразу различили тень человека, сидящего на бочонке.

— Гарет?

— Что, не можешь дождаться, когда меня повесят? — Гарет повернулся и, поморщившись, потер шею. — Проклятый щенок чуть не убил меня.

Ровена прижалась лицом к решетке. Вдоль стены были сложены ящики и мешки. Острый запах корицы и гвоздики щекотал ноздри.

— Фолио вернулся.

— С трупом твоего отца поперек седла?

— Нет, он вернулся один. — Она оглядела темную камеру. — Тебе очень плохо здесь?

— Не особенно. Я пока не нашел черепов бывших заключенных, и Блэйн избавил меня от дыбы. Ты, наверное, сожалеешь об этом.

Пальцы Ровены обхватили холодное железо.

— Ты считаешь меня такой мстительной?

Гарет подошел к двери и тоже взялся за решетку, легко касаясь ее пальцев. Он думал, что она отпрянет от его прикосновения, но этого не произошло.

— Как же тебе не быть мстительной? Я ведь подтвердил свою дурную репутацию прошлой ночью, не так ли?

Ровена знала, что он говорит не об убийстве Мортимера, и поэтому не стала успокаивать его. Просто не могла.

— Ответ на мой вопрос, — сказала она.

— Спрашивай.

— Когда моя ма... — Ровена не смогла произнести это слово. — Когда Илэйн умерла, почему ты не оправдывал себя ни перед кем? Были же те, кто поверил бы тебе. Отец сэра Блэйна? Священник?

Он наклонил голову.

— Мой отец воспитывал меня, желая видеть самым сильным, самым мудрым, самым добрым рыцарем Англии. Все эти мечты погибли от ядовитых поцелуев Илэйна. В ту самую ночь, когда я лежал с нею, мой отец умер, захлебнувшись собственной кровью. Я считал себя настолько же виновным в убийстве, насколько они были уверены в этом.

Она быстро и твердо сжала его пальцы и отступила от двери.

— Все будет хорошо, Гарет.

Гарет выпрямился.

— Конечно. Они повесят меня, и ты будешь свободна.

Она замотала головой, бросая осторожные взгляды в конец коридора. Ее голос снизился до шепота:

— Они не повесят тебя. Когда я докажу, что ты не убивал Илэйн, все поймут, что Мортимер сам свалился с подъемного моста.

Гарет побледнел.

— Ты сошла с ума?

Она счастливо улыбалась.

— Нет. Я вполне разумна.

Гарет поднял голову. Полное значение ее слов проникло в темноту его сердца лучом света, который одновременно и согрел его, и обжег.

— Ты хочешь сказать, что прошлой ночью уже не верила, что я убийца? Ты позволила мне поверить... Но ведь я мог...

— Что? Убить меня? Чушь! Ты не способен даже шлепнуть меня как следует!

Гарет пытался просунуть руки сквозь решетку, но ему удавалось просунуть лишь пальцы. Они угрожающе сжимались.

— Не рассчитывай на это. Если бы я мог дотянуться до тебя теперь, я бы точно свернул твою изящную шейку.

Ровена погрозила ему пальцем:

— Спокойствие, спокойствие.

Он тряс решетку с рычанием, затем стал в возбуждении ходить в узком пространстве камеры.

— Кто, Ровена? Кто, ты считаешь, убил ее?

— Не теперь. У нас еще будет время для этого.

Гарет кинулся на дверь. Ровена уже исчезала, как видение, в темном коридоре.

— Ровена! — заорал он. — Вызволь меня отсюда. Маленькая дурочка! Не смей подвергать себя опасности.

Ее голос донесся издали. Тона его были мелодичны, как песня.

— Никакой опасности, милорд. Только истина.

Гарет бросился всем телом на дверь, колотя и пиная ее, пока не разбил суставы пальцев об упрямый дуб. Его ругательства перешли в рев. Он бился о дверь и кричал, пока не охрип. Только когда он окончательно смолк, его несчастный молодой охранник отправился к сэру Блэйну, опасаясь, что заключенный довел себя до удара.

24

Солнце пробилось сквозь тучи.

Ровена шла через двор замка, не обращая внимания на грязь, прилипающую к деревянным подошвам ее башмаков. В разрывах облаков открывалось такое лазурное небо, что походка Ровены становилась по-весеннему бодрой, несмотря на мрачную миссию, которая ей предстояла. Солнце бросало золотые отблески на темные края туч.

Услышав о заточении Гарета, толпа разошлась вполне удовлетворенная. Ворота Ардендона были открыты. Капли прошедшего дождя сверкали бриллиантами на каждой травинке зеленой лужайки, спускавшейся к озеру.

Ровена все еще была ослеплена их сверканием, когда вошла, наклонив голову, в крошечную церковь и закрыла за собой дверь. В каменной церковке продолжала упорно сохраняться зимняя прохлада. Глаза Ровены медленно привыкали к темноте, разрываемой лишь слабыми лучами солнца, пробивающимися сквозь запыленный витраж окна, расположенного высоко над алтарем. Внутри ощущался запах плесени и запустения.

Скамеечки из красного дерева для коленопреклонения были небрежно свалены к стене. Архангел Михаил с вознесенным высоко пламенным мечом сурово смотрел на нее с витража. Низкое рычание послышалось из темноты.

Ровена замерла на месте, услышав этот нечестивый звук, от которого у нее зашевелились волосы.

Рычание возобновилось, сменившись затем ужасным стоном.

— Будь проклят бог! — взорвался злобой грубый голос.

Ровена вытерла вспотевшие от страха ладони о юбку и медленно пошла к алтарю.

Одетая в черное фигура вскочила с пола. Она корчилась и извивалась, вдыхая с шумом воздух, чтобы извергнуть затем мучительный стон. Ровена спряталась за спинкой скамьи. Последовало новое проклятие. Потом послышался оглушительный грохот.

Ровена выглянула из своего укрытия. В свете солнечных лучей, пересекающих воздух полосой сверкающих пылинок, мстительная ведьма в черном проклинала бога и разрушала пыльную церковь. Она сбросила скатерть с алтаря на камни и топтала ее ногами, рука в рыцарском нарукавнике потянулась за золотым крестом.

Ровена выпрямилась, и ее чистый голос зазвенел под перекладинами свода:

— Оставь святыню!

Марли обернулась, широко раскрыв глаза, как будто ожидала появления самого господя с молнией в руке, чтобы поразить ее за святотатство.

Ровена медленно двинулась вперед.

— Если ты ожидала Всемогущего, я должна разочаровать тебя.

Плечи Марли поникли. Ровена вынула крест из ее сжатых пальцев и возвратила его на полированное основание. То, что она приняла за рычание, было лишь рыдание, рыдание такое глубокое, что казалось, сердце Марли разрывается.

Ровена тронула ее за плечо. Марли сначала замерла от прикосновения, а потом отпрянула. Между темными прядями ее волос сверкнули глаза, распухшие от слез. Ровене захотелось вдруг убежать, столько злобы было в этих глазах.

— Чего, дьявол тебя побери, ты хочешь? Ты пришла сказать мне, что они повесили его?

Ровена медленно вдохнула, прежде чем ответить.

— Я бы никак не подумала, что ты прячешься в церкви, когда они могут повесить его.

Марли отряхнула тунику быстрым движением, которое болезненно напоминало о Гарете.

— А ты бы предпочла, чтобы я надела белое платье и очаровательно плакала на плече Блэйна, глядя, как мой брат качается на виселице?

— Это невозможно. У тебя нет белого платья. И ты не можешь очаровательно плакать.

— Конечно, у меня ведь нет такой богатой практики, как у тебя. — Марли оперлась бедром на алтарь, снова надев маску высокомерия. — Так чего ты хочешь?

— Я хочу помочь Гарету.

Марли презрительно хмыкнула.

— Скорее хочешь помочь ему очутиться на виселице. Если бы не твой маленький чувствительный спектакль в зале прошлым вечером, люди не поднялись бы против него с таким гневом.

Ровена задумчиво чертила какие-то знаки пальцем на пыли, покрывающей алтарь.

— Я знаю, кто убил Илэйн.

На щеке Марли дернулся мускул. Она пожала плечами:

— Все знают. Об атом кричала вся толпа.

Ровена улыбнулась Марли откровенной, вызывающей улыбкой.

— Но мы-то знаем, что они не правы, разве не так? — Она сжала руки за спиной и сделала несколько шагов к выходу.

Низкий смех Марли холодом отозвался в душе Ровены.

— Ну и кто, ты думаешь, заколот эту сучку?

Ровена с удивлением подняла бровь.

— Почему ты называешь ее сучкой? Гарет говорил мне, что ты боготворила ее.

— Гарет заблуждался. — Ровена молчала, и Марли с неохотой продолжила: — Когда ей не с кем было играть, эта чудесная леди призывала меня в свои покои. Она заплетала мои волосы своими длинными прекрасными пальцами, пока ей это не надоедало, тогда она отсылала меня прочь, находя себе новое развлечение.

— Такое, как Гарет?

— Такое, как Гарет. — Марли слабо улыбнулась. — Но иногда я не уходила. Она думала, что я ушла, но я оставалась.

Ровена наклонила голову.

— Пряталась в шкафу?

Марли кивнула.

— Я наблюдала за ними. Я наблюдала, как она сплетала вокруг него паутину, полную сладкого яда. Она обучала его манерам и музыке. Он сопротивлялся, как любая муха, пойманная в липкий сироп ловушки паука. Но вскоре перестал. Кто устоит перед таким тонким обольщением? — Ровена на момент закрыла глаза, не желая слышать больше, но неспособная остановить Марли. — В искусстве любви мой брат оказался способным учеником, восприимчивым и внимательным к промахам. Но мне нет необходимости говорить тебе об этом, правда? — Марли отвернулась от Ровены. Ее руки сжимали край алтаря, как будто Марли хотела скрыть какие-то тайные чувства.

Ровена подобралась поближе.

— А ты сидела в шкафу в тот вечер, когда Илэйн была убита? Ты видела, как приходил Гарет?

Плечи Марли опустились. Она горько рассмеялась.

— Я видела всех, кто приходил. Я видела, как твой отец пробрался через окно и полетел обратно, как на крыльях, когда ворвался Гарет. Я видела, как Гарет поднял меч на Илэйн, чтобы тут же уронить его к ее ногам. Я видела, как Илэйн бросилась на кровать, рыдая, как будто ее черное сердце было разбито.

Ровена крепко схватила Марли за локоть.

— А потом?

Марли выдернула руку. Ее взгляд упал на буквы в пыли, которые сплетались в неловко и неправильно написанное ее собственное имя. Она стерла их.

— Ты знаешь, так ведь? — спросила она. Ровена могла бы поклясться, что в ее голосе слышались нотки печальной нежности. — Я вошла к ней последней. Я убила ее, затем взяла тебя и отнесла к твоему отцу.

Марли круто развернулась. От быстрого движения волосы откинулись с ее лица. Ровена вздрогнула, вновь пораженная магнетической силой красоты Марли, Их взгляды скрестились. Марли одарила ее ужасающе сладкой улыбкой.

Ровена не отступила.

— Ты должна сказать ему. Он уже достаточно наказан. Прошлой ночью я сама была наказана за мое молчание. Сколько это может длиться? Тебе было всего девять лет. Ты была обиженной маленькой девочкой. Он простит тебя.

Марли усмехнулась.

— Ты как Мортимер. Всегда возвращаешься к старой истории, творя ее заново.

— Мортимер?! — выдохнула Ровена и медленно шагнула назад.

— Ро, — предупреждая произнесла Марли. Еще один шаг назад. Каблук Ровены уперся в перевернутую скамеечку. Ровена повернулась и бросилась бежать. Прежде чем она успела достичь двери, Марли всем своим весом толкнула ее, опрокинув на камни. Слезы жгли ее глаза, когда Марли накрутила ее волосы на свой кулак и дернула с яростной силой.

— Выше голову, щеночек. Твой первый визг будет последним.

Тело Ровены обмякло, когда она ощутила ледяное лезвие кинжала, впивающееся ей в горло.

25

Марли и Ровена шли рука руку через двор замка, с виду погруженные в беззаботную болтовню.

— Как это будет, Марли? — выдавила Ровена сквозь сжатые зубы. Губы ее растянулись в вынужденной улыбке. — Ты заколешь меня, как Илэйн, или сбросишь меня в ров, как бедного Мортимера?

Марли дружески помахала рукой привратнику, когда они проходили под аркой главного входа. Острый конец ее кинжала продолжал упираться Ровене под ребра.

— Мортимер никогда не знал, когда следует придержать свой слишком свободно болтающийся язык.

Ровена бросила тоскливый взгляд на конюшню. Нигде не было видно ни неуклюжей фигуры Большого Фредди, ни серебристой шевелюры Маленького.

— Ты далеко не уйдешь без лошади.

Она вскрикнула, когда лезвие проткнуло тонкую ткань ее платья и задело кожу.

— Кажется, у вас с Мортимером и впрямь много общего.

Они вступили на подъемный мост. Ровена старалась глядеть прямо перед собой, чтобы не видеть маслянистую поверхность воды во рву. У нее вырвался вздох облегчения, когда они миновали мост. Но облегчение оказалось недолгим. Марли ускорила шаги, спускаясь по склону, и надежды Ровены, связанные с замком, остались позади. С каждым шагом спешащей Марли лезвие кинжала глубоко впивалось в кожу Ровены.

На лугу были возведены красные и желтые шатры. Марли послала приветственный салют группе оруженосцев, подталкивая Ровену к изящной арке моста через озеро. Переполненное после дождей озеро сверкало под ласковыми лучами слепополуденного солнца. Ровена ощущала постоянную боль от укусов кинжала.

— Иисус милосердный! — взорвалась она. — Неужели ты не можешь даровать мне быструю

смерть, как другим? Неужели так необходимо пытаться меня?

Взглянув назад, Марли отбросила притворное дружелюбие и сильно толкнула Ровену. Ровена поскользнулась на сырой траве и побежала, шатаясь и теряя равновесие, вниз по склону, пока не упала на спину. Оттуда, где она лежала, не было видно ничего, кроме бесконечного простора холмистых лугов и зубчатого края одной башни, выглядывавшей из-за плеча неумолимой Марли. Марли вложила кинжал в ножны. Она спустилась с холма, рывком подняла Ровену на ноги и толкнула вперед. Руки ее, мозолистые и жилистые, обладали поистине мужской силой.

Ровена повернулась, сжавшись от гнева. Марли вытащила из своего многослойного наряда длинную веревку.

Злость охватила Ровену вместе с мрачными воспоминаниями, вернувшимися к ней.

— Ваша семья в Карлеоне все держит наготове, не так ли? — уныло произнесла она.

Она стояла не двигаясь, пока Марли связывала ей запястья. На верхней губе Марли бисером выступили капельки пота.

Они пошли через поля, Ровена — позади, привязанная к веревке, намотанной на руку Марли. Когда они перебирались через канаву, Марли яростно дернула за веревку. Ровена споткнулась, но выпрямилась прежде, чем Марли бросила насмешливый взгляд через плечо. Веревка натирала ее запястья, с каждым шагом увеличивая раздражение Ровены.

— Зачем все это, Марли? Чего ты хочешь добиться?

— Гарет ничего не должен знать, — ответила Марли, не поворачивая голову. — Он никогда не простит меня. Все эти годы я позволяла ему обвинять себя. Такого не забывают.

— Ты думаешь, он простит тебе убийство женщины, которую любит?

Марли резко обернулась и шагнула к Ровене. Она сильно ударила ее по лицу. Рука Марли сильно дрожала, когда она подняла ее, чтобы вытереть свой лоб.

После этого Ровена замолчала. Долгие мили они прошли в таком молчании. Марли тащила, а Ровена плелась, пока ей не стало казаться, что ее ноги закованы в цепи. Она потеряла один башмак в грязи на берегу ручья, но не захотела просить Марли остановиться, чтобы подобрать его. Она хромала несколько миль в одном башмаке, затем бросила и его. Когда-то ее подошвы были грубыми, но после жизни в Карлеоне она ощущала и твердость камней, и уколы шипов чертополоха. Марли явно устала. Со злобой, удивлявшей ее саму, Ровена надеялась, что Марли вот-вот упадет. Она вдруг очень ясно представила, как навалится на Марли и задушит ее собственной веревкой.

Она так долго смотрела лишь себе под ноги, погруженная в свои жестокие фантазии, что наткнулась на спину Марли, не осознавая еще, что та остановилась. Она ощутила острый аромат сосен. Ровена подняла голову, обнаружив с удивлением, что они взобрались на вершину крутого холма.

Закатное солнце прорывалось сквозь облака бледно-лиловыми и розовыми полосами. Вечерний ветер высушил пот на ее лбу.

Они стояли, как старые друзья, и веревка свободно болталась между ними.

Хрипловатым, задумчивым голосом Марли произнесла:

— Я обнаружила это место, когда была еще ребенком. Мы проводили каждое лето в Ардендоне. Блэйн и Гарет всегда играли в рыцарские поединки или скакали на своих пони. Я была предоставлена самой себе. Я лежала на вершине этого холма, положив подбородок на руки и представляя, как здорово было бы стать рыцарем и нестись по этой равнине на мощном коне.

— Тебе было одиноко.

Марли пожала плечами:

— Моими товарищами были ястребы и ветер. Иногда этого было достаточно.

— А в другие времена?

Марли отвернулась. Приближавшаяся ночь уже оросила свою тень на ее профиль. Она вошла под деревья. Ровена последовала за нею, не дожидаясь рывка веревки. Круг карликовых сосен образовывал почти непроницаемое укрытие. Вверху открывалось круглое окно в небо. Горстка храбрых звезд уже разбрасывала свой слабый свет по сумеречному небосклону. Ровена оглянулась вокруг.

— А ты не спрятала где-нибудь здесь свой детский горшок?

Марли вынула нож.

— Ничего. Я могу подождать.

Марли шагнула к ней.

Ровена отступала, пока позволяла веревка.

— Если ты хочешь принести меня в жертву, не можешь ли ты, по крайней мере, найти подходящий камень для этого? Я заслуживаю такого же уважения, которое проявил Моисей к Иисусу Навину. Или нет?

— Это были Авраам и Исаак, глупая. Как мой брат мог влюбиться в такую дурочку, мне никогда не понять. — Она нежным ласкающим прикосновением провела ножом вниз по горлу Ровены. — А может быть, это ясно как день.

Ровена вздрогнула, когда кинжал скользнул дальше, оставив связанными ее руки, но разрезав веревку, соединяющую ее с Марли.

Марли отбросила прядь пшеничных волос с глаз Ровены сверкающим лезвием кинжала.

— Иди поищи горшок, щеночек, пока я поищу ужин.

Немного погодя Марли вернулась, бросив в середину площадки, окруженной соснами, обмякшую белку и охапку ветвей. Ровена сидела, скрестив ноги, пока Марли разводила костер, обдирая белку и обжаривала ее на импровизированном вертеле.

Марли разорвала мясо на куски и присела на корточки перед нею. Ровена зло поглядела на нее, но желудок выдал ее сердитым урчанием. Она с неохотой открыла рот. Марли положила в него кусочек мяса. Оно оказалось жестким, но вкусным. В Ревелвуде ей приходилось порой довольствоваться значительно худшим.

— Зачем кормить, если ты намереваешься меня убить?

Марли усмехнулась.

— Ты разве не слышала, что в жертву приносят упитанных тельцов?

Марли кормила ее, пока Ровена не насытилась, а потом нежно отерла ее подбородок рукавом. Она уселась с другой стороны костра и с наслаждением приступила к еде сама.

— Ты позволишь им повесить Гарета? — спросила Ровена.

Марли облизала пальцы.

— Он найдет выход. Он всегда находит.

— Но какой ценой, Марли?

— Почему это тебя беспокоит?

Ровена опустила глаза, глядя на огонь. Марли отложила мясо.

— Я никогда не обошлась бы с тобой так, как он прошлой ночью.

Ровена смотрела в ее темные глаза, поняв только теперь, что Марли больше не закрывала своего лица с тех самых пор, как они ушли из замка.

— Откуда ты знаешь, как он обошелся со мной? У тебя что, есть тайное место в шкафу и в Ардендоне?

— Нет. Но моя спальня рядом. И у меня есть уши.

Лицо Ровены заалело от унижения.

— Я удивляюсь, что мы не слышали, как ты визжишь от смеха.

— Куда вам было услышать? Вы сами производили достаточно шума.

Ровена дрожала в бессильном гневе. Марли насмешливо подняла бровь.

— Какая же ты глупая, Ровена Фордайс. Когда ты поймешь, что для моего брата ты не значишь ничего большего, нежели любая женщина для любого мужчины? Ты собственность, которой владеют, которую обменивают, завоевывают, крадут или продают самому выгодному покупателю, чтобы заключить нужный союз.

— Этим ты и была для твоего отца?

— Для моего отца я была ничем. Для моего отца существовал только Гарет. Я не могла даже добиться, чтобы он хотя бы побил меня. Я испробовала все: вранье, кражу, обман, драки со сверстниками. Никакого результата. Все внимание отдавалось Гарету, всего за одну вырезанную на шкатулке птичку или за один хороший поворот вокруг квинтина.

— Тогда ты решила испробовать убийство? Марли улыбнулась леденящей улыбкой.

— Тогда отец был уже в земле. Но разве от этого что-нибудь изменилось? Любви как не было,

так и нет.

В огне треснула обгоревшая ветка, выбросив вверх фонтан желтых искр. Марли зевнула и похрустела суставами. Она вытянулась на постели из сосновых игл и закрыла глаза. Ровена легла на бок, пожирая глазами открытое лицо Марли с огромным любопытством. Она пыталась найти сходство с Гаретом в очертаниях ее упрямой челюсти, в насмешливом взлете густых бровей под лбом цвета слоновой кости. Красота Марли была живой и пленительной. Ровена поняла, почему Блэйн так стремился к ней в свои молодые годы. Он возненавидел ее с такой же страстью, как любил, когда Марли отвергла его. Какие чувства могли бы расцвести между ними, если бы Марли не замкнулась в своей уродливой раковине, которую сама сотворила для себя?

— Я могла бы быть твоим другом, — тихо произнесла Ровена, не осознавая, что говорит вслух.

Марли открыла глаза. Они глядели друг на друга через пляшущий огонь костра.

— Этого недостаточно, леди Сокровище. Всегда чего-то не хватает.

Ровена перевернулась на другой бок. Она лежала, глядя во тьму, еще долго после того, как Марли погрузилась в беззаботный сон.

— Просыпайся.

Ровена потянулась, ткнувшись носом во что-то мягкое. Вот и кончился кошмар, она вновь в Карлеоне, Укутанная шкурами в постели Гарета. В мягкой ткани под головой она ощущала его чистый, мускусный запах.

— Просыпайся, глупая сучка. Я не могу весь день лелеять тут твою драгоценную задницу.

Ровена села, выпрямившись, ощутив удар башмаком в зад. Протерла глаза связанными руками. Марли стояла над ней, рыча, как яростная гарпия. Небо над головой было таким поразительно голубым, как будто бог с утра окунул кисть в свежую краску и выкрасил мир заново. Крапивники весело распевали свою утреннюю песню.

Марли вновь замахнулась, и Ровена поспешно встала. Прежде чем Марли успела схватить что-то с земли, Ровена увидела, что это была туника Марли, сложенная и подсунутая ею под голову Ровены.

Марли сильно толкнула ее.

— Если тебе нужно что-то сделать, делай это сейчас. Мы не будем останавливаться до самой ночи.

Ровена скрылась за ветвями. С трудом справившись со своими разорванными юбками, она наконец выпрямилась и раздвинула ветви, чтобы взглянуть вниз с холма.

Солнце вошло и начало свое торжественное движение по утреннему небу. В лугах внизу последние клочки тумана таяли в тепле косых солнечных лучей. Вдруг дыхание у нее перехватило.

— Проклятье, Ро! — завопила Марли. — Не тратить же на это половину утра. Я сейчас...

Ее голос внезапно прервался, когда она увидела то, что видела Ровена.

— Иисус всемилостивейший, — выдохнула она.

Ее ногти впились в руку Ровены.

Далеко внизу, через луга мчался рыцарь, слитый воедино со своим конем, подобный какому-то мифическому существу из фантазий Марли. Гарет низко припал к холке Фолио, меняя направление коня одним движением колен. Солнечный свет блеснул на золотой уздечке. Грива Фолио развевалась за ним, так же как и черные волосы Гарета, бьющиеся на ветру. Еще пять лошадей неслись позади Гарета, но ни Ровена, ни Марли не обратили на них внимания. Их глаза видели лишь Гарета и его неуклонное продвижение к холму.

Рука Марли, схватившая Ровену, дрогнула, и Ровена увидела слезы, текущие по щекам сестры Гарета. Ее рука опустилась. Она больше не держала Ровену.

Гарет несся к ним. Ровена думала, что он сейчас взлетит прямо по крутому склону, но в последние секунды он натянул поводья, остановив Фолио, поднявшегося на дыбы. Ржание жеребца разнеслось в утреннем воздухе.

Глаза Ровены не отрывались от лица Гарета, заметив, как оно сначала смягчилось, когда он увидел их, а затем вновь появились тонкие складки вокруг его рта.

— Глупые девчонки! Что за безрассудные поиски вы предприняли?

Взгляд, который Гарет бросил через плечо, напомнил им о других всадниках, черными тенями скользивших через луга. Гарет спешил и стал подниматься на холм.

— Гарет!

Он остановился, нахмурившись, услышав резкую ноту в голосе сестры, потом недоуменно посмотрел на Ровену.

Ровена медленно подняла свои связанные руки.

Озадаченное выражение в его глазах усилилось.

— Что за дьявол? Я думал, вы отправились на поиски убийцы.

— Так и есть, — спокойно произнесла Ровена.

Когда Гарет, ничего не понимая, вновь пошел вверх, рука Марли обхватила Ровену за талию. Солнце сверкнуло на лезвии, которое она прижала к горлу Ровены. Гарет замер.

Он постоял немного молча, а потом в упор взглянул на сестру.

— Ты, — сказал он, и это не было вопросом. Марли вздернула голову. Ее усмешка была ему ответом.

— Все эти годы ты позволяла им верить, что это сделал я.

— У меня не было выбора! — хрипло закричала Марли. Ее рука дрожала. Лезвие впивалось в нежную плоть Ровены. — Они никогда бы не тронули тебя. Ты лорд Карлеонский. А я провела бы всю жизнь в цепях, заточенной в монастырь.

Разум Гарета оказался быстрее, чем у Ровены.

— И Мортимер?

— Он без конца твердил одно и то же. Я лишь подтолкнула его. Он даже не успел услышать, как я прошу у него прощения.

Гарет перевел взгляд на Ровену. Тонкая струйка крови стекала в ямку между ее ключицами. Она стояла, крепко зажмутив глаза.

— Отпусти ее, Марли.

Рука Марли только крепче сжала Ровену.

— Зачем? Твой меч жалит глубже, чем мой. Ты пролил больше крови ее сердца, чем пролью я.

Гарет сделал еще один шаг вверх. Марли оттащила Ровену назад, пока обе не оказались скрытыми под ветвями карликовых сосен.

Он сделал еще шаг.

— Как же ты должна была ненавидеть меня.

Лицо Марли сжалось.

— Ты глупец! Илэйн терзала тебя. Я не могла видеть твоих страданий. Разве ты не знаешь? Разве не понимаешь? Ты один был добр ко мне. Даже когда я разрушила твою жизнь, ты не утратил благородства. Ты — все, чем я когда-либо хотела быть.

Топот копыт приближался. Марли бросила отчаянный взгляд в сторону луга.

В глазах Гарета стояли слезы, когда он протянул к ней руку:

— Марли. Милая. Иди ко мне. Я позабочусь о тебе. Я не позволю им сделать тебе ничего плохого.

Голос Марли стал твердым.

— Нет. Спускайся с холма, Гарет. Отойди от Фолио.

Лезвие вновь коснулось горла Ровены. Гарет повиновался без колебаний. Марли повела Ровену перед собой вниз с холма.

Узнав запахи обеих женщин, Фолио вздрогнул, но не отбежал. Они подошли к нему вплотную.

— Твой меч, брат, — отрывисто сказала Марли. Гарет отстегнул свой меч и бросил его на землю к ее ногам. Марли захватила в руку волосы Ровены, перебрасывая пояс с мечом через седло Фолио и садясь на него. Земля задрожала. Приближались преследователи Гарета. Марли наклонилась к грациозной шее Фолио.

На один быстротечный момент она погрузила лицо в спутанные локоны Ровены. Ровена ощутила у своего уха дыхание Марли.

— Я никогда не смогла бы сделать что-либо с тобой. Никогда.

Марли с силой оттолкнула ее от себя. Ожидаящие объятья Гарета приняли Ровену.

Марли выпрямилась с беспечной усмешкой, пронзившей сердце Ровены.

— Заботься о ней, братец. Если я услышу, что это не так, ты ответишь передо мной.

С этими словами безумная девица развернула жеребца на одном месте. Она обнажила меч и высоко подняла его, уносясь галопом от приближавшихся всадников. Ее боевой клич долетел до них на крыльях ветра. А она мчалась под грохот копыт к дальнему горизонту, свободная, как рыцарь, которым она всегда мечтала быть.

— Марли! — Ветер подхватил хриплый крик Гарета.

Ровена схватила его за руку:

— Отпусти ее, Гарет.

Ноги Гарета подкосились. Он упал на колени в мягкий торф. Ровена увидела, как ястреб, пролетев между ними и солнцем, взмыл в ту сторону, куда умчалась Марли, и вскоре и птица, и женщина превратились лишь в тени на колышущейся траве.

26

Ровена опустилась на колени рядом с Гаретом, шепча в его плечо еле слышные утешения. Он прижал ладонь к ее щеке, провел большим пальцем по алой царапине на горле.

— Тебе было больно? — сердито спросил он.

Ровена с трепетной улыбкой помотала головой, вспомнив последние слова Марли — слова, которых Гарет не мог слышать. Гарет нежно поцеловал царапину. Его губы скользнули выше, сначала нежно, затем с жадностью приныкая к ее подбородку, щекам, лбу. Она отвечала на его поцелуи, радостно ощущая всей кожей жесткие волосы его бороды. Губы Гарета добрались до ее рта, ощутив его вкус, более сладкий, чем кубки нектара. Гарет опустил свою тяжелую руку на ее плечо.

Его голова склонилась.

— Что я буду делать без нее?

Ровена прижалась лбом к его груди.

— Ты пойдешь дальше. Как хотела бы она.

Губы Гарета изогнулись в полуулыбке.

— Когда ты говоришь это с такой убежденностью, я почти верю, что это возможно.

— Все возможно, милорд...

Последние слова Ровены заглушил грохот копыт. Она бросилась на грудь к Гарету, боясь, что их затопчут. Топот неожиданно затих. Не было слышно ничего, кроме осторожного переступания копыт и фыркания усталых лошадей. Ровена открыла глаза и увидела круг лиц, неодобрительно глядящих на них сверху. Самым хмурым было лунообразное лицо Ирвина, сидевшего на серовато-коричневой кобыле. Маленький Фредди и Большой Фредди с важностью восседали на гнедых жеребцах. Сэр Бродер ерзал на лошади, с седла которой многозначительно свисала веревка.

Блэйн спешился. Рука Гарета оберегающим жестом обняла Ровену за плечи.

Черный синяк вокруг глаза Блэйна хорошо сочетался с цветом его лошади. Он взмахнул руками.

— И для этого ты убежал? Чтобы веселиться с ней на лужайке? И ради этого ты оставил столько бездыханных тел в моем зале?

Ровена сжалась.

— Не беспокойся, дитя, — прошептал Гарет. — Всего лишь без сознания, но все живы. — Блэйну же он ответил: — Ты раздражен лишь потому, что сам был среди этих тел.

— Ты прав, я вне себя. Это крайне плохие манеры — приводить ударом в бессознательное состояние своего гостеприимного хозяина. Принц Уэльский содрогнулся бы, узнав об этом.

— А разве правила гостеприимства позволяют запираить своих гостей в погреб со специями?

Блэйн не нашелся что ответить и лишь пнул со злости здоровенный камень.

— Куда, черт побери, делась Марли?

Ровена открыла было рот, но Гарет предупреждающе сжал се руку.

— Дела моей сестры тебя не касаются. Она уже объяснила тебе это в раннем возрасте.

— Объяснила, и притом с болезненной ясностью. — Блэйн потер свой бок, очевидно вспоминая что-то. — Может быть, она не захотела видеть, как тебя повесят на ближайшем дереве.

Маленький Фредди и Большой Фредди обменялись обеспокоенными взглядами. Ровена освободилась из объятий Гарета, игнорируя его предупреждающий взгляд.

— Марли не для того бежала, чтобы ты продолжал мужественно нести бремя ее вины, — сказала она Гарету.

Блэйн повернулся к ней.

— Вины? — Он недоуменно уставился на Гарета. Тот встал на ноги, отряхивая рейтузы.

Глаза Блэйна оглядывали горизонт.

— Значит, эта свирепая маленькая сучка убила Мортимера, — сказал он скорее с восхищением, чем с удивлением.

— И Илэйн, — добавила Ровена. Гарет бросил на нее мрачный взгляд.

Блэйн пошел к своей лошади.

Гарет уже был возле нее, положив руку на уздечку.

— Куда-то собрался?

— Поймать убийцу.

— Чтобы повесить?

Блэйн поднял бровь.

— Предложу ей личное заточение и себя в роли надзирателя.

— Ты уже использовал свой шанс приручить Марли, другого не будет.

Гарет не двигался с места. Блэйн с надеждой взглянул на сэра Бродера. Пожилой рыцарь внимательно рассматривал свои ногти. Ровена с одобрением посмотрела на Гарета.

Блэйн сдержал ругательство.

— Я должен был бы повесить тебя вместо нее, только за обращение с этой прекрасной леди. И не обязательно за шею.

Ровена побледнела. Гарет загородил ее от Блэйна,

— Как я уже однажды сказал тебе, Блэйн, если тебя есть претензии относительно моего обращения с этой прекрасной леди, можешь вызвать меня на поединок.

— У меня множество претензий. — Блэйн злобно глядел ему в лицо. — Ты держал ее в Карлеоне против ее воли. Ты привел ее в Ардендон на веревке. Ты допустил, чтобы сумасшедшая убийца похитила ее. Ваше обращение с нею, сэр, оставляет желать лучшего.

Гарет зевнул.

— Так что же ты предпочтешь? Повесить меня или вызвать на поединок?

Одним изящным движением Блэйн сдернул свою перчатку и хлестнул ею по лицу Гарета. Гарет не вздрогнул, хотя удар оставил краснеющий след на его щеке.

— Пусть будет так, — сказал он жестко. — Каковы же условия?

Блэйн отошел, сжав руки за спиной, затем вернулся обратно.

— Призом, — сказал он, — будет леди Ровена.

Ровена ожидала от Гарета презрительного отказа от такой смехотворной ставки.

— Позвольте мне уточнить, — сказал Гарет. — Призом будет рука леди Ровены. Выигравший женится на ней.

— Почему моя рука? — невнятно пробормотала Ровена. — Почему не голова или нога? — Она дернула Гарета за рукав.

Гарет тихо сказал ей, не оборачиваясь:

— Не беспокойся, любовь моя. Блэйну не нужна невеста. Он откажется от своего вызова.

Блэйн надел перчатку.

— Очень хорошо. Условия приняты.

Еще одна перчатка пролетела в воздухе, ударив Гарета в висок.

— Я тоже участвую в турнире. — Лицо Ирвина было белым как снег, но его голос не дрожал. —

Она была моя с самого начала.

Ровена оглядела мужчин, раскрыв рот от удивления и подозревая, что они сошли с ума.

— Решено, — сказал Блэйн. — Турнир — завтра после полудня. Ровена займет место Королевы Любви и Красоты. Тот, кого вышибут из седла, проиграл.

Ирвин пошатнулся. Большой Фредди поддержал его плечом.

Они все смотрели на Ровену. Лицо ее покраснело от гнева.

Гарет нахмурил лоб.

— В чем дело, любовь моя?

— Вы сошли с ума? Вас ничему не научила Марли? Женщина — не собственность, которую можно продать или завоевать. Может быть, если бы она смогла убедить вас в этом, вы не потеряли бы ее.

Они глядели на нее с таким изумлением, как будто у нее вдруг выросли рога и хвост. Большой Фредди поскреб голову.

Блэйн выглядел искренно озадаченным.

— Вы должны быть в восторге, Ровена. Большинство женщин восприняли бы как высочайшую честь поединок за них. — Он обратился за поддержки к сэру Бродеру.

Рыцарь кивнул:

— Каждая леди жаждет быть Королевой Любви и Красоты на турнире.

Гарет протянул к ней руку, как бы боясь, что она может убежать. Тихим голосом, предназначавшимся только для ее ушей, он сказал:

— Рыцарь не может отказаться от вызова, не запятнав свою честь.

Она направилась к открытым лугам, протиснувшись между лошадьми.

Гарет последовал за ней. Он схватил ее за руку.

— Я потерял все, Ровена. Я не могу потерять и тебя.

— Не беда, милорд, — тихо сказала она. — Вы обрели самое драгоценное, к чему стремились всю жизнь, — вашу честь. Я надеюсь, она будет согревать вас по ночам.

С этими словами она подобрала изорванные края юбок и пошла прочь сквозь шелестящие травы. Захватив в кулак гриву своей лошади, Маленький Фредди развернул ее.

Он отвесил всем насмешливый поклон. На его губах играла ехидная улыбка.

— Всего хорошего, милорд.

Гарет с рычанием отмахнулся от него. Маленький Фредди поскакал рысцей за своей сестрой. Гарет не отрывал глаз от Ровены, пока она садилась сзади Маленького Фредди. Они медленно

удалялись в луга. Гарет потер пульсирующие виски.

Блэйн положил руку ему на плечо.

— Женщины! Превосходные и загадочные существа, не правда ли?

— Ты не хочешь получить еще один синяк?

Блэйн торопливо отошел. По тактичному предложению сэра Бродера они отправились обратно в Ардендон унылой процессией. Блэйн и Гарет уместились на черном жеребце, стараясь не прикасаться друг к другу. Ирвин ехал сзади, молясь и крестясь во внезапном порыве набожности.

27

Скользкая вощеная кожа выскользнула из рук Ирвина. После четвертой попытки ему удалось застегнуть кирасу [11], и лишь тогда он обнаружил, что надел ее задом наперед. Может быть, если бы он стал пятиться задом, никто бы этого не заметил. Он вытер вспотевший лоб, поражаясь своему сумасшествию. Это надо было додуматься — вызвать сэра Гарета на поединок!

Ровена выглядела тогда такой нежной и беззащитной в своих оборванных юбках. Она напоминала ему о временах, когда они, еще детьми, боролись друг с другом. Он забыл, что тогда она всегда в конце концов брала верх, а он визжал, как поросенок, прося пощады. Он забыл также ее острый язык, пока она не бросила в лицо сэру Гарету свои обвинения, будто ударила кнутом.

Ирвин снял кирасу и вновь вступил с нею в борьбу, пока не надел правильно. Затем он натянул кольчугу, шатаясь под ее весом, и потянулся за серебряным шлемом, стараясь сохранить равновесие. Когда он надвинул шлем на голову, кто-то нанес ему удар дубинкой.

На мгновение он выпрямился и тут же упал на камень. Шлем ударился об пол с грохотом, отозвавшимся громким эхом.

Он лежал, оглушенный, не чувствуя, как чьи-то руки сняли с него шлем, мягко опустив голову на пол. С него сняли кольчугу, бриджи, кирасу и короткую тунуку. Словом, все, оставив его в полотняном нижнем белье.

Он, толком не придя в сознание, перевернулся на бок, бормоча что-то бредовое о клубнике с джемом, и не слышал, как дверь снаружи заперли на засов.

«Выходите, рыцари, выходите!» — прокричали герольды.

Громогласное пение труб разлилось в воздухе жидким золотом.

Из палаток, поставленных на противоположных сторонах арены, выступили два рыцаря. После горячего, душного воздуха палатки Гарет на мгновение почувствовал головокружение от свежего ветра. Солнце слепило его. Он оседлал черного коня, предоставленного ему Блэйном, жалея, что с ним нет Фолио. Гром аплодисментов прокатился над ареной. Маленький Фредди бросил ему копьё с привязанной к нему шелковой вуалью Ровены. Гарет поймал его рукой в перчатке. И тогда он понял, что лица всех обращены к нему. Каждый крик одобрения был адресован ему. Толпа встала на ноги, не обращая внимания на изящного Блэйна, выехавшего на коне с другой стороны поля. Голоса всех слились в приветствии сэру Гарету де Креси,

мрачному лорду Карлеонскому.

Весть о его невиновности распространилась в любопытной толпе, как лесной пожар. В один голос они освобождали его от двадцати лет несправедливости. По команде Гарета его конь поскакал туда, откуда была видна центральная галерея. Ярко наряженные леди толпились у деревянной ограды. Платки и ленты трепетали в их нежных пальцах.

Гарет ждал этого момента двадцать лет. Но теперь эти приветствия были для него так же пусты, как, то пустое сиденье на галерее, трон чести — традиционное место Королевы Любви и Красоты. Наряды казались кричащими, голоса — слишком резкими. Гарет развернул лошадь, направляя ее к своему краю арены. В его мозгу все время вертелась одна и та же фраза, произнесенная саркастическим шепотом: «Вы обрели самое драгоценное, к чему стремились всю жизнь, — вашу честь».

Он жаждал увидеть золотой блеск волос Ровены в солнечном свете этого прекрасного дня. Отыскать глазами ее стройную фигуру, наклонившуюся к ограде галереи, чтобы приветствовать его, желая победы. Он сражался на многих поединках, некоторые из них были не на жизнь, а на смерть. И каждый раз уповал на свою гордость, которая не должна была подвести его, осознавая в глубине души ту истину, что право и справедливость рождают силу. Зная, что под его мрачной маской скрывается все тот же мальчик, из которого отец воспитывал рыцаря без страха и упрека. Сегодня же, в самом важном турнире своей жизни, он ощущал себя опустошенным. Ему нечего было больше доказывать кому-либо, за исключением Ровены, и у него было чувство, что он делает для этого не то, что нужно.

Сэр Бродер, назначенный маршалом турнира, проскакал к центру арены. Трубы, блестящие золотом на солнце, подняли раструбы вверх. Раздались привычные звуки, призывающие к началу турнира. Колени Гарета напряглись на атласном покрывале его коня.

Сэр Бродер провозгласил:

— Во имя бога и святого Михаила, сразитесь! Герольды в один голос прокричали:

— Исполните свой долг, доблестные рыцари! Они разбежались, освобождая арену для битвы.

Гарет опустил забрало. Мир сразу сузился до небольшой полосы зелени с противником в конце ее. Гарет опустил копьё и поднял щит. Стук сердца отдавался в его ушах.

Золотые шпоры коснулись боков коней. Лошади бросились вперед навстречу друг другу. Гарет припал к шее лошади, приготовившись встретить удар.

На краткий миг, прежде чем его копьё с силой столкнулось со щитом Блэйна, он уловил проблеск сузившихся карих глаз сквозь щели забрала противника. Копьё с громким стуком ударило в щит. Оба копьё выдержали удар. Гарет покачнулся, но удержался в седле. Толпа одобительно заревела.

Гарет не мог не взглянуть на галерею. Леди Алиса послала ему поцелуй. Почетное место все еще было пустым. Его лошадь развернулась, и он вновь понесся навстречу Блэйну. Он склонился ниже к луке седла. Грива лошади хлестала его по шлему. Ветер свистел сквозь забрало. Толпа исчезла. Перед ним лежало лишь длинное прямое пространство и парил сокол, вырезанный на щите рыцаря, мчащегося к нему. Гарет сосредоточил взгляд на глазе сокола. Он опустил копьё на долю дюйма. Он не думал о копьё, которое ударит в его собственный щит. Он не думал о боли от удара, которая будет потом ощущаться его мышцами не одну неделю. Все его мысли были сосредоточены на ярко сверкающем глазе сокола.

Он закрыл глаза в момент удара, зная еще до того, как копьё Блэйна ударилось в его щит, — что он, сэр Гарет, лорд Карлеонский, победил. Копьё Блэйна разлетелось со страшным треском. Толпа затаила дыхание. Гарет налег на копьё. Жеребец Блэйна присел на задние ноги. Неодолимая сила копья Гарета сбросила Блэйна на землю.

Лошадь Блэйна убежала щипать траву у галереи дам. Смеющаяся молодая девушка водрузила на уши жеребцу венки из левкоев. Оруженосец Блэйна поспешил к своему господину, но Блэйн взмахом руки отослал его обратно.

Не сходя с лошади, Гарет наклонился и протянул ему руку в перчатке.

— Вставай, мой друг. Радуйся, что ты не поставил на пари свой замок.

Блэйн сел и снял шлем. Он смотрел в упор на Гарета.

— Что стоит замок, который не украшает хозяйка?

Гарет усмехнулся.

— Я сам в последнее время стал задавать себе такой же вопрос.

Толпа весело закричала, когда Блэйн принял руку Гарета. Гарет поднял его на ноги. С галереи раздались аплодисменты. Блэйн раскинул руки и сделал поклон, которому позавидовал бы любой актер. Он слегка пошатывался, встав на ноги.

— В следующий раз мой друг и я будем соперничать за шахматной доской или за хазардом! — прокричал он под веселые приветствия.

— Только не хазард, — потряс головой Гарет. — Хазард — никогда.

Блэйн шлепнул его по колену.

— Жаль покидать тебя, но я вижу целую толпу симпатичных леди, машущих мне с галереи. Кто может лучше пробудить их материнские инстинкты, чем маленький побитый мальчик. Я уже вижу колени, которые приютят меня. И не забывай, тебе предстоит еще один поединок.

Гарет хмыкнул.

— Думаю, нет. Если не ошибаюсь в Ирвине, он теперь на полпути в Ревелвуд.

Сэр Бродер вновь выступил вперед, сопровождаемый строем сияющих герольдов.

— Как требует традиция, я должен спросить, есть ли еще рыцари, желающие вызвать сэра Гарета на поединок сегодня?

вернуться

11

Кираса — кожаные доспехи из двух частей, соединенных вместе.

Несколько рыцарей нашли этот момент наиболее подходящим для того, чтобы поковырять в

зубах или поцеловать своих дам.

— Если кто-либо желает выступить вперед, — нараспев произносил сэр Бродер, выполняя привычный ритуал, — он должен сделать это теперь или впредь...

Высоко на холме появился всадник.

— ...пребывать в молчании, — закончил сэр Бродер как-то неуверенно.

Гарет откинул забрало, вглядываясь в темный силуэт на фоне послеполуденного солнца. Нежный ветерок высушил пот на его лице. Арена погрузилась в тишину.

Фигура в шлеме подняла свое копьё. В толпе заговорили, видя этот очевидный вызов, исходящий от загадочной фигуры. Гарет нахмурился, пытаясь понять, Ирвин ли это. Однако новый соперник не дал ему времени на размышления.

Закрывшись щитом и наклонив копьё, всадник помчался вниз с холма. Гарет опустил забрало. Толпа затаила дыхание, пребывая в восторге, когда копыта белого жеребца оторвались от земли и конь единым могучим прыжком перескочил через веревки, натянутые в конце арены. Потные ладони впились в барьеры галерей. Зрителям казалось, что всадник готов с ходу выбить Гарета из седла, отбросив прочь все правила турнира.

Однако руки в перчатках натянули поводья, заставив жеребца резко остановиться, встав на дыбы. Гарет моргнул. Ледяные струйки пота зашевелили его шею сзади. Жеребец был очень похож на Фолио, но все-таки это был не он. В челке и гриве виднелись черные пряди.

Незнакомец просигналил коротким жестом маршалу, и сэр Бродер поспешил произнести установленную фразу, как будто опасаясь стоять между двумя такими непредсказуемыми соперниками:

— Во имя бога и святого Михаила, сразитесь!

Повернувшись к всаднику, Гарет ощутил совершенно незнакомое чувство. Он был напуган. Страх разозлил его. Если это были шуточки Ирвина, то после турнира он отшлепает его, как нашкодившего мальчишку. Он поднял копьё с рычанием, заставившим леди в галерее попадать друг другу на руки.

Незнакомец поднял свой щит. Его ноги в башмаках ударили в бока лошади. Обе лошади помчались навстречу друг другу, выбивая клубы пыли из земли. Щит незнакомца не был отмечен никаким знаком. Гарет не мог найти цели, в которую должен был направлять копьё. Земля быстро неслась назад под копытами его коня, и прежде, чем он успел подготовиться, чужое копьё поразило его щит сокрушительным ударом. Оба всадника покачнулись, но удержали равновесие. Толпа приветствовала их с приглушенным восторгом, как будто на все уста легли чары таинственного незнакомца.

Гарет едва успел развернуться, как подвергся новой атаке. Он ругался про себя, не оправившись еще от последнего удара. Он искал проблеск чего-либо человеческого под этим шлемом, тоже никак не определявшим владельца. Солнечный свет отражался от полированных поверхностей, обманывая яркостью бликов. Что за тайны скрывало забрало незнакомца? Гарет был еще только на полпути к центру поля, когда копьё его противника скрестилось с его копьём. Конь Гарета встал на дыбы, молотя воздух передними копытами. Гарета охватил гнев.

Он твердо знал теперь, что сражается не с Ирвином. Ирвин не владел мастерством,

необходимым для одновременного маневрирования жеребцом, копьём и щитом. Удивительный всадник скакал к нему вновь, понукая своего коня, несшегося вдоль изумрудной полосы зелени по краю поля.

В миг перед тем, как они должны были столкнуться вновь, Гарет выпрямился и высоко поднял свое копьё. Всадник мчался вперед, приготовившись к удару. Когда же удара не последовало, всадник сам ударил в щит Гарета с такой силой, что чуть не выбил его из седла. Конец копья Гарета ткнулся в крышу галереи, оставив там зацепившуюся за угол вуаль Ровены.

Скругленный наконечник, одеваемый на острие копья для предотвращения ранения соперника, соскочил с копья Гарета, упав на колени леди Алисы. Не заметив этого, он взмахнул длинным копьём, желая застать соперника врасплох. Всадник, внимание которого было поглощено разворотом, поднял свой щит недостаточно быстро. Солнце блеснуло на открытой стали копья Гарета. Какая-то женщина завизжала, увидев, как серебристое острие пронзает доспехи таинственного всадника.

Люди вскочили на ноги. Наступила тишина.

Гарет, не веря своим глазам, глядел, как кровь заливает кольчугу всадника, каплями повисая на ее колечках. Он уронил копьё на землю. Белый жеребец отбежал в сторону. Всадник на нем ссутулился, схватившись негнушимися руками за луку седла. Один из герольдов начал произносить какой-то латинский текст.

Туманное сознание Гарета отказывалось понимать случившееся. Ни один оруженосец не выбежал на поле, чтобы помочь своему раненому господину. Гарет откинул забрало. Кровь застыла в его жилах от страшного подозрения. Незнакомый всадник перегнулся пополам. С упорством, устранившим Гарета, пальцы в перчатке схватились за шлем. Гарет хотел закрыть глаза, не имея сил увидеть, как из-под шлема сейчас упадут длинные темные волосы, в чем он был уверен.

Всадник опустил голову и отбросил шлем. Пшеничные локоны хлынули каскадом, закрывая мертвенно-бледное лицо.

Вся арена пришла в движение. Блэйн кричал, призывая лекаря, лекарь призывал священника. Алиса упала в обморок. Маленькая фигурка с серебристыми волосами выбежала из дальней палатки и понеслась через длинное поле.

Но Гарет первым пришел на помощь Ровене. Он соскочил с коня, теряя право на победу, и подхватил падающую Ровену. Он опустил ее на землю. Кровь окрасила подстеленное под нее покрывало жеребца.

Гарет положил ее голову себе на колени. Золотистые локоны рассыпались по его плащу. Ее голубые глаза туманила боль. Она провела пальцем в перчатке по его подбородку.

Слабая улыбка появилась на ее губах.

— Я свободна, милорд. Я отвоевала себя.

Ее песочные ресницы задрожали, и Ровена погрузилась в спасительное забытие. Порыв ветра сорвал вуаль со столба галереи, и она взмыла ввысь, пока с земли не стал различаться лишь проблеск персикового цвета на голубом небе.

Большой Фредди помог наклонить голову Ровены через край кровати. Его широкая ладонь нежно поддерживала ее лоб, пока скудное содержимое желудка не вышло наружу. Глаза ее оставались закрытыми. Влажные ресницы лежали на ввалившихся щеках. Блэйн протянул руку Гарету, но Гарет, пошатываясь, прошел мимо него и покинул комнату. Большой Фредди осторожно уложил Ровену на подушки. Блэйн последовал за Гаретом. Позади плелся Маленький Фредди.

Они нашли Гарета возле зубчатой стены. Он стучал кулаком в безразличный ко всему камень, порывисто хватая ртом воздух. Гарет повернулся, чтобы идти обратно. Блэйн остановил его:

— Тебе нужен отдых. Ты не спал уже три дня.

Гарет отбросил его руку:

— Она нуждается во мне. Я не могу оставлять ее.

— Большой Фредди отлично ухаживает за ней.

Гарет опять оттолкнул руку Блэйна и пошел, спотыкаясь, к двери. Вдруг он резко повернулся и подставил лицо холодным брызгам дождя. Под глазами его чернели тени.

Они стояли в молчании, слушая дремотное журчание воды, стекающей где-то с желоба.

— Тошнота полезна ей, — мягко сказал Блэйн. — Врач говорит, что чем больше яда от раны удалится из ее тела, тем больше шансов, что она останется жива.

— А припадки тоже полезны ей? Прошлой ночью мне пришлось навалиться на нее всем весом, чтобы она не упала в судорогах с кровати. А лихорадка тоже полезна? Или озноб? Или кошмары? — Голос Гарета прервался. Он опустил голову. Дождь туманными полосами залетал под балкон. Волосы Гарета мокрыми прядями повисли вокруг лица.

Блэйн не мог ничего ему ответить. Гарет устало побрел обратно. Блэйн последовал за ним. Маленький Фредди остался стоять и смотрел куда-то вдаль поверх серых слоев тумана, нависших над дальними холмами. Блэйн не покидал Гарета с начала болезни Ровены. Никто не знал, какие темные тайны остались между ними после ночи, проведенной у постели Ровены. Порой их голоса возвышались в горячем споре и слышалось эхо хриплых сдавленных рыданий.

Но с приходом утра Ровена была еще жива. Гарет отказался допустить к ней священника, чтобы тот прочел над ее головой слова, которые могли дать беспрепятственный доступ в чистилище. Лорд Карлеонский хотел, чтобы она жила. И она выжила. Маленький Фредди чувствовал, как его собственные губы произносят слова молитвы, полузабытые от слишком редкого использования. Когда он не находил нужных слов, его глаза просто обращались к серому небу, моля, чтобы бог проявил милосердие к ним всем.

Маленький Фредди сидел в дверях, глядя рыжую гончую, положившую голову ему на колени. Гарет окунал в воду кусок ткани и прикладывал ее к пересохшим губам Ровены. Ее кожа ощущала теперь желанную прохладу после горячки, которая терзала ее тело всю ночь.

Кожа на лице Ровены натянулась, и розовый цвет сменился бледностью проваленных щек. Гарет приподнял ее и усадил, поддерживая рукой. Он почти не ощущал ее веса. Повязка на боку была чистой и сухой. Он взбил подушки и вновь уложил Ровену.

Голубые глаза открылись. Дыхание Гарета замерло в горле. Уголок ее рта приподнялся в

подобии улыбки.

— Благодарю вас, милорд. — Голос ее прервался. Ее охватил душераздирающий кашель, сотрясший все ее тело.

Она закрыла глаза. Гарет наклонился к ней, неотрывно глядя в лицо. Ее глаза распахнулись вновь, огромные и яркие.

— Гарет?

Взгляд не отрывался от его лица. Чтобы уклониться от него, Гарет взял гребень и нежно провел по влажным прядям волос, лежащих на подушке.

— Да, любовь моя?

— Ты страшно зол на меня?

— Ты просто не можешь себе представить!

— Прости меня.

Гребень замер. Голова ее повернулась набок. Губы коснулись его руки.

Он закрутил прядь ее волос вокруг своего пальца. Она зевнула и, прижавшись поудобнее щекой к подушке, задышала ровно, впервые за много дней.

Золотистый локон выскользнул из его пальцев. Гарет встал и вышел из башни, переступив через Маленького Фредди и собаку, не замедляя шагов. Он опустился на ступени узкой лестницы, закрыв лицо руками, и заплакал.

Блэйн поднял голову, услышав стук распахнувшейся двери донжона. Он отпустил сенешаля, сидевшего рядом с ним, небрежным взмахом руки. Сенешаль собрал листы пергамента и бочком проскользнул мимо рыцаря с ввалившимися глазами, стоявшего в дверях. Гарет был одет в кольчугу и плащ. Сбоку висел его меч. Блэйн сплел пальцы под подбородком, опасаясь худшего.

В воздухе пролетел мешочек золота, тяжело ударившись о поверхность дубового стола.

Блэйн нахмурился.

— Я не беру с тебя платы. Ты — мой гость,

— Это не для тебя. Это для Ровены. Блэйн успокоился и толкнул мешочек назад.

— Отдай ей это сам.

Гарет наклонился, упершись руками в стол.

— Меня здесь не будет.

Лоб Блэйна собрался морщинами. Он развязал мешочек и заглянул внутрь. Его глаза расширились.

— Это огромная сумма.

— Довольно существенная.

Блэйн хмыкнул.

— Вполне достаточно, чтобы купить графство.

— Если она захочет.

Блэйн откинулся в кресле.

— Значит, вот как.

— Она завоевала свою свободу. Это приданое даст ей возможность выбрать любого мужчину, которого она захочет. — Он не спеша добавил: — Или не выбирать никого.

Блэйн улыбнулся, снимая невидимую ниточку со своего колена.

— Ты доверяешь мне ее золото, но не ее саму.

— Я не такой дурак. Однако я доверяю тебе ее брата. Здесь хватит золота, чтобы дать Маленькому Фредди должное образование.

Блэйн насмешливо поднял бровь.

— Ты хочешь, чтобы я вылепил его по своему образу?

— Боже сохрани, Я хочу, чтобы ты сделал его похожим на твоего отца.

Пальцы Блэйна нежно разгладили старый пергамент у него под рукой.

Гарет взглянул на чертеж.

— Угловые башни?

Блэйн пожал плечами.

— Некоторые из старых планов моего отца. Я размышлял о том, чтобы пристроить к Ардендону то, что не успел отец.

— Твои залы опустели.

— Я отправил гостей упаковываться. С приглашением на майский праздник, конечно.

В глазах Гарета мелькнула улыбка,

— Конечно. — Он тяжело хлопнул Блэйна по плечу и направился к двери.

— Гарет?

Гарет с неохотой повернулся.

— Что мне сказать ей, когда она проснется и первым делом, как всегда, назовет твое имя?

Гарет поднял глаза, темные, как полночь.

— Скажи ей, что я недостойн ее. У меня нет права думать иначе.

Он был на полпути к двери, когда тихие слова Блэйна настигли его.

— К черту твою гордость. Гарет круто развернулся.

— Да. К черту мою гордость. Она чуть не убила Ровену. — Голос его смягчился. — Я не дам своей гордости еще одну возможность.

С этими словами Гарет оставил своего друга, уставившегося невидящим взглядом в пергамент перед ним. Он прошел мимо ниши, где спрятался Маленький Фредди. Тот выскользнул из тени, как только Гарет исчез в потоке солнечных лучей, щедро разливавших свой свет за дверями донжона.

Маленький Фредди задержался на мгновение и бросился к лестнице. Его быстрые ноги помчали его вверх по ступеням. Он пронесся вдоль узкого зала, затем — снова вверх по более крутым лестницам. Он дышал быстро и неровно, когда бежал дальше по наклонному коридору. Его руки не сразу справились с задвижкой. Он выскочил на стены башни, под солнце и ветер. Его руки уперлись в нагретый солнцем парпет.

Далеко внизу из конюшни вывели жеребца для Гарета. Рыцарь в черном взял поводья у Большого Фредди, сразу прислонившегося к стене конюшни.

Когда Гарет перебросил длинную ногу через спину жеребца, ногти Маленького Фредди впились в камень. Невозможно было различить, где кончается черный блеск кожи коня и начинается плащ рыцаря. Гарет пустил лошадь неспешной рысью по дороге, обходившей озеро, длинной извилистой дороге, ведущей в сторону, противоположную Карлеону.

Маленький Фредди затаил дыхание, когда Гарет достиг первого поворота. Лошадь замедлила бег, и Гарет пустил ее гарцевать по кругу. Даже на таком большом расстоянии, разделявшем их, Фредди почувствовал, что глаза Гарета нашли сияние его светлых волос на башне. Рыцарь поднял руку в перчатке в приветственном салюте.

Маленький Фредди отчаянно махал обеими руками, перегнувшись через стену, пока сгущающаяся зелень мира внизу не закачалась у него перед глазами. Гарет опустил руку и дернул поводья. До слуха Фредди донеслось слабое позвякивание колокольчиков. Жеребец повернулся, пустившись в галоп, унося своего всадника за поворот дороги и из поля зрения Фредди. Он вновь появился в виду на следующем изгибе дороги — одинокое черное пятнышко на нескончаемой ленте желто-коричневого цвета. Маленький Фредди все еще махал, когда почувствовал, как кто-то положил руку ему на плечо. Сэр Блэйн стоял у него за спиной.

Ощущая соленые слезы на языке, Маленький Фредди утерся рукавом.

— Как я скажу ей, что он не вернется?

Блэйн сжал его плечи:

— Он вернется. Не беспокойся. Он вернется.

Но говоря это, Блэйн не был уверен, что пытается убедить в этом Фредди, а не себя.

Порывы ветра и дождя срывали листья с ветвей. Они плясали и кружились в хаотическом неистовом танце, как будто смеясь над Гаретом, дразня своим шуршащим припевом. Во всем ощущалось холодное, влажное дыхание осени. Капельки дождя оседали на его бороде, Он плотнее закутывался в плащ, пытаясь вызвать в своем воображении картину собственного теплого очага, и усмехнулся, представив лицо Данлы, расплывшееся в приветственной улыбке. Долгие одинокие месяцы вдали от Карлеона, проведенные в битвах на стороне короля Эдуарда, приглушили яркость этих картин, смешав их с другими воспоминаниями: вспышка белых зубов под спутанными черными волосами; пшеничные локоны, тяжелые и влажные после купания; окровавленное копьё, лежащее в пыли. Лошадь споткнулась, и Гарет прикусил губу, радуясь боли, прогнавшей видения. Воспоминания были опасны, их лучше не тревожить.

Пучок мокрых листьев шлепнулся ему на плечо. Он взглянул наверх. Между черной сетью ветвей серое небо постепенно темнело. Не было солнца, радовавшего глаз в осеннем лесу. С рассвета до заката с неба падали свинцовые капли дождя.

Широкую дорогу окружали древние деревья, огромные и помнящие все. Казалось, за ним наблюдают их немигающие глаза. Неужели они всегда были такими угрожающими? Он ощущал силу этих великанов, склонившихся к нему, подавляя его дух, ложась грузом на его грудь, сжимая ее, пока каждый вдох не становился тяжким бременем. Щупальца тумана плыли между ними, играя гибкими пальцами, чтобы заманить усталого путника. Гарет вздрогнул, ругая себя за дурацкие фантазии. Он подбодрил лошадь, которая ускорила шаг. Потрескивающий огонь и бутылъ эля успокоят воображение. Еще поворот — и он будет дома.

Дерево над его головой взорвалось сумятицей обрушивающихся листьев, Гигантская летучая мышь сорвалась с нижней ветки, издавая леденящий кровь визг. У него хватило времени лишь приподнять руку, чтобы защитить лицо, прежде чем это существо набросилось на него. Его вопль смешался с неистовым криком этой твари. Оба они полетели, кувыркаясь, со спины жеребца в мокрую листву. Голова Гарета ударилась о сухую ветку. У него звенело в ушах, и казалось, что на его груди ликующе скачут уже два зверя.

— Сдавайся, — рычало существо, угрожающе махая дубинкой.

Гарет потряс головой. Два существа слились в одно. На голове летучей мыши красовался черный шлем с удлиненным отверстием там, где должен был находиться нос.

Гарет еще раз мотнул головой, прогоняя звуки назойливого колокола, и поднял ладони в жесте покорности.

— Ха! — раздался победный крик.

Голова существа наклонилась. Руки в перчатках, потрескавшихся от старости, стащили пробитый шлем.

И совсем новая мелодия зазвучала в голове Гарета — сумасшедший радостный перезвон, который мог бы затмить колокола любого собора.

Шлем полетел в листву. Гарет был задушен каскадом длинных светлых волос, обрушившихся на него. Ровена отбросила их назад с плутовской улыбкой.

Ее глаза сверкали.

— Легкая победа, милорд.

— Я всегда был легкой победой для тебя.

Руки Гарета потянулись к ней. Его пальцы трогали ее запястья, как бы желая убедиться, что перед Ним действительно сама Ровена во плоти, а не мучительная иллюзия, рожденная его больным воображением.

— Если ты — грабитель барон, то у меня нет золота. Прекрасная девушка разбила мое сердце и завоевала мое золото.

— А это тоже ее рук дело? — Ровена аккуратно выдернула седой волосок. Их стало гораздо больше на его висках.

Рука Гарета скользнула под ее волосы, охватив ладонью шею.

— Нет, это оттого, что я ее потерял.

— Ничего, что ты беден. Я владею прекрасным замком, и золота у меня много. — Она с вождением поглядела на него. — Я ищу не золота.

— Тогда зачем же ты напала на меня, красавица?

От ее легкого покачивания и лукавых взглядов Гарет начисто забыл об усталости.

— Я ожидала много долгих дней и ночей рыцаря, чтобы захватить его в плен, — прошептала она.

— И утащить в свой зачарованный замок, чтобы веселиться на его теле всю ночь?

Она фыркнула.

— Ты клеветешь на меня. Мои намерения самые благородные. У меня есть священник, готовый услышать твои клятвы.

— И он выдавал тебя за каждого рыцаря, который следовал по этой дороге? Может быть, у тебя в спальне стоит сундук с головами бедных рыцарей, ожидающий меня, чтобы наконец заполниться?

— Это — риск, на который тебе придется пойти.

Она облегчила ему выбор, наклонившись и нежно прижав губы к его рту. Гарет покрепче прижал ее к себе, и у обоих захватило дыхание. Он гладил ее по волосам.

Ровена уткнулась в его плечо и вдруг рассмеялась.

— Победенный женщиной. Похоже, ты сильно ослаб в своих скитаниях.

— Неси меня к своему священнику, и я потрачу всю мою жизнь, доказывая, как ты ошибаешься.

Дьявольски изогнув бровь, он крепко обхватил ее руками, сплавив их тела воедино. Его губы вновь нашли ее, испив сладость чаши Грааля, которую он обрел в конце своих одиноких поисков.

Она уперлась в его грудь.

— Стыдно, сэр. Вы стремитесь предъявить свои доказательства еще до появления священника.

Она пощекотала прядью своих волос кончик его носа.

Гарет нахмурился.

Ровена вцепилась тонкими пальцами в его кольчугу.

— Почему вы так сердиты? Что беспокоит вас, милорд?

Он ткнул рукою куда-то вверх.

— Прежде чем я дам вам клятву, миледи, скажите, меня всегда будет ожидать такая встреча?

— Нет, милорд. Вот что вас будет ожидать отныне.

Она закинула обе руки ему на плечи. Они покатались, не замечая мокрых листьев, прилипающих к ним. Гарет глядел в ее глаза, такие же голубые, как небеса его детства.

Ровена завизжала, когда он встал и подхватил ее на руки.

Он шел к замку, не обращая внимания на слабые попытки Ровены вырваться.

— Гридмор! — закричал он. — Иди сюда и захвати с собой веревку. Я поймал воровку-баронессу.

Он потерся носом о ее нос. Ровена замерла, зачарованная страстью в его глазах, парализующей нежностью его улыбки.

— И я хочу оставить ее у нас.

Она прижалась щекой к его бороде, спросив приглушенным голосом:

— На зиму, милорд?

— Нет, дорогая. Навсегда.

Ровена подняла голову. Когда они вышли из-за поворота, факелы сияли из каждого окна Карлеона. Дождь полил сильнее. Рука Ровены доверчиво обвила шею Гарета, а Маленький Фредди уже распахивал ворота, чтобы впустить их. При виде Ирвина, закутанного в меховой плащ и радостно машущего им со стены замка, улыбка Гарета стала еще шире. Темный Лорд Карлеонский вернулся домой.